

Серия «Мудрость в притчах»

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

ББК 86.33
Д 17

Даосские притчи

Одна из самых замечательных традиций - традиция передачи духовных знаний в притчах. С помощью притч каждая традиция раскрывает для самых простых умов глубочайшие тайны своего учения. Каждая притча - выражение духовного опыта множества жизней, она - шифр духа.

- П.: Издательство «Золотое сечение»
2007. - 264 с.

ISBN 978-5-91078-013-6

© художественное оформление Никорук А. И.
© оформление издательство «Золотое сечение», 2007

Конфуций и Лао-цзи

Современником Будды в Китае был Конфуций. Его учение состояло из 3300 правил. Он был вельможей, аристократом и Великим Учителем, но не Мастером.

Конфуций был идеологом родовой знати и считал, что существующие при нем нравы и общественные порядки сложились в результате забвения истинных нравов и порядков, которые существовали во времена древней династии Ся (XXI — XV вв. до н.э.) и в начале правления династии Чжоу (1027 — 771 гг. до н.э.). Задачу правителей своего времени он видел в подражании основателям этих династий. Основными принципами отношений между людьми Конфуций провозгласил человеколюбие и справедливость. Основой порядка в семье и государстве он считал четкое определение места каждого человека в структуре семейных и общественных отношений. Конфуцианское общество — общество строгой иерархии с неукоснительным подчинением младшего старшему. В семье такая иерархия поддерживалась принципом сыновней почтительности, а в отношениях между правителем и подданным — принципом преданности.

В своем учении Конфуций расписал, как человек должен думать и кушать, спать, рожать детей и кормить их, как он должен одеваться и строить отношения с людьми. Возможно, если бы так пошло и дальше, то общество, впитавшее в себя так много мудрости, могло бы кристаллизоваться, омертветь. Но не зря говорится: «На каждого мудреца довольно простоты». Наверное, простота — это сила, которая не позволяет разуму захватить все рычаги управления в человеческой природе и в обществе, ибо общество похоже на живой организм, способный самоорганизовываться.

В подтверждение этого вслед за Конфуцием приходит Лао-цзы и говорит: «На свете есть только одно правило — не иметь никаких правил». Он заявляет, что человек должен жить интуитивно, проявляя свою внутреннюю высокую природу. Согласно даосизму, основой миропорядка является Дао (Путь). Пути (Дао) следуют небо, звезды, планеты, Земля, одушевленные существа и неживые предметы. Движение по этому пути неизменно. Никто и ничто не может уклониться от предначертанного ему дао. Все несчастья в жизни людей происходят от попыток уклонения от его предначертания. Поэтому задача человека — постичь свое индивидуальное дао, понять, в чем заключается его истинное предназначение.

Основной стержень даосизма — учение о бездействии («у-вей»), призыв вернуться к простоте и естественности, для чего людям необходимо освободиться от себялюбия и общественных цепей (мнений, правил, условностей, ритуалов), закрепощающих дух. Мысль Конфуция все разделя-

ет, классифицирует. Он логичен. Лао-цзы парадоксален, его мысль объединяет. Он говорит: «Пусть противоречия соединяются, пусть парадоксы встречаются, реагируйте на все живо, станьте живыми!» А этому нельзя научить. Лао-цзы и его последователи подготовили почву для восприятия буддизма, и со временем обе традиции переплелись так, что невозможно сказать, где кончается одно мировоззрение и начинается другое.

Конфуция очень беспокоил Лао-цзы и его учение, которое сокрушало все авторитеты.

Встреча Учителя и Мастера

Рассказывают, что однажды Конфуций отправился повидаться с Лао-цзы. Он был намного старше и, конечно, рассчитывал, что Лао-цзы будет вести себя по отношению к нему с должным почтением. Когда он вошел в комнату, где сидел в молчании Лао-цзы, тот не встал и, вообще, не обратил на него особого внимания. Он даже не предложил сесть! Конфуций был шокирован таким приемом.

С негодованием он спросил:

— Вы что, не признаете правил хорошего тона?

Лао-цзы ответил:

— Если Вам хочется сесть, садитесь; если Вам хочется стоять, стойте. Я не вправе указывать Вам на то, что делать. Я не вмешиваюсь в чужую жизнь. Вы свободный человек, и я — свободный человек.

Конфуций был потрясен. Он пытался завести разговор о «высоком» в человеке, но Лао-цзы рассмеялся и сказал:

— Я никогда не видел что-либо «высшее» или «низшее». Человек есть человек, точно так же, как деревья есть деревья. Все участвуют в одном и том же существовании. Нет никого, кто был бы выше или ниже. Все это бессмыслица!

Тогда Конфуций спросил:

— Что происходит с человеком после смерти?

Лао-цзы ответил:

— Вы живете, но можете ли Вы сказать, что такое жизнь?

Конфуций смутился.

Лао-цзы сказал:

— Вы не знаете этой жизни и, вместо того, чтобы познавать ее, беспокоитесь о той, запредельной.

В истории сохранился еще один вариант встречи Конфуция и Лао-цзы. Конфуций пришел к Лао-цзы и спросил:

— Что такое добро? Что такое зло? Дай четкое определение, ибо человеку необходимо на что-то опираться в своем действии.

Лао-цзы ответил:

— Определения создают путаницу, потому что они подразумевают разделение. Вы говорите, что яблоко есть яблоко, а человек есть человек... Вы разделили. Вы говорите, что человек не есть яблоко. Жизнь является единым движением, а в тот момент, когда Вы даете определение, создается путаница. Все определения мертвы, а жизнь всегда в движении. Детство движется к юности, юность — к зрелости и т.д.; здоровье движется к болезни, болезни — к здоровью. Где же вы проведете черту, чтобы разделить их? Поэтому определения всегда ложны, они порождают неправду, так что не определяйте! Не говорите, что есть добро, а что — зло.

Конфуций спросил:

— Тогда как можно вести и направлять людей? Как их научить? Как сделать их хорошими и моральными?

Лао-цзы ответил:

— Когда кто-то пытается сделать другого хорошим, в моих глазах это представляется грехом. Чем больше ведущих пытается создать порядок, тем больше беспорядка! Предоставьте каждого самому себе! Подобное положение кажется опасным. Общество может быть основанным на этом положении.

Конфуций продолжал спрашивать, а Лао-цзы только повторял:

— Природы достаточно, не нужно никакой морали, природа естественна, она непринужденна, стихийна. В ней достаточно невинности! Знания не нужны!

Конфуций ушел смущенным. Он не мог спать всю ночь.

Когда ученики спросили его о встрече с Лао-цзы, он ответил:

— Это не человек, это — опасность. Избегайте его!

Когда Конфуций ушел, Лао-цзы долго смеялся.

Он сказал своим ученикам:

— Ум является барьером для понимания, даже ум Конфуция! Он совсем не понял меня. И что бы он ни сказал впоследствии обо мне, будет неправдой. Он считает, что создает порядок в мире! Порядок присущ миру, он всегда здесь. И тот, кто пытается создать порядок, создаст лишь беспорядок.

Существует еще один вариант встречи великого Учителя и великого Мастера. Лао-цзы жил в пещере, в горах. О его странностях ходили легенды. Конфуций пришел к нему. Ученики остались ждать его снаружи. Когда Конфуций вышел из пещеры, он весь дрожал.

Ученики спросили его:

— Что случилось?

Конфуций ответил:

— Никогда не ходите к этому человеку, он не человек, он — дракон!

Даже ученики Лао-цзы были потрясены, потому что Конфуций был намного старше, его уважал народ, уважали при дворе. И то, как Лао-цзы повел себя с Конфуцием, было просто оскорбительным. Но не для Лао-цзы! Он был простым человеком, не высокомерным, не смиренным, а просто чистым человеком. И если это больно ранило — его

чистота, его невинность, его обыкновенность, если это задело Конфуция, то что он мог поделать? Он был чистым зеркалом, в котором отражалось все несовершенное.

Ученики спросили Лао-цзы:

— Что Вы сделали?

Он сказал:

— Я ничего не делал, я просто отражал!

Когда Конфуций посмотрел в глаза Лао-цзы, то понял, что этого человека невозможно обмануть. Конфуций спросил его о чем-то, но Лао-цзы ответил:

— Я ничего не знаю.

Тогда он спросил:

— Что случается после смерти?

Лао-цзы сказал:

— Вы живете, но разве Вы можете сказать, что такое жизнь?

Конфуций смутился.

Лао-цзы сказал:

— Вы не знаете этой жизни, а беспокоитесь о той, за предельной.

На следующий день император спросил Конфуция:

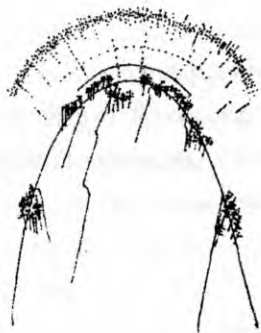
— Ты был у Лао-цзы. Что же случилось?

Конфуций ответил:

— Именно то, чего я больше всего боялся. Он выставил меня таким глупым, что даже сорок восемь часов спустя я все еще дрожу. Одно я могу Вам сказать: не думайте встречаться с этим человеком. Он — дракон, он — не человек.

Верховный судья

ПРОХОДИТ ДУХА

Спустя годы император Китая все же встретился с Лао-цзы и был настолько очарован им, что назначил его верховным судьей. Лао-цзы пытался отказаться от назначения, но тщетно.

Тогда он согласился и сказал:

— Но Вы будете сожалеть об этом назначении, так как мои

пути понимания и видения полностью отличаются от Ваших.

Император настаивал, поскольку был уверен в необыкновенной мудрости этого человека. Лао-цзы занял место верховного судьи и первое дело, которое он рассматривал, было о человеке, которого схватили на месте преступления за воровство в доме самого богатого человека. Фактически дело не рассматривалось, поскольку вора поймали на месте преступления и он сам признался в содеянном. Лао-цзы вынес ему знаменитый приговор, настолько уникальный и исполненный понимания, что никогда, ни до него, ни после, никто не выносил такого приговора. Он гласил, что вора нужно отправить в тюрьму на шесть месяцев и богача тоже следует отправить в тюрьму на такой же срок.

Богач промолвил:

— Не могу поверить своим ушам! Мои деньги украдены и меня же в тюрьму? То же самое наказание, что и вору! За что?

Лао-цзы сказал:

— Ты и есть первый вор, а он уже второй. Но тебе следовало бы вынести более суровое наказание. Ты собрал все ценности столицы в свои закрома и сделал тысячи людей голодными, а ведь это люди, которые производят! За счет них ты живешь. Ты великий эксплуататор.

Весь зал хранил молчание.

Богач же сказал:

— Возможно, ты и прав, но перед тем, как ты отправишь меня в тюрьму, я хочу видеть императора.

Встретившись с императором, он сказал:

— Вы поставили верховным судьей человека, который осудил меня. Но помните, если я — вор, то Вы — гораздо больший вор. Вы эксплуатируете всю страну. Отстраните этого человека, иначе он и Вас объявит воров.

Император сказал:

— Признаю, это мое упущение, он предупреждал меня, что его понимание совершенно отлично от нашего. Мы поправим это дело.

Лао-цзы освободили от его обязанностей и император сказал ему:

— Ты был прав, прости меня. У нас действительно разные способы мышления.

Дао Дэ Цзин

Утренний променад

Известно, что Лао-цзы не записал ни одного слова мудрости за всю свою жизнь. Единственный его трактат «Дао Дэ Цзин» появился на свет под давлением. Было это так. Лао-цзы состарился и объявил ученикам о своем решении уйти в Гималаи, чтобы раствориться там без следа в девственной тишине, в вели-

колепии природы. Так он и сделал, но его остановили у границы по приказу императора и объявили, что не отпустят, пока он не напишет трактат мудрости.

В течение трех дней он написал маленький трактат «Дао дэ-цзин» — опыт собственного переживания Истины. До этого события в даосской традиции опыт переживания Истины передавался только устно от наставника к ученику непосредственно. При этом необязательно было прибегать к помощи слов. Скорее, это переживание передавалось всем образом жизни и включением ученика в свой поток.

Утренняя прогулка

Однажды ученик попросил Лао-цзы:

— Позвольте мне сопровождать Вас на утреннюю прогулку.

Лао-цзы сказал:

— Только с одним условием: не разговаривать.

Утром они пошли в горы. Целый час ученик молчал, сдерживая себя. Когда начало подниматься Солнце, долина стала такой прекрасной, что ученик не выдержал и воскликнул:

— Какой прекрасный рассвет!

Лао-цзы сказал:

— Ты все испортил.

Больше он никогда не брал этого ученика с собой.

КЛЮЧЬ ДАО

Многие знатные люди хотели учиться у Лао-цзы, но это было невозможно. Люди были слишком определенными, а Лао-цзы — это естественность, это сама природа. Чтобы учиться у Природы, нужно быть никем или всем. Быть Единым. Иначе будешь только препарировать Природу.

Рассказывают, когда к Лао-цзы пришел Чжуан-цзы, Лао-цзы сказал:

— Прекрасно! Ты пришел, чтобы быть моим Мастером?

Чжуан-цзы ответил:

— Оставим это! Почему мы не можем просто быть?

И он прикоснулся к ногам Лао-цзы.

Тот воскликнул:

— Что ты делаешь?

Чжуан-цзы ответил:

— Не ставьте ничего между нами. Если я чувствую, что должен прикоснуться к Вашим ногам, тогда никто не может помешать мне: ни вы, ни я. Мы просто наблюдаем, как это происходит!

Будьте живыми

Один из тайных ключей Дао гласит: «То, что в вас прекрасно, нужно скрыть и никогда не демонстрировать. Когда истина спрятана в сердце, она прорастает, как зерно, брошенное в землю. Не извлекайте его наружу. Если вы извлечете зерно на всеобщее обозрение, оно умрет без пользы».

Случилось так, что Чжуан-цзы стал весьма знаменит и император пригласил его возглавить кабинет министров.

Лао-цзы рассердился:

— Что-то ты не так делаешь, иначе с чего бы император заинтересовался твоей особой? Ты, видимо, оказался чем-то полезен. Наверное, ты что-то не понял в моем учении. Теперь тебе не найти покоя.

Как-то Чжуан-цзы ловил рыбу в реке. Чуйский правитель направил к нему двух сановников с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на Вас бремя государственных дел».

Чжуан-цзы, продолжая ловить рыбу, сказал:

— Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, завернув в покровы и спрятав в ларец в храме предков.

— Да, это так, — ответили сановники.

— Что бы предпочла эта черепаха? Быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить свой хвост по грязи?

Оба сановника ответили:

— Предпочла бы быть живой и волочить свой хвост по грязи.

Тогда Чжуан-цзы сказал:

— Уходите! Я тоже предпочитаю волочить свой хвост по грязи.

Станьте бесполезными

Рассказывают, что Лао-цзы шел через лес, где сотня дровосеков рубила деревья. Но вот Лао-цзы увидел огромное дерево несрубленным. Оно было очень большим и прекрасным. Лао-цзы послал своих учеников узнать, почему дерево не рубят. «Оно бесполезно, — был от-

вет, — из него ничего нельзя сделать. Оно не годится даже для мебели».

И Лао-цзы сказал ученикам:

— Научитесь у этого дерева, станьте столь же бесполезными. Тогда никто вас не тронет. Это великое дерево. Взгляните, все эти деревья погибли, они были прямые и стройные. Должно быть, эти стройные деревья очень гордились собой, и они кому-то понадобились. Станьте бесполезными, но поймите смысл этого: не становитесь товаром, не становитесь вещью, иначе вас будут продавать и покупать.

Умер один великий даос. Лао-цзы отправился оказать ему последнюю почесть. Но на похоронах собралось множество людей. Он удивился и повернул обратно.

Ученики, сопровождавшие его, спросили:

— В чем дело? Почему Вы решили вернуться, не оказав последней почести?

— Он не мог быть человеком Дао, — ответил Лао-цзы. — Столько людей плачут и рыдают. Видно, он стал для них чем-то незаменимым. Значит, от него им была какая-то польза. Вот почему я возвращаюсь. Он не следовал учению истинно.

Легкое есть верное

УЧЕБНИК ДИДАКТИКИ

Лао-цзы учил: «Хочешь быть твердым — сохраняй твердость с помощью мягкости; хочешь быть сильным — береги силу с помощью слабости.

Кто собирает мягкое, станет твердым. Кто собирает слабое, станет сильным. Наблюдай за тем, что собирается, чтобы узнать, что придет: счастье или беда. Мягкое и слабое — спутники жизни. Твердое и сильное — спутники смерти».

Наставления Лао-цзы

Конфуций обратился к Лао-цзы:

— Ныне, на досуге, дозволюте задать вопрос: в чем истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до белизны снега

свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, его трудно выразить в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лао-цзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а все вещи друг друга порождают с помощью телесной формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, а лишь открытое со всех четырех сторон величайшее пространство. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — пронизательным, слух — тонким, зрение — острым. Он мыслит без усилий, откликается всем вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, вся тьма вещей не может не расцветать — не таков ли естественный путь каждого? К тому же мудрый определил, что многознающий вряд ли обладает знанием, а красноречивый вряд ли обладает прозорливостью. Определение мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне всей тьмы вещей, вмещающая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа. Вместе со всей тьмой вещей исчерпывать способности и не истощаться — таков этот путь. В Срединных царствах есть человек, который не подвержен ни силе жара, ни силе холо-

да, обитает между небом и землей. Только временно он человек и скоро вернется к своему предку. Если наблюдать за ним с самого начала, с рождения, увидим вещь студенистую, обладающую голосом. Есть ли какое-либо различие между тем, проживет ли долго, умрет ли преждевременно? Ведь речь идет всего лишь о мгновенье! Стоит ли рассуждать о том, кто был идеальным, а кто порочным — Высочайший или Разрывающий на Части?

Высшее

Медведь

Среди учеников Лао-цзы был Гэнсан Чу. Овладев во многом учением Лао-цзы, он поселился на Севере, на горе Опасное Нагромождение. Прогнал тех рабов, которые блистали знаниями, отослал тех наложниц, которые кичились милосердием; остался с грубыми и некрасивыми,

опирался лишь на старательных, хлопотливых. Прожил три года, и на горе Опасное Нагромождение собрали богатый урожай.

Тут жители горы стали друг другу говорить:

— Когда учитель Гэнсан только появился, мы испугались и его сторонились. Ныне у нас запасов — нечего и говорить — хватит на день, хватит и на год с избытком. Возможно, он мудрец? Почему бы нам не молиться ему, как Покойнику? Не воздвигнуть ему алтарь Земли и Проса?

Услышав об этом, Гэнсан Чу обернулся лицом к югу и долго не мог успокоиться. Ученики удивились, а Гэнсан Чу сказал:

— Почему вы, ученики, удивляетесь? Ведь когда начинает действовать весенний эфир, растут все травы; установится осень — созревает вся тьма плодов. Разве весна и осень не должны быть такими? Это проявление естественного пути. Я слышал, что настоящий человек живет, подобно Покойнику, за круглой стеной, а народ безумствует, не зная, как к нему обратиться. Ныне малый люд на горе Опасное Нагромождение упрямышует, желая приносить мне жертвы среди других достойных. Разве я способен стать для них образцом? Я помню слова Лао-цзы и не могу успокоиться.

— Нет! — сказали ученики. — В обычной канаве не повернуться огромной рыбе, не то что пескарю. За холмом вышиной в несколько шагов не спрятаться крупному зверю, он пригоден лишь для лисицы, оборотня. Ведь почитаемые и достойные поручали дела способным, а добрых заранее награждали. Если так поступали с древних времен Высочайший и Ограждающий, то тем более так поступает народ на горе Опасное Нагромождение. Послушайтесь его, учитель!

— Подойдите, дети! — сказал Гэнсан Чу. — Ведь зверь величиной с повозку, в одиночку покинув гору, не избежит сетей и ловушек. Рыбу, глотающую суда, останься она после разлива на мели, замучают даже муравьи. Поэтому птицы и звери неустанно ищут большую высоту; рыбы, черепахи неустанно ищут большую глубину. И человек, чтобы сохранить свою телесную форму и жизнь, скрывается и неустанно ищет большее уединение. Разве Высочайший и Ограждающий заслуживают восхваления? Это от них пошли различия, чтобы люди стали опрометчиво ломать стены и сеять бурьян, причесываться, перебирая по волоску, варить рис, пересчитывая зернышки. По моему ничтожному мнению, этого недостаточно, чтобы помочь миру! Начали выдвигать добродетельных, и люди стали друг друга притеснять; возвысили знающих, и люди стали друг друга грабить. Тот, кто пересчитывает вещи, недостоин благодетельствовать народу. Народ стал жаждать выгоды, сыновья — поднимать руку на отцов, слуги — убивать своих хозяев, грабить среди бела дня, делать подкопы в полдень. Я говорю вам: корень великой смуты был возвращен при Высочайшем и Ограждающем, ее вершина просуществует тысячу поколений, и через тысячу поколений люди будут пожирать людей.

Тут Карлик, Прославленный на Юге, выпрямился и взволнованно спросил:

— Какое же учение Вы вручите вместе с этими словами такому старому, как я, Карлик?

— Сохраняй в целости свою телесную форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах и через три года сумеешь постичь эти слова, — ответил Гэнсан Чу.

— Глаза подобны по форме, — сказал Карлик, — я не понимаю, в чем между ними различие, а слепой себя не видит. Уши подобны по форме, я не понимаю, в чем между ними различие, а глухой себя не слышит. Сердца подобны по форме, я не понимаю, в чем между ними различие, а безумный себя не обретает. Тело телу также уподобляется, но их, возможно, разделяют вещи. Стремлюсь найти подобие, но не способен его обрести. Ныне вы сказали мне, Карлику: «Сохраняй в целости свою телесную форму, заботься о своей жизни, не допускай суеты в мыслях и думах». Я, Карлик, внимал учению напрягаясь, но оно достигло лишь ушей.

— Слова мои иссякли, — сказал Гэнсан Чу. — Ведь говорят, что шмелю не изменить куколки, юэской курице не высидеть гусяного яйца — это по силам лишь наседке из Лу. Курица подобна курице, свойства у них все одинаковые. Если одна способна, а другая не способна, это, конечно, означает, что способности бывают большие и малые. Ныне оказалось, что мои способности малы — недостаточны, чтобы тебя развить. Почему бы тебе не отправиться на юг, повидаться с Лао-цзы?

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лао-цзы.

— Не от Чу ли ты пришел? — обратился к нему Лао-цзы.

— Да, — ответил Карлик.

— Почему ты привел с собой стольких людей? — спросил Лао-цзы.

Карлик в испуге оглянулся.

— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лао-цзы.

Карлик потупился от стыда, затем поднял голову и вздохнул:

— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.

— О чем ты хотел говорить? — спросил Лао-цзы.

— Если у меня не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; если будут знания, они принесут беду мне самому. Буду милосердным — навлеку беду на себя, а если немилосердным, то, напротив, принесу вред другим; буду справедливым — навлеку беду на себя; а если несправедливым, то погублю других. По совету Гэнсан Чу хотел бы у Вас спросить, как мне избежать этих трех бед?

— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские глубины. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, не знаешь, откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, призывал то, что по учению любил, отказывался от того, что по учению ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лао-цзы.

Лао-цзы сказал:

— Ты омылся, пар идет, как от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленны, что с ними не справиться, идут извне, следует для них воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что с ними не справиться, идут изнутри, следует для них воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать даже тому, кто владеет природными свойствами, а тем более тому, кто лишь подражает пути.

Карлик сказал:

— Когда один человек в селении заболел, земляк спросил его, что болит, и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. Я же, Карлик, выслушал Ваши слова о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. Мне, Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.

— О главном для сохранения жизни? — повторил Лао-цзы. — Способен ли ты сохранять единое, его не теряя? Способен ли узнавать, что впереди — счастье или беда, не гадая ни на панцире черепахи, ни на стебле пупавки? Способен ли остановиться? Способен ли со всем покончить? Способен ли оставить всех людей и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? Ведь младенец целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает, ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не

ведая куда; останавливаться, не ведая зачем; сжиматься и разжиматься вместе со всеми вещами, плыть с ними на одной волне — таково главное условие сохранения жизни.

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лао-цзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно с другими от земли, наслаждается природой. Он не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, которые приносят люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими, замышлять планы, заниматься делами. Уходит, словно парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. Я спросил, способен ли ты стать младенцем? Ибо младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Филигранщик

Муж по прозвищу Филигранщик увиделся с Лао-цзы и спросил:

— Я слышал, что вы, учитель, мудрый человек, и поэтому пришел с вами познакомиться. Меня не удержала и дальняя дорога. Прошел мимо сотни постоялых дворов, ноги покрылись

мозолями, но не смел остановиться. Ныне же я увидел, что вы не мудрец: у мышиных нор остатки риса, бросать его как попало — немилосердно. У вас полно и сырого, и вареного, а вы собираете и накапливаете без предела.

Лао-цзы с безразличным видом промолчал.

На другой день Филигранщик снова увиделся с Лао-цзы и сказал:

— Вчера я над вами насмеялся. Почему же сегодня мое сердце искренне от этого отказывается?

— Я сам считал, что избавился от тех, кто ловко узнает проницательных и мудрых, — ответил Лао-цзы. — Если бы вчера вы называли меня Волон, и я назвался бы Волон; называли бы меня Конем, и я назвался бы Конем. Если, встре-

тив какую-то сущность, кто-то дает ей название, то, не приняв названия, примешь от такого беду. Я покорился не оттого, что был покорен, а покорился, не изменившись.

Филигранщик пошел бочком, избегая его тени, вошел прямо в дом, не сняв обуви, и спросил:

— Как же мне совершенствоваться?

— Ведешь себя высокомерно, смотришь дерзко, — сказал Лао-цзы. — Лоб у тебя высокий и простой, а рычишь, словно тигр, вид неестественный. Стоишь, будто конь на привязи, умчался бы, а насильно себя удерживаешь. Кинешься — так стрелой, разбираешься — так в мелочах, прознал все хитрости, а смотришь безмятежно. Никто не найдет тебя достойным доверия. На окраинах бывают такие, и имя им — воры.

Мудрый царь

Ян Чжу встретился с Лао-цзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительно-го, пронизательного и дальновидного, который без усталости изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лао-цзы,

— такой человек выглядел бы как суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников»; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку — за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался на царя; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. Сам же царь стоял в неизмеримом и странствовал в небытии.

Снедь

Ян Чжу на юге достиг местности Пэй, и когда Лао-цзы странствуя на запад, пришел в Цинь, встретил его на подступах — в Лян.

Посредине дороги Лао-цзы поднял взор к небу и вздохнул:

— Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же вижу, что нельзя.

Ян Чжу промолчал. Когда же они вошли в харчевню, Ян Чжу подал Лао-цзы воду для умывания и полоскания рта, полотенце и гребень. Оставив туфли за дверями, подполз к нему на коленях и заговорил:

— Недавно учитель поднял взор к небу, вздохнул и сказал: «Прежде думал, что тебя можно научить, ныне же вижу, что нельзя», Мне, ученику, хотелось попросить объяснения, но не осмелился, ибо учитель сказал и продолжал путь без отдыха. Ныне же у учителя есть свободное время. Дозвольте мне задать вопрос: в чем моя вина?

— У тебя самодовольный взгляд, у тебя хвастливый взгляд. С кем сумеешь жить вместе? Ведь и «чистейшая белизна кажется запятнанной, совершенное достоинство кажется недостаточным», — ответил Лао-цзы.

— Почтительно слушаюсь! — сказал Ян Чжу со всем уважением, изменившись в лице.

Прежде Ян Чжу в харчевне приветствовали женщины, хозяин приносил ему циновку, хозяйка подавала полотенце и гребень, сидевшие уступали место на циновке, гревшиеся давали место у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке.

Милосердие и справедливость

Конфуций встретился с Лао-цзы и заговорил о милосердии и справедливости.

— Если, провеивая мякину, засоришь глаза, — сказал Лао-цзы, — то небо и земля, все четыре страны света поменяются местами. Если искушают комары и москиты, не зас-

нешь всю ночь. Но нет смуты большей, чем печаль о милосердии и справедливости, она возмущает мое сердце. Если бы вы старались, чтобы Поднебесная не утратила своей простоты, вы бы двигались, подражая ветру, останавливались, возвращаясь к природным свойствам. К чему же столь рьяно, будто в поисках потерянного сына, бьете во все неподвижные и переносные барабаны? Ведь лебедь бел не оттого, что каждый день купается; а ворона черна не оттого, что каждый день чернится. Простота белого и черного не стоит того, чтобы о ней спорить; красота имени и славы не стоит того, чтобы ее увеличивать. Когда источник высыхает,

рыбы, поддерживая одна другую, собираются на мели и стараются дать друг другу влагу дыханием, слюной. Но лучше им забыть друг о друге в просторах рек и озер.

Повидавшись с Лао-цзы, Конфуций вернулся домой и три дня молчал.

— С чем вы, учитель, вернулись от Лао-цзы? — спросили ученики.

— Ныне в нем я увидел Дракона. — ответил Конфуций. — Дракон свернулся в клубок, и образовалось тело, расправился, и образовался узор, взлетал на облаке, на эфире, кормился от сил жара и холода. Я разинул рот и не мог его закрыть. Как же мне подражать Лао-цзы!

— В таком случае, — спросил Цзыгун, — не обладает ли тот человек неподвижностью Покойника и внешностью Дракона, голосом грома и молчанием пучины, не действует ли подобно небу и земле? Не удостоюсь ли и я, Сы, его увидеть?

От имени Конфуция Цзыгун встретился с Лао-цзы.

Лао-цзы только что уселся на корточки в зале и слабым голосом промолвил:

— Годы мои уже на закате, и я уйду. От чего вы хотите меня предостеречь?

— Почему только вы, Преждерожденный, считаете, что три царя и пять предков не были мудрыми? — спросил Цзыгун. — Ведь они управляли Поднебесной по-разному, слава же им выпала одинаковая.

— Подойди, поближе, юноша, — сказал Лао-цзы. — Почему ты считаешь, что управляли по-разному?

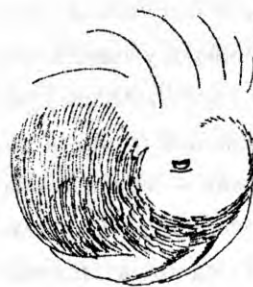
— Высочайший передал власть Ограждающему, Ограждающий — Молодому Дракону, — сказал Цзыгун. — Молодой Дракон применял силу физическую, а Испытующий — военную. Царь Прекрасный покорялся Бесчеловечному и не смел ему противиться. Царь Воинственный пошел против Бесчеловечного и не захотел ему покориться. Поэтому и говорю, что по-разному.

— Подойди поближе, юноша, — сказал Лао-цзы. — Я тебе поведаю, как управляли Поднебесной три владыки и пять предков. Желтый Предок, правя Поднебесной, привел сердца людей к единству. Когда родители умирали, дети их не оплакивали и народ их не порицал. При Высочайшем в сердцах людей Поднебесной появились родственные чувства. Если из-за смерти своих родителей люди придавали меньшее значение смерти чужих родителей, народ их не порицал. При Ограждающем в сердцах людей Поднебесной зародилось соперничество. Женщины родили после десяти лун беременности, дети пяти лун от роду могли говорить, еще не научившись смеяться, начинали узнавать людей и тогда стали умирать малолетними. При Молодом Драконе сердца людей Поднебесной изменились, у людей появились страсти, а для применения оружия — обоснования; убийство разбойника не стали считать убийством. Разделили на роды людей и Поднебесную для каждого из них свою. Поэтому Поднебесную объял великий ужас. Поднялись конфуцианцы и моисты. От них пошли правила отношений между людьми, а ныне еще и отношений с женами. О чем еще говорить! Я поведаю тебе, как три владыки и пять пред-

ков наводили порядок в Поднебесной. Называется — навели порядок, а худшего беспорядка еще не бывало. Своими знаниями трое владык наверху нарушили свет солнца и луны, внизу — расстроили сущность гор и рек, в середине — уменьшили блага четырех времен года. Их знания более ядовиты, чем хвост скорпиона, чем зверь сяньгуй. Разве не должны они стыдиться? Ведь не сумев обрести покой в собственной природе, они сами еще считали себя мудрецами. Они — бесстыжие!

Цыгун в замешательстве и смущении остался стоять на месте.

Справедливость

ДЕДВЕЕДУКОВНА

Конфуций отправился на запад, чтобы спрятать книги в чжоуском хранилище, а Цылу ему сказал:

— Я слышал, что среди летописцев в Чжоу был Лао-цзы, но он отказался от должности и вернулся к себе домой. Не отправиться ли к нему за помощью,

если вы, учитель, хотите спрятать книги?

— Прекрасно, — сказал Конфуций и отправился к Лао-цзы, но тот отказался помочь, и Конфуций стал его убеждать, излагая все двенадцать основ.

— Слишком пространно, — прервал его Лао-цзы, — хочу услышать самое важное.

— Самое важное — это милосердие и справедливость, — ответил Конфуций.

— Разрешите узнать, каков характер милосердного и справедливого? — спросил Лао-цзы.

— Хорошо, — ответил Конфуций. — Без милосердия нельзя стать благородным мужем, без справедливости нельзя даже родиться благородным мужем. Милосердие и справедливость — таков характер истинного человека. Как же может быть иначе?

— Разрешите спросить, — сказал Лао-цзы, — что вы называете милосердием и справедливостью?

— От души радоваться вместе со всеми вещами, любить всех без пристрастия. Таковы чувства милосердия и справедливости, — ответил Конфуций.

— О! Почти как в речах последышей. Любовь ко всем разве не нелепость? Беспристрастие — разве это не пристрастие? — сказал Лао-цзы. — Если вы, учитель, не хотите, чтобы Поднебесная лишилась своих пастырей, вы должны желать ей постоянства такого же, как у неба и земли. Ведь, конечно, будут светить солнце и луна, будет свой порядок у звезд и планет, будут стаи птиц и стада зверей, и деревья будут расти вверх. Если бы вы, учитель, действовали, подражая их свойствам, следовали их путем, то уже достигли бы истинного. К чему же столь рьяно вещать о милосердии и справедливости, точно с барабанным боем

отыскивать потерянного сына? Вы, учитель, вносите смуту в характер человека!

Конфуций спросил Лао-цзы:

— Можно ли назвать мудрым человека, который овладевает путем, будто подражая сильному, делая невозможное возможным, неистинное истинным, или софиста, который говорит, что отделить твердое и белое ему так же легко, как различить светила на небе?

— Это суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь умение собаки загнать яка, ловкость обезьяны исходят из гор и лесов, — ответил Лао-цзы.

— Я скажу тебе, Цю, о том, чего нельзя услышать, о чем нельзя рассказать. У многих есть голова и ноги, но нет ни сердца, ни слуха, но нет таких, кто, имея тело, существовал бы вместе с неимеющим ни тела, ни формы. Причины движения и покоя, смерти и рождения, уничтожения и появления не в самих людях, но некоторые из причин управляются людьми. Того же, кто забывает обо всех вещах, забывает о природе, уподоблю забывшему самого себя. Только забывшего о самом себе и назову слившимся с природой.

Первоначало

Конфуций увиделся с Лао-цзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил их, недвижимый, будто не человек, Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда Лао-цзы его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли я, Цю? Верить ли глазам? Только что Вы, Пржеждорожденный, сво-

ей телесной формой походили на сухое дерево, будто оставили все вещи, покинули людей и возвысились, как единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лао-цзы.

— Что это означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. Но попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе силы, взаимно проникая друг друга, соединяются, и все вещи рождаются. Нечто создало этот поря-

док, но никто не видел его телесной формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и когда им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же всему этому явился предком, истоком?

— Разрешите спросить, что означает такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести такое странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, кто странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, — ответил Лао-цзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной вся тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и станешь со всеми ровен, тогда руки, ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься, как к смене дня и ночи. Ничто не приведет тебя в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто страхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в

себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конца, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью Вы, учитель, равны Небу и Земле, — сказал Конфуций. — Все же позаимствую Ваши истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так, — ответил Лао-цзы. — Ведь бывает, что вода бьет ключом, но она не действует, эта способность естественная. Таковы и свойства настоящего человека. Он не совершенствуется, а вещи не могут его покинуть. Зачем совершенствоваться, если свойства присущи ему так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя от Лао-цзы, Конфуций поведал обо всем Янь Юаню и сказал:

— Я, Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с укусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

ЛОВЕЦ ЦИКАС

Исправляясь в Чу, Конфуций вышел из леса и заметил Горбуна, который ловил цикад, будто просто их подбирал.

— Как ты искусен! — воскликнул Конфуций. — Обладаешь ли секретом?

— Да! У меня есть секрет, — ответил ловец цикад. — В пятую-шестую луну кладу на коконы цикад шарики. Из тех, на которые положу два шарика, и шарики не упадут, теряю немногих; из тех на которые положу три шарика и шарики не упадут, теряю одну из каждых десяти: тех же, на которые положу пять шариков, и они не упадут, ловлю всех просто, будто подбираю. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, словно сухие ветви. Как бы ни велика была Вселенная, какая бы тьма тварей в ней ни существовала, мне ведомы лишь крылатые цикады. Почему бы мне их не ловить, если ничто другое не заставит меня шевельнуться, ни на что в мире я не сменяю крылышки цикады!

— Вот каковы речи того Горбуна! Воля его не рассеивается, а сгущается в душе! — воскликнул Конфуций, обернувшись к своим ученикам.

ВОЗОНАС

Конфуций любовался в Люйляне водопадом; струи спадают с высоты в три тысячи саженей, пена бурлит на сорок ли. Его не могут преодолеть ни кайманы, ни рыбы, ни черепахи — морские или речные. Заметив там пловца, Конфуций подумал, что тот с горя ищет смерти, и отправил своих учеников вниз, чтобы его вытащить. Но тот через несколько сот шагов вышел из воды с распущенными волосами, запел и стал прогуливаться у дамбы.

Конфуций последовал за ним и сказал ему:

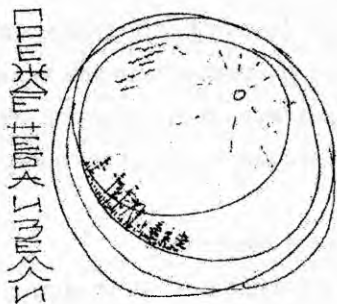
— Я принял тебя за душу утопленника, но вгляделся: ты — человек. Дозволь задать вопрос: владеешь ли секретом, как ходить по воде?

— Нет, — ответил пловец. — У меня нет секрета. От рождения — это у меня привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба. Вместе с волной погружаюсь, вместе с пеной всплываю, следую за течением воды, не навязывая ей ничего от себя. Вот почему я и хожу по воде.

— Что означает «от рождения — это привычка, при возмужании — характер, в зрелости — это судьба?» — спросил Конфуций.

— Я родился среди холмов и удовлетворен жизнью среди холмов — такова привычка; вырос на воде и удовлетворен жизнью на воде — таков характер; это происходит само по себе, и я не знаю почему — такова судьба.

Прежде неба и земли

Жань Цю спросил Конфуция:

— Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?

— Можно, — ответил Конфуций. — В древности было то же, что и ныне.

Потеряв нить разговора, Жань Цю ушел.

На другой день снова явился к учителю и сказал:

— Вчера я спросил: «Можно ли узнать, что было прежде неба и земли?». Учитель ответил: «Можно. В древности было то же, что и ныне».

Осмелюсь ли задать вопрос, почему вчера мне это было ясно, а сегодня — нет?

— Вчера было ясно, — ответил Конфуций, — ибо ты духовно заранее подготовился к восприятию ответа. Сегод-

ня неясно, ибо ты ищешь ответа не для духовного. Нет ни древности, ни современности, нет ни начала, ни конца. А могли быть сыновья и внуки до того, как появились сыновья и внуки?

Жань Цю не успел ответить, как Конфуций продолжил:

— Постой! Не отвечай! Умирают не оттого, что рождаются живые; живут не оттого, что умирают мертвые. И смерть, и жизнь от чего-то зависят; у них обеих есть единое общее. Разве было вещью то, что родилось прежде неба и земли? Вещество в вещах — это не вещь. Вещи не могли появиться прежде вещей. Совершенно так же были вещи, совершенно так же появлялись вещи — без конца, подражая этому, и мудрец всегда бесконечен в любви к людям.

Низкожный для природы

Учитель с Тутового Двора, Мэн Цзыфань и Цзы Циньчжан подружились. Они сказали друг другу:

— Кто способен дружить без мысли о дружбе? Кто способен действовать совместно, без мысли действовать совместно? Кто способен подняться на небо, странствовать сре-

ди туманов, кружиться в беспредельном, забыв обо всем живом, как бы не имея конца?

Тут все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Но вот Учитель с Тутового Двора умер. Еще до погребения Конфуций услышал об этом и послал Цзыгуна им помочь. Цзыгун услышал, как кто-то складывал песню, кто-то подыгрывал на цине, и вместе запели:

Ах! Придешь ли, Учитель с Тутового Двора? Ах! Придешь ли, учитель? Ты уже вернулся к своему истинному, а мы все еще люди!

Поспешно войдя, Цзыгун сказал:

— Дозвольте спросить, по обряду ли вы так поете над усопшим?

— Что может такой понимать в обряде? — заметили оба, переглянувшись и усмехнулись.

Цзыгун вернулся, доложил Конфуцию и спросил:

— Что там за люди? Приготовлений к похоронам не совершали, отчужденные от формы, они пели над усопшим и не изменились в лице. Я даже не знаю, как их назвать! Что там за люди?

— Они странствуют за пределами человеческого, — ответил Конфуций, — а я, Цю, странствую в человеческом. Бесконечному и конечному друг с другом не сблизиться, и я, Цю, поступил неразумно, послав с тобой свое соболезнование. К тому же они обращаются с тем, что творит вещи, как с себе подобным, и странствуют в едином эфире

неба и земли. Для них жизнь — какой-то придаток, зоб; смерть — прорвавшийся чирей, освобождение от нароста. Разве такие люди могут понять, что такое смерть и что такое жизнь, что сначала, а что в конце? Они допускают, что тело состоит из различных вещей. Забывая о собственных глазах и ушах, о печени и желчи, они твердят все снова и снова о конце и начале, не зная границ. Они бессознательно блуждают за пределами пыли и праха, странствуют в беспредельном, в области недеяния. Разве станут они себя затруднять исполнением людских обрядов? Представать перед толпой зрителей, говорить для ушей толпы слушателей?

— Почему же тогда вы, учитель, следуете обрядам? — спросил Цзыгун.

— На мне, Цю, кара Небес! И все же я разделяю ее с тобою, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь ли спросить про их учение?

— Рыба создана для воды, а человек — для пути, — ответил Конфуций. — Тот, кто создан для воды, кормится, плавая в пруду. Тот, кто создан для пути, утверждает свою жизнь в недеянии. Поэтому и говорят: «Рыбы забывают друг о друге в просторах рек и озер, люди забывают друг о друге в учении о пути».

— Осмелюсь ли узнать, что за человек тот, кто чуждается людей? — спросил Цзыгун.

— Тот, кто чуждается людей, равен природе, — ответил Конфуций. — Поэтому и говорится: «Человек, ничтожный для природы, — благородный муж, царь для лю-

дей; благородный муж для людей — человек, ничтожный для природы».

Не будьте самодовольными

Проходя через провинцию Сун, Ян-цзы зашел на постоялый двор. У хозяина двора были две наложницы: красивая и безобразная. Хозяин ценил безобразную, а красивой пренебрегал.

На вопрос Ян-цзы, какая тому причина, он

ответил:

— Красавица сама собой любит себя, а я не понимаю, в чем ее красота. Безобразная сама себя принижает, а я не понимаю, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Ян-цзы. — Действуйте достойно, но гоните от себя самодовольство и вас полюбят всюду, куда бы вы ни пришли.

Совершенство — это полнота свойств

Давесские
Притмы
Син-цзы
и
Чжоусского
царя

Цзы Син-цзы тренировал бойцового петуха для чжоусского царя. Встретив его, царь спросил:

— Готов ли петух к бою?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через 10 дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Бросается на каждую тень, откликается на каждый звук. Через 10 дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, энергия бьет ключом, через край.

Прошло еще десять дней.

Цзы Син-цзы сказал царю:

— Почти готов. Не тревожится, даже если услышит другого петуха. Взгляни на него! Он будто вырезан из дерева. Полнота его свойств совершенна! На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух, повернется и сбежит.

Поставить ум в тупик

В даосской традиции Мастер стремился поставить ум ученика в тупик, показать ему ограниченность ума и, таким образом, вывести его за пределы понимания. Для этой цели изобретались хитроумные коаны (головоломки). Например, Мастер говорил ученику: «Медитируй на

тему: хлопок одной рукой». Подобные приемы использовались в дзэн-буддизме и в суфизме.

Жил на свете даосский Мастер по имени Рибху. Среди его учеников выделялся Нигадха. Мастер возлагал на него большие надежды. Но однажды Нигадха объявил о своем уходе. Ему предложили должность в его родном городе, и он намеревался вести жизнь, посвященную обрядам официальной религии. Мудрец любил своего ученика и понимал, что работа в качестве священника не соответствует его способностям. Однажды он, переодевшись в крестьянина и загримировавшись, отправился в город, где жил его ученик. В городе проходила ярмарка, люди высыпали на улицы наблюдать процессию императора.

Мастер подошел к ученику и спросил:

— Что это за суматоха?

Нигадха ответил:

— Это едет процессия императора.

Мастер спросил:

— О, император? Но где он?

— Ты что, деревенщина, не видишь, он на слоне! — ответил Нигадха.

— Да, я вижу двух, — сказал крестьянин, — но который из них император, а который слон?

— Что? — воскликнул Нигадха. — Вы видите двух и не знаете, что человек сверху — это император, а животное внизу — это слон? О чем можно еще говорить с таким человеком, как Вы?

— Прошу Вас, не сердитесь на такого невежду, как я, — взмолился крестьянин. — Но Вы сказали «сверху» и «снизу». Что это значит?

Нигадха не на шутку рассердился и сказал:

— Если ты, деревенщина, не понимаешь слов, то я объясню тебе по другому. Нагнись, сейчас все поймешь!

Крестьянин нагнулся, Нигадха взобрался ему на спину и сказал:

— Теперь знай. Я — сверху, как император, а ты — снизу, как слон. Ясно?

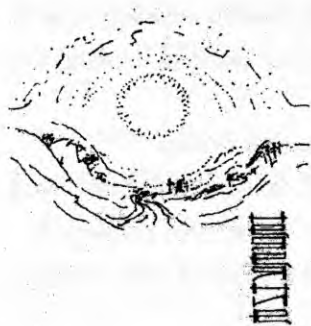
— Нет еще, — тихо сказал крестьянин. — Вы сказали, что Вы сверху, как император, а я снизу, как слон. Император, слон, сверху, снизу — все это приблизительно ясно.

Но прошу Вас, скажите, что Вы подразумеваете под «я» и «ты»?

Нигадха был поставлен в тупик. Как объяснить словами, что такое «я» и «ты»? Тут его осенило. Он в тот же миг упал на колени перед Мастером со словами:

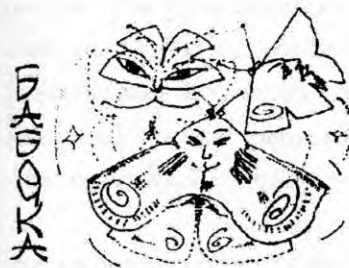
— Кто еще, кроме моего достопочтенного Мастера Рибху, мог отвлечь мой разум от поверхностного физического существования к Истине бытия?

Недеяние

Недеянием небо достигает чистоты, недеянием земля достигает покоя. При слиянии недеяния их обоих развивается вся тьма вещей. Неразлично, неуловимо они исходят из ничего; неразличимы, неуловимы, не обладают образом. Вся тьма вещей зарождается в недеянии. Поэтому и говорится: «Небо и земля бездействуют и все совершают». А кто из людей способен достичь недеяния?

Бабочка

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он — ба-

бочка, или бабочке снится, что она — Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, Чжоу, и бабочкой непременно существует различие.

Птица

Зайдя за ограду, Чжуан Чжоу бродил по заброшенному кладбищу, когда с юга прилетела странная птица: крылья — три-четыре локтя размахом, глаза с вершок. Пролетая, она задела лоб Чжуана и села в каштановой роще.

— Что за птица! — удивился Чжуан Чжоу. — Крылья большие, а не улетает, глаза огромные, а не видит.

Подобрав полы, он поспешил за ней, держа наготове самострел. Но тут заметил, как цикада, наслаждаясь тепнью, забыла о самой себе; как кузнечик-богомол, незаметно подобравшись, на нее набросился и, глядя на добычу, забыл о самом себе; как затем схватила их обоих странная птица и, глядя на добычу, забыла о своем истинном самосохранении.

— Ах! — воскликнул опечаленный Чжуан Чжоу. — Различные виды навлекают друг на друга беду, вещи, конечно, друг друга губят.

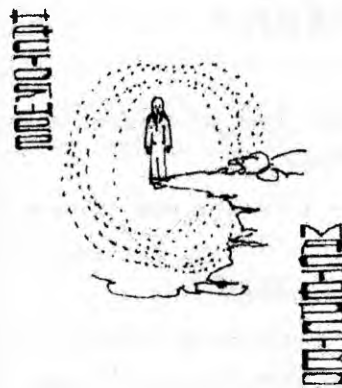
Он бросил самострел, повернулся и пошел прочь, но тут за ним погнался Лесник и стал его бранить.

Вернувшись, Чжуан Чжоу три луны не выходил из дома.

— Почему Вы, учитель, так долго не выходили? — спросил ученик Лань Це.

— Сохраняя телесную форму, я забыл о самом себе, — ответил Чжуан Чжоу. — Так долго наблюдал за мутной лужей, что заблудился в чистом источнике. А ведь я слышал от своего учителя: «Пойдешь к тому пошлому и последуешь за тем пошлым». Ныне я бродил по заброшенному кладбищу и забыл о самом себе. Странная птица задела мой лоб и летала по каштановой роще, забыв об истинном. Лесник же в каштановой роще принял меня за браконьера. Вот почему я и не выходил из дому.

Настоящее мастерство

Ле, Защита Разбойников, стрелял на глазах у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался неподвижным, подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню саженей?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню саженей, отступил назад до тех пор, пока его ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом с головы до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли он вверх в

синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко всем восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Дядя Дракона

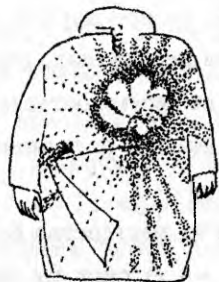
Дядя Дракона сказал Вэнь Чжи:

— Тебе доступно тонкое искусство. Я болен. Можешь ли меня вылечить?

— Повинуюсь приказу, — ответил Вэнь Чжи. — Но сначала расскажи о признаках твоей болезни.

— Хвалу в своей общине не

считаю славой, хулу в царстве не считаю позором; приобретаю, не радуюсь, теряю, не печалюсь. Смотрю на жизнь, как и на смерть; смотрю на богатство, как и на бедность; смотрю на человека, как и на свинью; смотрю на себя, как и на другого; живу в своем доме, будто на постоялом дворе; наблюдаю за своей общиной, будто за царствами Жун и Мань. Меня не прельстить чином и наградой, не испугать наказанием и выкупом, не изменить ни процветанием, ни упадком, ни выгодой, ни убытком, не поколебать ни печалью, ни радостью. Из-за этой тьмы болезней не могу служить государю, общаться с родными, с друзьями, распоряжаться же-

ПОПУС
ОПАСНОСТИ

ной и сыновьями, повелевать слугами и рабами. Что это за болезнь? Какое средство может от нее излечить?

Вэнь Чжи велел больному встать спиной к свету и стал его рассматривать.

— Ах! — воскликнул он. — Я вижу твое сердце. Его место, целый цунь, пусто, почти как у мудреца! В твоём сердце открыты шесть отверстий, седьмое же закупорено. Возможно, поэтому ты и считаешь мудрость болезнью? Но этого моим ничтожным искусством не излечить!

Свет и Небытие

Свет спросил у Небытия:

— Вы, учитель, существуете или не существуете?

— ...

Но не получил ответа.

Вгляделся пристально в его облик: темное, пустое. Целый день смотри на него — не увидишь, слушай его —

не услышишь, трогай его — не дотронешься.

— Совершенство! — воскликнул Свет. — Кто мог бы еще достичь такого совершенства! Я способен быть или не быть, но не способен абсолютно не быть. А Небытие, как оно этого достигло?

УСЛЫШАТЬ
НЕ МОЖНО

Младенец

Младенец

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, ибо живет вместе с говорящими.

Волос

Волос

Цинь-цзы спросил Ян Чжу: — Выдернул бы ты у себя один волосок, если бы это могло помочь миру?

— Миру, конечно, не помочь одним волоском.

— А если бы можно было? Выдернул бы?

Ян Чжу промолчал.

Цинь-цзы вышел и передал обо всем Мэнсунь Яну.

Мэнсунь Ян сказал:

— Ты не проникся мыслью учителя. Разреши тебе это объяснить. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить тьму золота?

— Согласился бы.

— Согласился бы ты лишиться сустава, чтобы обрести царство?

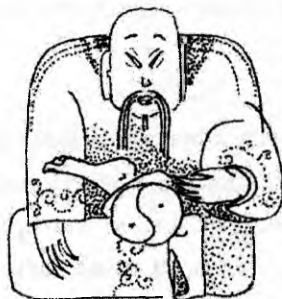
Цинь-цзы промолчал.

— Рассудим. Ведь волосок меньше кожи; кожа меньше сустава. Однако ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, и кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже волоском, если он — одна из тьмы частей тела?

— Мне нечего тебе ответить, — сказал Цинь-цзы. — Но если спросить о твоей речи Лао-цзы и Стража Границы, они признали бы справедливыми твои слова; если спросить о моей речи великого Молодого Дракона и Мо Ди, они признали бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян, обратившись к своим ученикам, заговорил о другом.

Хой

Янь Юань сказал:
— Я, Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, забыл о милосердии и справедливости.

— Хорошо, но это еще не все.

На другой день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— Я, Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, забыл о церемониях и о музыке.

— Хорошо, но это еще не все.

На следующий день Янь Юань снова увиделся с Конфуцием и сказал:

— Я, Хой, продвинулся вперед.

— Что это значит? — спросил Конфуций.

— Я, Хой, сижу и забываю о себе самом.

— Что это значит, «сижу и забываю о себе самом»? — изменившись в лице, спросил Конфуций.

— Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, я уподобляюсь всеохватывающему. Вот что означает «сижу и забываю о себе самом».

— Уподобился всеохватывающему — значит освободился от страстей; изменился — значит освободился от постоянного. Ты, воистину, стал мудрым! Дозволь мне, Цю, следовать за тобой.

Три меча

Вэй Черное Яйцо из-за тайной ненависти убил Цю Ясного, и сын Ясного, Верный, задумал ему отомстить. Духом Верный был очень силен, но телом слишком слаб: ел по зернышку, ходил лишь при попутном ветре. Даже в гневе не мог поднять оружие, чтобы отомстить. Но, стыдясь прибегнуть к чу-

жой помощи, он поклялся расправиться с Черным Яйцом своей рукой.

Черное же Яйцо превосходил всех дерзостью и отвагой, силой противостоял сотне мужей, крепостью суставов

и костей, мускулов и кожи даже не походил на человека: вытянутой шеей отражал удар меча, обнаженной грудью — стрелу. Лезвие и острие гнулись и ломались, а на теле у него не оставалось ни царапины, ни шрама. Зная свою силу, он смотрел на Верного, как на цыпленка.

— Что ты думаешь делать? — спросил у Верного его друг, Советчик Шэнь. — Ты так оскорблен, а он так пренебрегает тобой.

— Хочу, чтобы ты мне посоветовал, — проливая слезы, ответил Верный.

— Слышал я, что предок Великого Совершенного из царства Вэй добыл драгоценный меч иньского царя. С таким мечом один отрок способен отразить три армии. Не попросить ли у него этот меч? — сказал Советчик.

Верный отправился в Вэй и увиделся с Великим Совершенным. Поклонился ему, точно раб-возница, попросил принять в дар жену и детей, а затем обратился со своей просьбой.

— У меня три меча, выбирай любой, — ответил ему Великий Совершенный. — Но ни одним нельзя убить человека. Сначала расскажу тебе о них. Первый называется «Таящий свет». Смотришь на него — и его не видишь, взмахнешь им — и не знаешь, коснулся он чего-либо или нет; прозрачен и не имеет граней, рассекает тело, а тело ничего не ощущает. Второй называется «Принявший тень». Если всматриваться в него с северной стороны при смене предрассветного мрака утренней зарей или в сумерках — на грани дня и ночи, то что-то увидишь, но формы не раз-

берешь. Когда он кого-то коснется, издает будто украдкой тихий звон, но тело не ощущает боли. Третий называется «Закаленный ночью». При свете дня видна его тень, блеска не видно; ночью он блестит, но не видна форма. Коснувшись тела, рассекает его с треком, но рана сразу же заживает, остается лишь боль, к лезвию кровь не пристаёт. Эти три сокровища передавались в нашем роду уже тринадцать поколений, но в деле не бывали. Спрятаны в ларце, и даже печати с них не снимали.

— И все-таки я должен попросить у вас последний, — сказал Верный.

Тут Великий Совершенный вернул ему жену и детей, постился с ним вместе семь дней и на грани вечерней зари и ночной темноты, опустившись на колени, вручил ему меч «Закаленный ночью». Верный принял его, дважды поклонился и возвратился домой.

И тогда Верный отправился с мечом к Черному Яйцу. Тот, как раз опьянев, лежал навзничь под окном. Верный трижды разрубил его от шеи до поясницы, но Черное Яйцо не проснулся. Думая, что он мертв, Верный поспешил уйти, но у ворот встретил сына Черного Яйца и трижды его рубанул, рассекая, будто воздух. Сын Черного Яйца расхохотался и спросил:

— Что ты так глупо трижды меня поманил?

Тут Верный понял, что таким мечом не убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Проснувшись, Черное Яйцо рассердился на свою жену:

— Оставила меня, пьяного, непокрытым. Вот у меня и заболело горло, заломило поясницу!

Сын же его сказал:

— Недавно приходил Верный, встретился со мной в воротах, трижды меня поманил, и у меня также заболело все тело, а конечности онемели. Он нас сокрушил!

Скакун

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

— Нет ли в твоём роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей моих, вашего слуги, способности небольшие. Они сумеют най-

ти хорошего коня, но не смогут найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по его стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня все это то ли утасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто знает коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, я, ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца тот вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

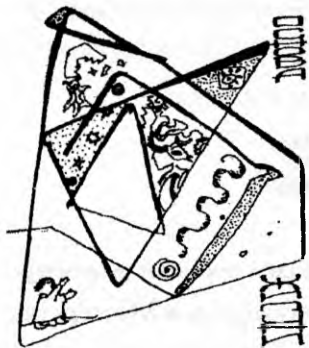
Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— Вот неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тысячу раз превосшел и меня, и других, которым несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. Он овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему нужно видеть, не замечает того, что ему не нужно видеть; наблюдает за тем, за чем следует наблюдать; опускает то, за чем не следует наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

Основа жизни

Наша жизнь ограничена, а знания не ограничены. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. Поняв это, совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить свое тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Нож

Повар царя Прекрасномилостивого принялся разделывать тушу быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождалось треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа.

Работа шла в четком ритме, точно танец «В тутовой роше» или «Цзин шоу».

— Ах, как прекрасно! Как совершенно твое мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— Я, ваш слуга, привержен пути более, чем своему мастерству! Когда я, ваш слуга, стал впервые разделять быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю на него, а понимаю его разумом, не воспринимаю его органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

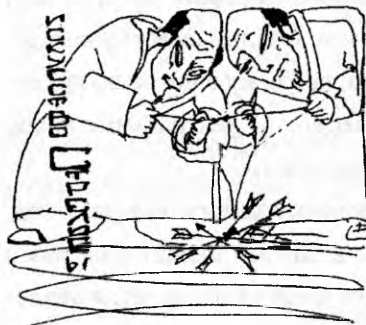
Хороший повар режет, а поэтому меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, а потому меняет нож раз в месяц. Ножу вашего слуги ныне девятнадцать лет, я разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я по-

стою, оглянись по сторонам, пройдуся в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

Искусство стрельбы

Гань Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучался Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если его кололи в уголок глаза кончиком шила.

Цзи Чан доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— Этого еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно и стрелять. Научись видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней вошь стала расти в его глазах, а через три года уподобилась тележному колесу; все же остальные предметы казались ему величиной с холм или гору. Взял он лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Тот ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел искусством!

Тогда Цзи Чан понял, что во всей Поднебесной для него остался лишь один соперник, и задумал убить Стремительного Вэя.

Они встретились на пустыре и стали друг в друга стрелять. Стрелы их на полдороге сталкивались наконечниками и падали на землю, не поднимая пыли. Но вот у Стремительного Вэя иссякли стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он спустил ее, но Стремительный Вэй точно отразил стрелу колючкой кустарника.

И тут оба мастера заплакали, отбросили луки, поклонились друг другу до земли и просили друг друга считаться отцом и сыном. Каждый надкусил себе руку и кровью поклялся никому более не передавать своего мастерства.

СОН

Чжэнец-дровосек, собирая топливо в отдаленном месте, повстречал испуганного оленя, ударил его и убил. Боясь, что кто-нибудь заметит оленя, дровосек поспешил спрятать его во рву и прикрыть хворостом. Но от радости он вдруг забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось во сне.

По дороге дровосек пел о том, что с ним случилось. Песню подслушал прохожий и, благодаря этому, нашел оленя. Придя домой, он сказал своей жене:

— Дровосек во сне добыл оленя, но не знал, где он находится. Теперь же я его нашел. Дровосек воистину видел вещий сон.

Жена возразила:

— Не приснилось ли тебе, что дровосек добыл оленя? Откуда взялся дровосек? Поистине ты добыл оленя, значит твой сон и был вещим.

Муж ответил:

— Зачем разбираться, кому приснилось: ему или мне? Я же добыл оленя!

Дровосек вернулся домой, но не мог примириться с потерей оленя. Той же ночью в вещем сне увидел он место, где спрятал оленя, и человека, который нашел оленя. На следующее утро дровосек отыскал приснившегося ему человека, а затем пошел в суд спорить из-за оленя. Его послали к Наставнику мужей.

Наставник мужей сказал:

— Если ты сначала действительно добыл оленя, то напрасно называешь это сном. Если же на самом деле добыл оленя во сне, то напрасно называешь это действительным. Если Прохожий действительно взял твоего оленя, то спорит с тобой из-за оленя. Если же его жена правильно говорит, что он узнал о чужом олене во сне, тогда никто не добыл оленя. Однако вот доказательство — олень. Попрошу разделить его на две части, и пусть услышит об этом царь Чжэн.

Царь Чжэн сказал:

— Увы! Не видел ли и сам судья во сне, что разделил чужого оленя?

Царь спросил совета у помощника. Помощник же сказал:

— Ваш слуга не может разобраться, сон это был или не сон. Отличить сон от яви могли лишь Желтый Предок и Конфуций. Кто же их различит, если ныне нет ни Желтого Предка, ни Конфуция.

Значит, можно довериться решению Наставника мужей.

Чжуан-цзы

Чжуан-цзы отправился повидаться с Творящим Благо, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуан-цзы, он зарится на ваш пост.

Творящий Благо перепугался. Целых три дня и три ночи обыскивал он страну.

Чжуан-цзы явился к нему и спросил:

— Слышал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот этот Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «Прочь!» Ныне и ты угрожающе кричишь: «Прочь!». Уж не думаешь ли отпугнуть меня от царства Лян?

Без страстей

Творящий Благо спросил Чжуан-цзы:

— Бывают ли люди без страстей?

— Бывают, — ответил Чжуан-цзы.

— Как можно назвать человеком человека без страстей?

— Почему же не называть его человеком, если путь дал такой облик, а природа сформировала такое тело?

— Если называется человеком, как может он быть без страстей?

— Это не то, что я называю страстями. Я называю бесстрастным такого человека, который не губит свое тело внутри любовью и ненавистью; такого, который всегда следует естественному и не добавляет к жизни искусственного.

— Если не добавлять к жизни искусственного, — возразил Творящий Благо, — как поддерживать существование тела?

— Путь дал человеку такой облик, природа сформировала такое тело, — повторил Чжуан-цзы. — А ты относишься к своему разуму как к внешнему, напрасно расходу-

ешь свой эфир: поешь, прислонясь к дереву: спишь, опираясь о столик. Природа избрала для тебя тело, а ты споришь о том, что такое твердое и белое.

Полезное и бесполезное

Творящий Благо сказал Чжуан-цзы:

— Ты говоришь о бесполезном.

— С тем, кто познал бесполезное, можно говорить и о полезном, — ответил Чжуан-цзы. —

Ведь земля и велика, и

широка, а человек ею пользуется лишь в размере своей стопы. А полезна ли еще человеку земля, когда рядом с его стопой роют ему могилу вплоть до Желтых источников?

— Бесполезна, — ответил Творящий Благо.

— В таком случае, — сказал Чжуан-цзы, — становится ясной и польза бесполезного.

Мез сына неба

Некогда царь Чжао Прекрасный пристрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали его ворота и гостили у него по три тысячи человек и более. Днем и ночью перед дворцом происходили поединки. За год убивали и ранили больше сотни удалцов. Страсть же царя оставалась ненасытной.

Прошло три года. Царство Чжао стало приходить в упадок, другие цари начали строить против него козни. Сокрушаясь об этом, наследник Печальный собрал всех придворных, чьи места справа и слева, и спросил:

— Кто бы взялся отвратить царя от его страсти и положить конец поединкам фехтовальщиков? Тому я дал бы в награду тысячу золотом.

— Это под силу только Чжуан-цзы, — ответили справа и слева.

Наследник отправил посланцев к Чжуан-цзы, чтобы поднести ему тысячу золотом. Чжуан-цзы золота не при-

нял, но отправился вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит мне наследник, награждая меня, Чжоу, тысячей золотом?

— Прослышав о Вашей пронизательности и мудрости, учитель, — ответил наследник, — я почтительно поднес тысячу золотом на дары Вашей свите. Но разве осмелюсь я заговорить, если Вы, учитель, дар отклонили!

— Я слышал, — сказал Чжуан-цзы, — что вы, наследник, хотите с моей помощью отвратить царя от его страсти. Предположим, что я, Ваш слуга, отговаривая высшего, государя, стану ему перечить, и для низшего, для вас, наследник, не сумею уладить дело. Меня покарают смертью. К чему тогда мне, Чжоу, золото? Предположим, что я, Ваш слуга, уговорю высшего, великого государя, улажу дело низшего, Ваше, наследник. Ведь тогда я получу все, что бы ни пожелал в царстве Чжао!

— Верно! — молвил наследник. — Но наш государь допускает к себе только фехтовальщиков.

— Прекрасно, — ответил Чжуан-цзы. — Я отлично фехтую.

— Верно, — сказал наследник, — но у всех фехтовальщиков, которых принимает наш государь, волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, чем спереди. У них сердитый вид, а речь косноязычна. Такие-то царю и нравятся. Если же ныне Вы, учитель, предстанете перед государем в платье мыслителя, дело примет плохой оборот.

— Дозвольте мне приготовить себе костюм фехтовальщика, — попросил Чжуан-цзы.

Через три дня Чжуан-цзы в костюме фехтовальщика встретился с наследником и вместе с ним предстал перед царем.

Царь ожидал их, обнажив клинок.

Не спеша, Чжуан-цзы вошел в зал и, глянув на царя, не поклонился.

— Если желаешь чему-нибудь меня обучить, — сказал государь, — покажи сначала свое умение наследнику.

— Я, Ваш слуга, слышал, что великому государю нравится фехтование, поэтому и предстал перед государем как фехтовальщик.

— Как ты управляешься с мечом? — спросил государь.

— Через каждые десять шагов меч в руке Вашего слуги разит одного человека, на тысячу ли не оставляет в живых ни одного путника.

— В Поднебесной тебе нет соперника! — воскликнул обрадованный царь.

— Хорошо бы с кем-нибудь помериться силами. Фехтуя, я, сделав ложный выпад, даю противнику как будто преимущество. Но, нанося удар позже него, опережаю его в попадании.

— Вы, учитель, пока отдохните! Ожидайте приказа в своих покоях. Я же велю устроить забаву и приглашу Вас, учитель, — сказал царь.

Тут государь устроил состязание меченосцев, и за семь дней убитых и раненых оказалось более шестидесяти чело-

век. Отобрав пять — шесть победителей, царь велел вручить им мечи возле дворца, а сам призвал Чжуан-цзы и объявил:

— Сегодня испытаем, кто из мужей искуснее всех в фехтовании!

— Давно жду этого дня, — ответил Чжуан-цзы.

— Какова длина оружия, которым Вы, учитель, будете сражаться? — спросил царь.

— Могу сражаться любым, который вручат мне, Вашему слуге, — ответил Чжуан-цзы. — Но у меня, Вашего слуги, есть три меча. Буду драться любым, только по выбору государя. Прежде чем испытать, разрешите о них рассказать.

— Готов выслушать речь о трех мечах, — согласился царь.

И Чжуан-цзы повел свой рассказ:

— Первый меч — меч Сына Неба, второй — меч царский, третий — меч Удальца.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил его царь.

— У меча Сына Неба лезвие от Ласточкиного Потока до Каменной стены, острие — пик горы Преємства в царстве Ци, тупая сторона — от Цзинь до Вэй, чашка эфеса — Чжоу и Сун, рукоять — Хань и Вэй, в ножны вмещаются все варвары, все времена года; в перевязи — море Бохай, в портуpee — гора Вечности. С его помощью обуздывают пять первоэлементов, определяют преступления и достоинства, отделяют жар от холода, удерживают весну и лето, вершат дела осенью и зимой. Рубанешь этим мечом

прямо — никто перед тобой не устоит, взмахнешь вверх — никто сверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Вверху рассекает плывущие облака, внизу перережет земные веси. Только пустишь меч в ход — наведешь порядок среди царей, и вся Поднебесная покорится. Таков меч Сына Неба!

— Каков же царский меч? — как в тумане, растерянno спросил царь Прекрасный.

— Лезвием царского меча служат мужи, знающие и отважные; острием — мужи бескорыстные и честные; тупой стороной — мужи достойные и добрые, чашкой эфеса — мужи преданные и мудрые; рукоятью — мужи отваги и доблести. Рубанешь этим мечем прямо — никто перед тобой не устоит, взмахнешь вверх — никто сверху не удержится, вниз — никого внизу не останется, поведешь кругом — никого по сторонам не окажется. Наверху он уподобляется круглому Небу, чтобы послушны были все три рода светил, внизу уподобляется квадратной земле, чтобы послушны были времена года; в центре согласуется с желаниями народа, чтобы был покой во всех четырех сторонах. Только пустишь меч в ход — поразит, словно удар грома, и каждый во всех четырех границах явится в одежде гостя, чтобы повиноваться указам государя. Таков царский меч!

— Каков же меч удалца? — спросил царь.

— Меч удалца для всех, у кого волосы всклокочены, борода торчит вперед, шлемы с грубыми кистями надвинуты на глаза, платье сзади короче, чем спереди; у кого сер-

дитый вид, а речь косноязычна; кто вступает перед Вами в поединки, то сверху перерезает горло, перерубает шею, снизу рассекает печень и легкие. Таков меч удалца, что не отличается от драчливого петуха. Жизнь его может прерваться в любое утро. Для государственных дел он не годится. Ныне у Вас, великий государь, пост Сына Неба, а пристрастились Вы к мечу удалца. Мне, Вашему ничтожному слуге, стыдно за Вас, великий государь!

Царь повел Чжауан-цзы за собой в зал, стольничий подавал кушанья, но все перемены царь трижды отсылал по кругу.

— Доклад о мече закончен, — заметил Чжауан-цзы.
— Посидите в тишине, великий государь, успокойте свое дыхание.

После этого царь Прекрасный три месяца не покидал дворца, и все фехтовальщики, облачившись в траур, покончили с собой на своих местах.

Повсюду

Учитель из Восточного Предместья спросил Чжауан-цзы:

— Где находится так называемый путь?

Говорят

— Повсюду, — ответил Чжауан-цзы.

— Приведите пример, тогда лишь сумею понять.

— В муравье.

— А еще ниже?

— В куколке.

— А еще ниже?

— В черепице.

— А самое низкое?

— В моче и в кале.

Учитель из Восточного Предместья промолчал.

— Ваши вопросы, учитель, конечно, не были достойны сущности, — сказал Чжауан-цзы. — Чтобы постичь путь, Вы спрашиваете, словно у надзирателя на рынке, как пинают свинью, узнавая, насколько жирна: чем ниже, тем яснее. Только Вам необязательно приводить пример — нет вещи, которая бы пути избежала. Таков истинный путь, таковы же и слова о великом. Есть три слова: чжоу, бянь, сянь. Звучат они различно, а сущность одна, они обозначают одно «повсюду». Попытаемся вместе странствовать по дворцу Нигде, и суждениям о единстве общего не будет конца и предела. Попытаемся вместе с Недеянием стать простыми и спокойными, бесстрастными и чистыми, гармоничными и праздными! Отвлеклась бы от всего моя мысль, куда бы ни направилась, не знала бы предела, уходила бы, возвращалась и не знала бы, где остановиться. И я бы уходил и возвращался, не ведая, где она закончится, бродил бы по необъятным пространствам, вступил бы в область великого познания и не ведал бы, как его исчерпать. Вещество в ве-

цах не ограничено от вещей, но вещи обладают пределом, так называемой границей вещи. Предел же беспредельного — это бесконечность конечного. Мы говорим о наполненном и пустом, об увядании и смерти. Для пути же наполненное не наполнено, пустое не пусто. Начало и конец для него не начало и конец; скопление и распад для него не скопление и не распад.

Слова Конфуция

Далесские Притчи

Чжуан-цзы сказал
Творящему Благо:

— Конфуций проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что вначале объявлял истинным, под конец объявил ложным. Он еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет

то, что называет ныне истинным?!

— Конфуций полон желания трудиться, он преклоняется перед знаниями, — сказал Творящий Благо.

— Конфуций от этого отказался, но о своем отказе еще не говорил, — сказал Чжуан-цзы. — Слова Конфуция гласят: «Ведь человек получает от великой основы свои спо-

собности, а затем и разум, чтобы родиться. Когда поет, должен соблюдать тон, когда говорит, должен соблюдать правила. Если я пекусь о пользе и справедливости, то любовью и ненавистью, истинным и ложным покоряю лишь людские уста; а чтобы покорить людские сердца, должен решиться им противостоять и тогда определить установления Поднебесной. Увы! Увы! Ведь мне этого не достичь».

Милосердие

Дан, главный жрец, ведающий закланием жертвенного скота в Шан, спросил Чжуан-цзы, что такое милосердие.

— Милосердны тигры и волки, — ответил Чжуан-цзы.

— Что это значит?

— Как же не милосерд-

ны, если волчица и волчата любят друг друга?

— Разрешите спросить о настоящем милосердии!

— Для настоящего милосердия не существует родственных чувств.

— Я, Дан, слышал о том, что без родства нет и любви, без любви нет и сыновней почтительности. Ведь не может

быть настоящего милосердия без почтительного отношения к родителям!

— Нет, это не так, — ответил Чжуан-цзы. — Настоящее милосердие высоко. О нем, конечно, не стоит и говорить, исходя из сыновней почтительности. В твоих же словах сыновняя почтительность не преувеличена, а преуменьшена. Ведь отчего, подходя к Ин с юга, не замечают на севере гору Миншань? Оттого, что она далека от Ин. Поэтому и говорится: уважать родителей легче, чем их любить; любить родителей легче, чем их забыть; забыть родителей легче, чем заставить родителей забыть о тебе; заставить родителей забыть о себе легче, чем самому забыть обо всем в Поднебесной; забыть обо всем в Поднебесной легче, чем заставить всех в Поднебесной о тебе забыть. Ведь обладающий свойствами забывает про Высочайшего и Ограждающего и предается недеянию. Блага его распространяются на тьму поколений, а Поднебесная о нем и не знает. Как можно только вздыхать да твердить о милосердии, о сыновней почтительности? Ведь всем этим — почтительностью к родителям и старшим братьям, милосердием и справедливостью, преданностью и доверием, целомудрием и честностью — люди заставляют себя служить собственной добродетели, большего все это не стоит. Поэтому и говорится: «Настоящее благородство отвергает царские почести, настоящее богатство отвергает царскую сокровищницу, настоящие чаяния отвергают имя и славу». От всего этого путь не изменяется.

КОНЧИНА ЖЕНЫ

У Чжуан-цзы умерла жена, и Творящий Благо пришел ее оплакивать. Чжуан-цзы же сидел на корточках и пел, ударяя такт по глиняному тазу.

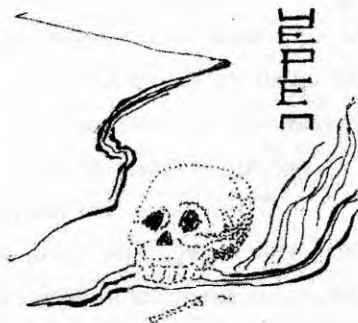
Творящий Благо сказал:

— Мало того, что вы не оплакиваете умершую, которая прожила с вами, своим мужем, до старости, и вырастила детей. Не слишком ли много себе

позволяете, предаваясь пению, отбивая такт о таз?

— Это не так, — ответил Чжуан-цзы. — Могла ли меня не опечалить ее кончина? Но затем я задумался о том, что было вначале, когда она еще не родилась, не только не родилась, но еще не обладала телом, не только телом, но даже и эфиром. Слитая с неразличным, неуловимым, стала развиваться и обрела эфир, эфир развился, и обрела тело, тело развилось, и обрела жизнь. Ныне же прошла через новое развитие — смерть. Все это сменяло друг друга, как времена года: весна и осень, лето и зима. И я понял, что плакать и причитать, когда она покоится в огромном доме, значит не понимать жизни. Поэтому и перестал.

Череп

Подходя к Чу, Чжуан-цзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший свою форму. Чжуан-цзы ударил по черепу хлыстом и обратился к нему с вопросами:

— Довела ли тебя до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на

плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого дурные поступки, опозорившие отца и мать, жену и детей, или муки голода и холода? Довела ли тебя до этого смерть после многих лет жизни?

Сказав это, Чжуан-цзы лег спать, положив под голову череп. В полночь Череп явился ему во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя мучений живого человека. После смерти их нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Да, — ответил Чжуан-цзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуан-цзы спросил:

— А хочешь, я велю Ведающими судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взглянул на него, сурово нахмурился и ответил:

— Кто пожелает сменить царственное счастье на человеческие муки!

Что мы знаем о радости других

Прогуливаясь с Творящим Благо по мосту через Хао, Чжуан-цзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

— Ты же не рыба, — возразил Творящий Благо. — Откуда тебе знать, в чем ее радость?

— Ты же не я, — возразил Чжуан-цзы. — Откуда тебе знать, что я знаю, а чего не знаю?

— Я не ты, — продолжал спорить Творящий Благо, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуан-цзы. — Откуда тебе знать, в чем ее радость? — спросил ты. Я ответил, и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над рекой Хао.

Творящий Благо

Когда Чжуан-цзы провожал покойника, процессия прошла мимо могилы Творящего Благо. Оглянувшись, Чжуан-цзы сказал сопровождающим:

— Как-то инец вымазал себе глиной кончик

носа — пятно было с крылышко мухи — и велел плотнику Кремню его обтесать. Топор плотника летал, словно ветер. Лишь выслушал приказ — и стесал. Снял все пятнышко, не повредив носа, а инец даже не изменился в лице.

Услышав об этом, сунский царь Юань призвал плотника Кремня и сказал: «Попробуй стесать у меня, единственного». Плотник же ответил: «Когда-то я, Ваш слуга, мог это сделать, но человека того материала уже давно нет». «У меня также нет материала с тех пор, как умер учитель Творящий Благо. Мне не с кем спорить», — заключил Чжуан-цзы.

Полный вери

В свите Прорастающего состояли родовитые люди. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах или не спеша прохаживались, посматривая на всех свысока.

Заметив Кая с Шан-горы, старого и слабого, с загорелым дочерна лицом, в платье и шапке отнюдь не

изысканных, все они отнеслись к нему презрительно и принялись издеваться над ним, как только могли: насмеялись, обманывали его, били, толкали, перебрасывали от одного к другому. Но Кай с Шан-горы не сердился, прихлебатели устали, и выдумки их исчерпались.

Тогда вместе с Каем все они взошли на высокую башню, и один из них пошутил:

— Тот, кто решится броситься вниз, получит в награду сотню золотом.

Другие наперебой стали соглашаться, а Кай, приняв все за правду, поспешил броситься первым. Точно парящая птица, опустился он на землю, не повредив ни костей, ни мускулов.

Свита Фаня приняла это за случайность и не очень-то удивилась. А затем кто-то, указывая на омут в излучине реки, снова сказал:

— Там — драгоценная жемчужина. Нырни — найдешь ее. Кай снова послушался и нырнул. Вынырнул же действительно с жемчужиной.

Тут все призадумались, а Процветающий велел впредь кормить Кая вместе с другими мясом и одевать его в шелк.

Но вот в сокровищнице Фаня вспыхнул сильный пожар.

Процветающий сказал:

— Сумеешь войти в огонь, спасти шелк — весь отдам тебе в награду, сколько ни вытащишь!

Кай, не колеблясь, направился к сокровищнице, исчезал в пламени и снова появлялся, но огонь его не обжигал, и сажа к нему не приставала.

Все в доме Фаня решили, что он владеет секретом, и стали просить у него прощения:

— Мы не ведали, что ты владеешь чудом, и обманывали тебя. Мы не ведали, что ты — святой, и оскорбляли тебя. Считай нас дураками, считай нас глухими, считай нас слепыми! Но дозвошь нам спросить: в чем заключается твой секрет?

— У меня нет секрета, — ответил Кай с Шан-горы. — Откуда это — сердце мое не ведает. И все же об одном я попытаюсь вам рассказать.

Недавно двое из вас ночевали в моей хижине, и я слышал, как они восхваляли Процветающего: он-де властен

умертвить живого и оживить мертвого, богатого сделать бедняком, а бедного — богачом. И я отправился к нему, несмотря на дальний путь, ибо поистине у меня не осталось других желаний. Когда пришел сюда, я верил каждому вашему слову. Не думая ни об опасности, ни о том, что станет с моим телом, боялся лишь быть недостаточно преданным, недостаточно исполнительным. Только об одном были мои помыслы, и ничто не могло меня остановить. Вот и все.

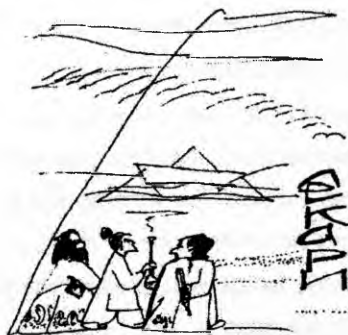
Только сейчас, когда я узнал, что вы меня обманывали, во мне поднялись сомнения и тревоги, я стал прислушиваться и приглядываться к вашей похвальбе. Вспомнил о прошедшем: посчастливилось не сгореть, не утонуть, и от горя, от страха меня бросило в жар, охватила дрожь. Разве смогу еще раз приблизиться к воде и пламени?

С той поры удалцы Фаня не осмеливались обижать нищих и коновалов на дорогах. Встретив их, кланялись, сойдя с колесницы.

Узнав об этом, Цзай Во сообщил Конфуцию. Конфуций же сказал:

— Разве ты не знаешь, что человек, полный веры, способен воздействовать на вещи, растрогать небо и землю, богов и души предков, пересечь Вселенную с востока на запад, с севера на юг, от зенита до надира. Не только пропасть, омут или пламя — ничто его не остановит. Кай с Шан-горы поверил в ложь, и ничто ему не помешало. Тем паче, когда обе стороны искренни. Запомни сие, юноша!

Лекари

Цзи Лян, друг Ян Чжу, заболел, и на седьмой день болезнь усилилась. Сыновья, оплакивая, окружили его. Позвали лекаря.

— Какие неразумные у меня сыновья, — сказал Цзи Лян своему другу Ян Чжу. — Не споешь ли ты вместо меня им в поучение?

Ян Чжу запел:

«Что и природа не знает, откуда узнать человеку? Небо ничем не поможет, Зла не свершит человек. То, что лишь мы с тобою двое на свете знаем, разве узнает лекарь? Разве узнает колдун?»

Но сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили в конце концов трех лекарей. Первого звали — Обманщик, второго — Поддакивающий Каждому, третьего — Игрок. Осмотрели больного, и сказал Цзи Ляну Обманщик:

— В твоём теле неравномерны холод и жар, не уравновешены пустое и полное. Болезнь твою вызвали не Небо и не души предков. Она происходит и от голода, и от пресы-

щения, и от вождения, и от наслаждения, и от забот душевных, и от беззаботности. Но, несмотря на это, я постепенно ее одолею.

— Лекарь, каких много, — заключил Цзи Лян и поспешно его прогнал.

Поддакивающий Каждому сказал:

— У тебя с самого начала, ещё во чреве матери, не хватало жизненной энергии, материнского же молока получал в избытке. Причина болезни возникала постепенно, не за одно утро и не за один вечер, и вылечить тебя нельзя, — Лекарь хороший, — заключил Цзи Лян и велел его накормить.

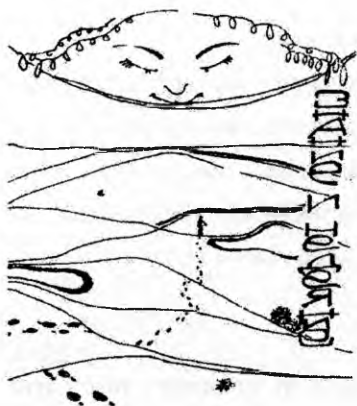
Игрок сказал:

— Болезнь твоя не от Неба, не от человека и не от душ предков. От природы родилась и с телом оформилась. Мы ведаем о ней настолько, насколько ею управляет естественный закон. Чем же помогут тебе лекарства и уколы камнем?

— Лекарь проникательный, — заключил Цзи Лян и, щедро наградив его, отпустил.

А болезнь Цзи Ляна вдруг сама собой прошла.

Знание и недеяние

Знание странствовало на Севере у истоков реки Темная вода, взошло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием.

— Мне хочется тебя спросить, — сказала Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находится, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем

следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на один из трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный берег реки Светлая вода, взошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало ему те же вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находишься, ничему не покоряешься и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуешь, ни по какой дороге не ходишь и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказала Знание. — А оба встреченные мною прежде не знали. Кто же из них прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой. Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постичь в словах, свойств нельзя добиться речами. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями можно друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает; утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает». Если ныне, уже став вещью, некто захочет вернуться к своему корню, не будет ли это ему трудно? Это легко лишь великому человеку. Ведь жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека — это скопление

эфира. Соберется эфир, образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? Для всей тьмы вещей это общее: и то, чем любят, как божественным чудом, и то, что ненавидят, как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает всю Вселенную». Поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. Это не значило, что, не ответив мне, не знало, что мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. Это не значило, что не поведал мне. Хотел, но забыл, о чем собирався сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же мы к ним не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это и есть знание.

Дружба четверех

Приносящий Жертвы, Носильщик, Пахарь и Приходящий, беседуя, сказали друг другу:

— Мы подружились бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — позвоночником, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование

и гибель составляют единое целое.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи, — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

На его горбу открылся нарыв. Внутренности у него теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса, эфир, силы жара и холода в нем

пришли в смятение, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения жизни наступает свое время, а ее утрата следует за ее ходом. Если довольствоваться своим временем и во всем за процессом следовать, к тебе не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз. Тех, кто не способен себя развязать, связывают вещи. Но ведь вещам никогда не одолеть природу. Как же может мне это не понравиться?

Но вдруг заболел Приходящий. Он задыхался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

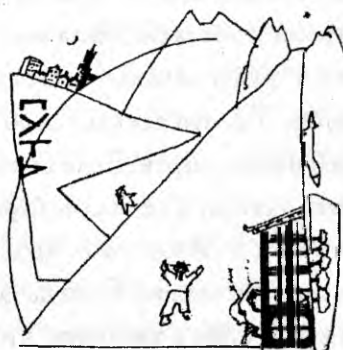
Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте того, кто превращается! — И, прислонившись к дверям, сказал умирающему:

— Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в пещень крысы? В плечо насекомого?

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или запад, на юг или север, он лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — Силы жара и холода человеку ближе, чем родители. Если они приблизят ко мне смерть, а я послушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет, что должен стать мечом Моше, то великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. Если ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить, что хочет снова быть человеком, то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. Если ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а процесс создания за великого литейщика, то куда бы не могли мы отправиться? Завершил и засыпаю, а затем спокойно проснусь.

Путь

Мстителю не станет ломать мечей Мосе и Ганьцзян. Подозрительный не станет гневаться на сброшенную ветром черепицу. Если в Поднебесной всего будет поровну, не станет ни смуты — нападений и войн, ни казней — убийств, обезглавливания. Значит, путь разви-

вает не человеческую, а естественную природу. С развитием природного рождаются свойства, с развитием человеческого появляются разбойники. Если не пресыщаться естественным, не пренебрегать человеческим, народ станет близок своей истинной природе.

Возникший

Учителя Отца Цзао звали Великим Бобом. Когда Отец Цзао пришел к нему учиться управлять колесницей, то по обычаю держался очень скромно. Великий Боб же ничего ему не объяснял целых три года. Отец Цзао относился к учи-

телю все почтительнее, и тот, наконец, с ним заговорил:

— В старинной песне поется:

«Сын хорошего лучника сначала должен плести корзины. Сын хорошего литейщика сначала должен шить шубы».

Ты сначала смотри, как я бегаю. Станешь бегать, как я, тогда сможешь взяться за шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

— Буду лишь повиноваться приказу, — ответил Отец Цзао.

Тут Великий Боб сделал дорогу: на расстоянии шага один от другого установил столбы, на которых умещалась лишь ступня. По ним он стал ходить, бегать туда и обратно, не скользя и не падая.

Отец Цзао стал этому учиться и за три дня овладел его искусством.

— Как ты понятлив! Как быстро все усвоил! — вздохнув, сказал Великий Боб. — Так поступает Колесничий. Когда ты ходил, то овладел умением ногами, а откликался на него сердцем. Это и распространи на управление колесницей. Держи в порядке вожжи там, где они соединены с удилами, натягивай их или ослабляй в согласии с углами губ коней. Правильно соразмеряй мысль в своей груди, чувствуй ритм руками. Внутренне овладеешь волей, а внешне научишься угадывать желание коней. Тогда-то и сумеешь посылать коней вперед или отводить назад, словно по натянутому шнуру, делать повороты или кружиться, словно по углу меру и циркулю, и силы коней хватит с избытком на любой, самый дальний путь. Вот это истинное мастерство. Овладев мастерством управления удилами, приводи в соответствие поводья; овладев мастерством управления поводьями, приводи в соответствие и руки; когда руки овладеют мастерством, приводи в соответствие и мысли. И тогда можешь уже не следить глазами и не подхлестывать кнутом. Будешь стоять прямо с легким сердцем, и шесть пар вожжей не перепутаются, и топот двадцати четырех копыт будет равномерным, движения же совершенно точными при езде вперед, назад, кругом и при поворотах. А затем уж твоя колесница проедет всюду, где только поместятся колеса, всюду, где только хватит места для конских копыт. И тогда езда в любой местности станет для тебя одинаковой, не заметишь ни отвесных гор, ни узких ущелий, ни топи, ни равнины. На этом кончается мое искусство, и ты им овладел.

Обузление Ле-цзы

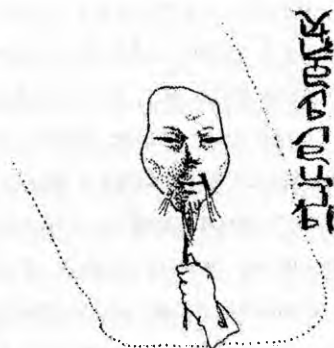
Учитель Ле-цзы стал учиться.

Прошло три года, и я изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился я взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об

истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда я удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю своему сердцу, уже не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал я свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал отличать внутреннее от внешнего. И тогда все чувства как бы слились в одно:

зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. Я перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего. Тогда-то в законах природы для меня не осталось ничего скрытого.

Учитель Ле-цзы

Учитель Ле-цзы после того, как обучился у Лесного с Чаши-горы и подружился с Темнеющим Оком, поселился в Южном Предместье. Приверженцы его поселились тут же. Их каждый день считать не успевали, и сам Ле-цзы не знал, сколько их, хотя каж-

дое утро он вел с ними диспуты, и об этом стало повсюду известно. Учитель Ле-цзы двадцать лет прожил рядом с Учителем Южного Предместья, отделенный от него лишь оградой. Однако друг друга они не посещали и не приглашали, встречаясь же на улице, как будто друг друга не замечали. Ученики и слуги у ворот считали, что между учителем Ле-цзы и Учителем Южного Предместья существует вражда.

Некий чусец спросил учителя Ле-цзы:

— Почему вы, Преждерожденный, и Учитель Южного Предместья чуждаетесь друг друга?

— Зачем к нему ходить? — ответил учитель Ле-цзы.

— Лицо Учителя Южного Предместья отличается полной, а сердце — пустотой, уши у него не слышат, глаза не видят, уста молчат, сердце не знает, тело не движется. И все же попытаюсь вместе с тобой отправиться на него посмотреть.

С ними пошли сорок учеников. Они увидели, что лицо Учителя Южного Предместья действительно похоже на маску чудовища, с ним нельзя общаться. Повернулись к учителю Ле-цзы и увидели, что жизненная энергия у него отделилась от тела и он вышел из толпы.

Вдруг Учитель Южного Предместья указал на ученика Ле-цзы в последнем ряду и заговорил с ним радостно, как будто перед ним совершеннейший и сильнейший. Ученики Ле-цзы удивились, и на обратном пути лица всех выражали сомнение.

— Зачем так удивляться? — сказал Ле-цзы. — Добившийся желаемого молчит, исчерпавший знания также молчит. Речь с помощью молчания — также речь, знание с помощью незнания — также знание. Отсутствие слов и молчание, отсутствие знаний и незнание — это ведь также речь, это ведь также знания. Значит, нет ничего, о чем бы не говорил, нет ничего, о чем бы не знал; значит не о чем говорить, нечего знать. Только и всего.

Странствия

В начале Ле-цзы любил странствовать.

— Ты, Защита Разбойников, любишь странствия. Что же в них хорошего? — спросил Учитель с Чашигоры.

— Радость странствий в том, — ответил Ле-цзы, — что наслаждаешься от-

сутствием старого. Другие в странствиях наблюдают за тем, что видят. Я в странствиях наблюдаю за тем, что изменяется. Есть странствия и странствия! Еще никто не сумел определить различия в этих странствиях!

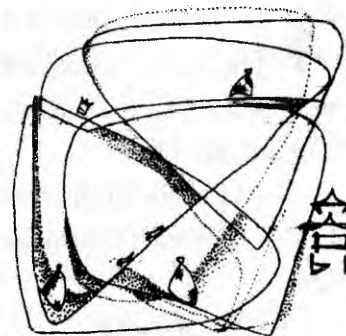
— Ты, Защита Разбойников, странствуешь, конечно, как и другие, а говоришь иначе, чем другие. Во всем, на что смотришь, всегда видишь изменения, наслаждаешься отсутствием старого в других вещах, а не ведаешь, что в тебе самом также отсутствует старое. Странствуя во внешнем мире, не ведаешь, как наблюдать за внутренним миром. Кто странствует во внешнем, ищет полноты в других вещах; кто наблюдает за внутренним, находит удовлетворение в самом себе. Находить удовлетворение в самом себе — вот истин-

ное в странствиях, искать полноты в других вещах — вот неистинное в странствиях.

И тогда Ле-цзы понял, что не постигает смысла странствий, и до конца жизни больше не уходя.

— Истинное в странствиях! — сказал учитель с Чашигоры. — При истинных странствиях не ведают, куда направляются; при истинном наблюдении не ведают, на что смотрят. Все вещи странствуют, все твари наблюдают — вот то, что я называю странствием, вот то, что я называю наблюдением. Поэтому и говорю: истинное — в странствиях! Истинное — в странствиях!

Дары

Учитель Ле-цзы попал в нужду и отошел от голода. Какой-то гость поведал об этом чжэнскому царю Цзыяну.

— Разве государь, — спросил он, — не прослышет врагом мужей, если постигший учение муж — Ле, Защита Разбойников, — бедствует в вашем царстве?

Чжэнский Цзыян тотчас велел служителю одарить Ле-цзы просом.

Учитель вышел к посланцу, дважды поклонился, но про-
са не принял. Посланец удалился.

Ле-цзы вошел в дом. Жена посмотрела на него, стала
бить себя в грудь и сказала:

— Слышала я, что семья человека, постигшего учение,
обретает покой и радость. Мы же отощали от голода. Царь
дарит вам, Преждерожденному, зерна. Разве это не судь-
ба? А вы, Преждерожденный, отказываетесь!

Учитель Ле-цзы улыбнулся и ответил:

— Царь шлет в подарок просо, а сам меня не видел,
знает обо мне лишь с чужих слов. Так с чужих слов он об-
винит меня и в преступлении. Вот почему я не принял дара.

А народ и вправду восстал и прикончил Цзяяна.

Опасения Ле-цзы

Ле-цзы направился в
Ци, но с полдороги
вернулся и встретил Дядю
Темнеющее Око.

— Почему возвратил-
ся? — спросил Темнеющее
Око.

— Я испугался!

— Чего же испугался?

— Я ел в десяти харчевнях, и в пяти мне подавали рань-
ше всех.

— Пусть так. Но чего же тебе пугаться?

— Чистота внутри еще не освободилась, а из тела она
просачивается в виде луча. Внешним воздействовать на сер-
дца людей, чтобы они пренебрегали уважаемыми и стары-
ми, значит, готовить себе беду. Ведь хозяин харчевни не
имеет лишних доходов, продает лишь кашу да похлебку.
Если так поступает тот, у кого прибыль скудная, а власть
ничтожная, что же сделает властитель тьмы колесниц, ко-
торый отдает все силы государству и все знания управле-
нию? Поэтому-то я и испугался, что тот царь захочет пору-
чить мне дела и станет ждать от меня заслуг.

— Прекрасное наблюдение! — воскликнул Темнею-
щее Око. — Но если ты останешься у себя, люди станут
искать у тебя защиты.

Вскоре Темнеющее Око пришел к Ле-цзы и у дверей
увидел множество туфель. Обернувшись лицом к северу
Темнеющее Око оперся подбородком о посох, нахмурился
и, постояв немного, молча вышел. Принимавший гостей до-
ложил об этом Ле-цзы. Ле-цзы босой, с туфлями в руках,
побежал за Темнеющим Оком и, догнав у ворот, спросил:

— Поскольку вы, Преждерожденный, пришли, не да-
дите ли мне совет?

— Все кончено! Я предупреждал, что люди станут ис-
кать у тебя защиты. Это действительно так! Способный
привлечь других, чтобы стекались к тебе, ты оказался не-
способным помешать другим искать защиты. К чему это?

Стоит результату разойтись с предвидением, и непре-
менно получится огорчение. Оно бессмысленно и поколеб-

лет тебя самого. Никто из твоих последователей этого тебе не скажет. Вся их мелкая болтовня — яд для человека. Без пробуждения, без сознания разве помогут созреванию друг друга?

Взгляни на тень

Учитель Ле-цзы учился у учителя Лесного с Чаши-горы, и учитель Лесной сказал:

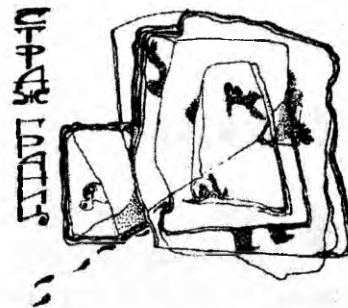
— Если постигнешь, как держаться позади, можно будет говорить и о том, как сдерживать себя.

— Хочу услышать о том, как держаться позади, — ответил Ле-цзы.

— Обернись, взгляни на свою тень и поймешь.

Ле-цзы обернулся и стал наблюдать за тенью: тело сгибалось, и тень сгибалась; тело выпрямлялось, и тень выпрямлялась. Следовательно, изгибы и стройность исходили от тела, а не от тени. Сгибаться и выпрямляться — зависит от других вещей, не от меня. Вот это и называется «держись позади — встанешь впереди».

Страж Границ

Страж Границ сказал Ле-цзы:

— Слова прекрасны, тогда и отклик прекрасен; слова безобразны, тогда и отклик безобразен. Тело длинное — тень длинная; тело короткое — тень короткая. Имя — отклик, по-

ступки тела — тень. Поэтому и говорится:

«Будь осторожен в словах — с ними согласятся. Будь осторожен в поступках — за ними последуют».

Поэтому-то мудрые люди наблюдали за выходящим, чтобы узнать входящего; наблюдали за прошлым, чтобы узнать будущее. В этом и заключается естественный закон предвидения. Мера — в себе самом, а подтверждение — опыт в других. Другие любят меня, и я их непременно люблю, другие ненавидят меня, и я их непременно ненавижу. Испытующий и Воинственный любили Поднебесную и стали царями, Разрывающий на Части и Бесчеловечный ненавидели Поднебесную и погибли. Вот это и есть подтверждение на опыте. Того, кто без учения хочет понять и меру, и подтверждение, сравним с тем, кто выходит, но не через двери идет, но не по дороге. Разве нетрудно будет такому

добиться полезного? Когда-то я познавал добродетель Священного Земледельца, Владеющего огнем, изучал предания об Ограждающем и Молодом Драконе, царствах Шан и Чжоу, речи законодателей и мудрых и понял: не бывало, чтобы без этого учения могли определить причины существования и гибели, расцвета и упадка.

Попал в цель

СОМНАВУКА

Ле-цзы учился стрелять. Попав в цель, попросил указаний у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— Значит, еще не овладел мастерством.

Ле-цзы ушел, упражнял-

ся три года и снова явился с докладом.

Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Ле-цзы.

— Теперь овладел мастерством! Храни и не забывай!

Поступай так, изучая не только стрельбу, но и себя самого, и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

Ле-цзы сказал...

Ле-цзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому пока не поседуют, с ними не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать.

Если же люди не могут ему

советовать, то он остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания у него исчерпывающие, и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

КОЛДУН

В Чжэн был Колдун по имени Цзи Сянь. Точно бог, узнавал он, кто родится, а кто умрет, кто будет жить, а кто погибнет, кого ждет счастье, а кого беда, кого долголетие, кого ранняя смерть, и назначал каждому срок — год, луну, декаду, день. Завидев его, чжэнцы уступали дорогу.

Ле-цзы встретился с Колдуном и подпал под его чары. Вернувшись же, обо всем рассказал учителю с Чашей-горы:

— Ваше учение я считал высшим, а теперь познал более совершенное.

— Я открывал тебе внешнее, еще не дошел до сущности, — ответил учитель. — Как же тебе судить об учении? Если рядом с курами не будет петуха, откуда же возьмутся цыплята? Думая, что постиг учение и можешь состязаться с современниками, ты возгордился, поэтому он и прочел все на твоём лице. Приди-ка вместе с ним сюда, пусть на меня посмотрит.

Назавтра Ле-цзы явился к учителю вместе с Колдуном. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы:

— Увы! Твой учитель скоро умрет, не проживет и десяти дней. Я видел странное — пепел, залитый водой,

Ле-цзы вошел к учителю, зарыдал так, что слезами орошил одежду, и передал ему слова Колдуна.

— В тот раз я показался ему поверхностью земли, — сказал учитель, — без побегов, без движения. Ему, видимо, почудилась какая-то преграда в источнике моей жизненной энергии. Приди-ка снова с ним сюда.

Назавтра Ле-цзы снова явился с Колдуном. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы:

— Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему лучше, полностью появилась жизнь. Я заметил, что энергия проникает через преграду.

Ле-цзы вошел к учителю и передал ему все.

— На этот раз я показался ему в виде неба и земли, куда нет доступа таким понятиям, как «имя» или «сущность».

Но источник энергии исходил из пяток. Вот ему и почудилось, что мне лучше. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Ле-цзы снова явился с колдуном к учителю. Когда они вышли, Колдун сказал Ле-цзы:

— Твой учитель в тревоге. Трудно читать на его лице. Успокой его, и я снова его навещу.

Ле-цзы вошел к учителю и передал ему все. Учитель молвил:

— На этот раз он узрел во мне великую пустоту без малейшего предзнаменования чего-либо и принял ее за признак равновесия жизненных сил. Существует всего девять

названий глубин. Я же появился в трех: в виде глубины водоворота, стоячей воды, проточной воды. Приди-ка снова с ним сюда.

На другой день Ле-цзы вместе с Колдуном снова явился к учителю. Не успел Колдун занять свое место, как в растерянности пошел прочь.

— Догони его, — велел учитель.

Ле-цзы побежал, не смог его догнать, вернулся и сказал:

— Не догнал! Он куда-то исчез! Потерялся!

— Я показался ему зародышем, каким был еще до появления на свет, — сказал учитель. — Я предстал перед ним пустым, покорным, свернувшимся в клубок. Он не понял, кто я, какой я, видел то увядание, то стремительное течение. Вот и сбежал от меня.

Тут Ле-цзы решил, что еще и не начинал учиться, вернулся домой и три года не показывался. Готовил пищу для своей жены, свиней кормил, будто людей, в резьбе и полировке вернулся к безыскусственности. В других делах не принимал участия. Лишь телесно, словно ком земли, вынырнул он среди мирской суеты, замкнутый, целостный и поэтому познал истину до конца.

Выгода

ДИАЛОГ

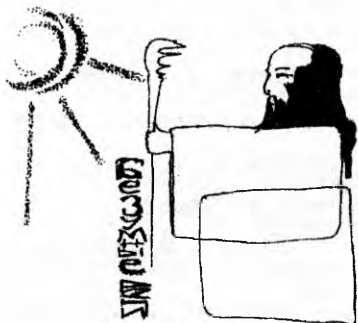

Янь Хой спросил: — Те, кто спрашивает об учении, домогаются богатства. Ныне же я обрел жемчужину, значит, разбогател. Какая же выгода от учения?

Учитель Ле-цзы ответил:

— Удачно задал вопрос! Ведь я тебе об этом еще не говорил. Разрывающий на Части и Бесчеловечный ценили только выгоду, презирали учение, поэтому и погибли. Человек, который не знает долга и только ест, подобен курице или собаке. Те, кто дерется и бодается, вырывая друг у друга пищу, и признает победителя вожаком, подобны хищным птицам и зверям. Тот, кто, уподобляясь курице или собаке, хищной птице или зверю, стремится обрести уважение людей, ничего не добьется. Если же не обретет уважения, его настигнут опасность и позор.

Безумные речи

Нерешительный по прозванию Сладость Лотоса и Священный Земледелец вместе учились у Старого Дракона Счастливого. Как-то днем Священный Земледелец затворил двери и, опершись о столик, задремал. А в полдень, распахнув двери, к нему вошел

Нерешительный и сказал:

— Старый Дракон скончался!

Священный Земледелец со сна схватился за посох и вскочил, но вдруг отпустил посох и, улынувшись, сказал:

— О Небо! Он знал, как я невежествен, груб и распушен, поэтому бросил меня и умер. Увы! Учитель умер, не открыв мне своих безумных слов.

Его речь услышал Насыпающий Курган, который высказал свое соболезнование и заметил:

— К воплотившему путь прибегают со всей Поднебесной благородные мужи. Ныне и тот, кто обрел лишь волосок осенней паутины, меньше чем одну из десяти тысяч долей пути, понял, что умерший унес с собой свои безумные речи, а тем более понимают это те, что воплотили путь.

Смотрят на него — бесформенный; слушают его — беззвучный. Люди, о нем рассуждающие, называют его — темный-темный. Но так судить о пути — значит отрицать путь.

Обладеет путем

Ограждающий спросил у своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть?

— ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, то кто им владеет?

— Это скопление формы во Вселенной. Жизнью своей ты не владеешь, ибо она — соединение частей неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во Вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, как у змеи, кожи во Вселенной. Поэтому ты идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во Вселенной сильнее всего воздух и сила тепла. Как же можешь ты обрести их и ими владеть?

Чайки

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой.

Поймай-ка мне нескольких на забаву.

На другое утро, когда Любитель чаек отправился в море, чайки кружились над ним, но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь — без речей, высшее деяние — недеяние». То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

В камне

Чжао Сян-цзы с сотней тысяч человек отправился на огневую охоту в Срединные горы. С помощью высокой травы подожгли лес, и пламя охватило его на сотни ли. И тут из каменного утеса вышел человек, который поднимался

и опускался вместе с дымом и пеплом. Все сказали, что это душа покойника. Пройдя через огонь, будто его и не было, тот человек вышел не спеша.

Чжао Сян-цзы удивился, удержал его и незаметно осмотрел. Фигурой, цветом, семью отверстиями в голове — человек; по дыханию, голосу — человек. И Чжао Сян-цзы спросил:

— С помощью какого секрета живешь в камне? С помощью какого секрета проходишь через огонь?

— Что называешь камнем? Что называешь огнем? — спросил его тот.

— То, откуда ты недавно вышел, — камень; то, через что недавно прошел, — огонь.

— Не ведаю, — ответил тот.

Услышал об этом вэйский царь Прекрасный и спросил Цзыся:

— Что это был за человек?

— Я, Шан, слышал от учителя, что человек, который обрел гармонию, во всем подобен другим вещам. Ничто не может его ни поранить, ни остановить. Он же может все: и проходить через металл и камень, ступать по воде и пламени.

— А почему ты этого не делаешь? — спросил царь Прекрасный.

— Я, Шан, еще не способен открыть свое сердце и очистить его от знаний. Хотя и пытаюсь говорить об этом, когда есть досуг.

— Почему не делает этого учитель?

— Учитель способен на это, — ответил Цзыся, — но способен и не делать этого.

Ответ очень понравился царю Прекрасному.

Беззубый

Беззубый спросил Учителя в Тростниковом Плаще, что такое путь? Учитель в Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, сосредоточишь на одном свой взор, то к тебе придет согласие с природой. Если соберешь свои

знания, сосредоточишься на одном мериле, то мудрость придет в твоё жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Не успел Учитель договорить, как Беззубый заснул. В большой радости Учитель в Тростниковом Плаще пошел от него и запел:

«Телом подобен иссохшим ветвям, сердцем подобен угасшему пеплу. Сущность познал до глубоких корней, бремя прошедшего сбросив навеки. Темный, туманный, без чувств и без мыслей, не говори с ним, ведь он — настоящий!».

Жердочка для птиц

У чжоуского царя Сюаньвана начальником над пастухами был раб Жердочка Для Птиц. Он умел обращаться с дикими зверями и птицами и, собирая их, кормил во дворе и в саду. Он укрощал и приручал любого хищника, даже тигра и волка, орла или скопу рыболова. В его присутствии самцы и сам-

ки спаривались и размножались, образуя целые стада. Разнообразные виды зверей паслись рядом, не царапая и не кусая друг друга.

Обеспокоенный тем, как бы секрет искусства раба не умер вместе с ним, царь приказал ему обучать Садовода с Маогоры.

Он же сказал Садоводу:

— Я, Жердочка, — презренный раб. Какое искусство могу тебе передать? Но боюсь, как бы государь не обвинил меня в том, что я утаил от тебя секрет, и скажу вкратце, как обращаться с тиграми.

Радоваться, когда потакают, и сердиться, когда перечат, — в природе каждого, в ком течет кровь. Но разве радость и гнев проявляются случайно?! Гнев зверя вызывают, когда идут против его воли. Во время кормежки не решаюсь давать тигру живого зверя: убивая его, тигр придет в ярость; не решаюсь давать целую тушу: разрывая ее, придет в ярость. Своевременно кормлю голодного и постигаю, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ласкается; перечит — и тигр его убивает. Но разве решусь я перечить тигру, чтобы привести его в гнев! Не решусь потакать ему, чтобы вызвать у него радость. Ведь от радости вернется непременно к гневу, а от гнева вернется снова к радости; ни тем, ни другим способом не достигну цели.

Ныне, когда у меня нет мысли ни потакать им, ни перечить, птицы и звери принимают меня за своего. Действую по закону природы — предоставлять каждого самому себе, поэтому они бродят по моему саду, не вспоминая о высотах горных лесов и просторах болот; засыпают на моем дворе, не стремясь в глубину гор и в тишину долин.

Свирели

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? Ведь тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо ты спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? Когда ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; когда услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель Вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля — и говорят, что подул ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоет сквозь тьму земных отверстий. Разве тебе не случалось слышать подобные голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладам, оградкам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни бурлят, как поток, другие свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, голоса высокие, низкие, звуки протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов замирающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, как свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель Вселенной? — сказал Странник.

— В ней звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все вещи звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!

Тени

Полутень спросила у Тени:

— Почему вы так непостоянны? Раньше вы двигались, а теперь почему-то остановились, раньше вы сидели, а теперь почему-то встали?

— Может быть, я так поступаю в зависимости от чего-то? — ответила Тень. — А может быть я так поступаю в зависимости от чего-то, зависящего еще от чего-то? Завишу ли я от чешуи змеи, от крыла кузнечика? Как знать, почему это так? Как знать, почему это не так?

Не имеющее начала

Не имеющее начала, но постоянно рождающее

— это путь. Когда рожденный живым не гибнет преждевременно, хотя и смертен, — это постоянство; когда рожденный живым гибнет преждевременно, — это несчастье. То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути. Когда

смертный умирает по своей вине, хотя срок его жизни еще не закончился, — это постоянство; когда смертный живет, — это счастье. Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец жизни, обретенный с помощью пути, называется постоянством; смерть, обладающая назначением, также называется путем, и смерть преждевременная, обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел, глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя на его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

Мелодия

Совершенный от Северных Ворот сказал Желтому предку:

— Вы, владыка, исполняли мелодию «Восход солнца» на просторах у озера Дунтин. Я стал ее слушать и сначала испугался, затем предался бездействию, под конец пришел в смятение.

Взволнованный, молчал и долго не мог овладеть собой.

— Ты близок к истине, — ответил Желтый Предок.

— Я сложил эту мелодию с помощью человеческого, настроил цинь с помощью природного, исполнил с помощью обрядов и долга, наполнил ее великой чистотой. Ведь настоящая мелодия сначала соответствует людским делам, согласуется с естественными законами, осуществляется с помощью пяти добродетелей, отвечает естественности; затем она приводит к гармонии четыре времени года, к великому единству — всю тьму вещей. Одно время года сменяется другим и соответственно рождается вся тьма вещей, то расцветая, то увядая, с постоянным распределением дел гражданских и военных. Эфир прозрачный и эфир мутный с помощью сил жара и холода гармонически соединяются, в по-

токах света слышится их звучание. Чтобы насекомые очнулись от спячки, я пробуждаю их раскатами грома. Конец без исхода, начало — без зачина. То смерть, то рождение, то упадок, то подъем — эти явления постоянны и бесконечны, но каждый раз неожиданны, поэтому ты и испугался.

Я снова заиграл мелодию, объединяющую силы жара и холода, озарил ее сиянием солнца и луны. Звуки, то прерывистые, то протяжные, то нежные, то суровые, изменяются, все они в единстве. В них постоянство, ибо нет главенствующего. В долине звуки наполняют всю долину, в котловине — всю котловину. Размах мелодии определяется объемом вещи; прегради все щели — и сохранится ее сила. Она широка и свободна, название ее высокое и светлое. Поэтому души предков и боги будут держаться во мраке, а солнце и луна, планеты и звезды — продвигаться своим порядком. Я останавливался вместе с теми, у которых есть предел, двигался вместе с теми, которые бесконечны. Я размышлял о них, но не мог их постичь; смотрел на них, но не смог их увидеть; следовал за ними, но не мог их догнать. Бездумно стоял я на пути к четырем пустотам, опираясь на высокий платан, и пел. Зрение истощилось в стремлении все увидеть, силы истощились в стремлении все догнать. Я не сумел всего достичь, и тело наполнилось пустотой, успокоилось, поэтому-то и ты упокоился и предался бездействию.

Я снова заиграл, не ленись, соединив мелодию с естественной жизнью. Звуки следовали беспорядочно, бесформенно, будто в зарослях мелодии леса. Разливаясь широко,

но не растягиваясь, сумрачная, смутная, почти беззвучная, она ниоткуда не исходила, задерживалась в глубокой тьме. Одни называли ее умиранием, другие — рождением; одни — плодом, другие — цветением. В движении, в течении она рассеивалась, перемещалась, не придерживаясь постоянного. В мире в ней сомневались, предоставляя мудрому ее изучать. Мудрый же постигал ее природу, а следовал естественности. Творческая сила природы еще не затрагивалась, а все пять органов чувств уже наготове. Это и называется естественной мелодией: слов нет, а сердце радуется. Поэтому род Владеющих Огнем ее и прославил в гимне.

Вслушайся — звука ее не услышишь, формы ее не увидишь, всмотревшись. Небо заполнит, наполнит и землю, шесть полюсов обнимая собою.

Ты захотел ее услышать, но не воспринял, а поэтому и пришел в смятение. Мелодию я начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова заиграл ленивее, ты предался бездействию, поэтому все и отступило. В заключение же я вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать.

Срезанное небо

При чжоуском царе Му из страны на крайнем Западе явился человек, владеющий силой превращений. Входил в огонь и воду, проходил через металл и камень, переворачивал горы, менял течение рек, передвигал обнесенные стенами города. Поднимался в пустоту и не

падал, проходил сквозь твердое, не встречая препятствий, тысячам и десяткам тысяч его превращений не было конца. Он изменял и форму вещей и мысли людей.

Царь Му почитал его, словно духа, служил ему, словно царю, уступил ему царские покои, угощал его мясом вскормленных для жертв быков, баранов, свиней; чтобы развлекать его, отбирал лучших девушек-певид. Однако тот человек не мог жить в царских покоях, находя их низкими и безобразными; не мог есть яств царской кухни, находя их сырыми и зловонными; не мог приблизиться к царским наложницам, находя их некрасивыми и вонючими.

Тогда царь Му стал воздвигать для него строение, призывав на помощь все искусство своих мастеров по глине и

дереву, по окраске красным и белым. Все пять сокровищниц опустели, пока башня была закончена. Высотой в тысячу саженей, она возвышалась над вершиной Южной горы и называлась Вздыхающей к Небу башней. Для башни выбрали красивейших из дев в Царствах Чжэн и Вэй, умастили их ароматными маслами, подрисовали им брови — усики-бабочки, убрали прическу шпильками, проделали в уши серьги, одели их в тончайший холст, подчеркнули брови, украсили нефритовыми подвесками, различными душистыми травами. Заполнив башню, красавицы сыграли песни «Принимаем облака», «Шесть драгоценных нефритов», девять тактов мелодии «Великое Цветение», «Утреннюю росу», чтобы развеселить человека, владевшего силой превращений.

Каждую луну царь подносил ему драгоценные одежды, каждое утро — тонкие яства. Тот же до всего снисходил как бы нехотя. Прожив недолго в башне, тот человек пригласил царя прогуляться. Держась за его рукав, царь взлетел с ним ввысь на самое Срединное небо и очутился в его дворце. Дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Возвышался он и над облаками и над дождем, а на чем покоился — неведомо. Издали он казался пушистым облаком. Все здесь для зрения и слуха, обоняния и вкуса было иным, чем в мире людей. Царь, считая, что оказался поистине в обители предков — Чистой Столице Пурпурной Звезды, наслаждался широтой мелодии небесной музыки. Наклонив голову, царь увидел внизу свой дворец и террасы, похожие на комья земли и

кучи хвороста. Ему казалось, что прожил он здесь десятки лет, не вспоминая о своей стране. Но вот человек, владевший силой превращений, снова пригласил царя прогуляться, и они пришли туда, где наверху не видно было ни солнца, ни луны, а внизу — ни рек, ни морей. Свет и тени ослепили царя, и он не мог ничего разглядеть; звуки и эхо оглушили царя, и он не мог ничего расслышать. Все его кости и внутренние органы затрепетали, он не мог сосредоточиться, мысли у него омрачились, жизненная сила истощилась, и он стал уговаривать того человека вернуться обратно. Тот его толкнул, и царь камнем свалился в пустоту.

Очнувшись он на том же месте, что и прежде; в свите были те же люди, что и прежде; вино перед ним еще не остыло, кушанья еще не высохли.

— Откуда я прибыл? — спросил царь.

— Государь сидел задумавшись, — ответили слева и справа.

Тут царь Му впал в беспамятство. Пришел в себя лишь через три месяца и снова спросил человека, владевшего силой превращений. Тот ответил:

— Разве мы с государем двигались? Нет! Мы странствовали мысленно. А разве место, где мы жили, не иное, чем дворец государя? Разве места, где странствовали, не отличались от заповедника государя? Привыкнув к постоянному, сомневаешься в возможности забыться на время? При высшем же изменении в один миг можно исчерпать все возможные формы.

В большой радости царь перестал заботиться о государственных делах, наслаждаться своими наложницами и всеми мыслями предавался далеким странствиям.

Он приказал запрячь в две колесницы восемь своих добрых коней. В переднюю колесницу запрягли справа Рыжего Черногривого, слева — Зеленое Ухо, правой пристяжной — Рыжего Быстроногого, слева — Белую Жертву. Колесничим был Отец Цзао, помощником — Тай Бин. В упряжку второй колесницы запрягли справа Огромного Буланого, слева — Превосходящего Колесо, правой пристяжной — Быстроногого Вороного, левой — Сына Гор. Ведущим был Бо Яо, колесничим — Шэнь Бо, помощником — Бэнь Жун.

Промчались тысячу ли и прибыли в страну Огромных Охотников. Огромные Охотники подвезли царю и его людям на двух колесницах кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. Напившись, поехали дальше и заночевали на склоне гор Союз Старших Братьев к югу от Красных Вод.

На другой день поднялись на вершину горы Союз Старших Братьев, чтобы полюбоваться на дворец Желтого Предка, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям. Затем отправились погостить к Матери Западных Царей и пировали над Озером Белого Нефрита.

Мать Западных Царей пела царю, а он вторил ей, но слова были печальны. Наблюдая, как закатилось солнце, прошедшее за день десятки тысяч ли, царь со вздохом сказал:

— Увы! Я — человек, который не обладал полнотой основных свойств, но увлекался наслаждениями. Потомки осудят меня.

Разве царь Му священен? Ведь он сумел исчерпать наслаждения в своей жизни и все же умер, прожив до ста лет. В мире считали, что он поднялся ввысь.

Избывающий змей

Гуань Чжун правил колесницей, когда царь Хуань-гун охотился на болоте и увидел духа. Царь дотронулся до руки Гуань Чжун и спросил:

— Видел ли ты что-нибудь, Отец Чжун?

— Я, Ваш слуга, ничего не видел, — ответил Гуань Чжун.

Вернувшись, царь лишился сознания, заболел и несколько дней не выходил.

Среди цисских мужей был Хуан-цзы Обвинитель Гордыни, который сказал:

— Как мог дух повредить царю? Царь сам себе повредил! Ведь от гнева эфир рассеивается и не возвращается,

поэтому его и не хватает. Если, поднявшись, эфир не спускается, человек становится вспыльчивым; если, опустившись, не поднимается, человек становится забывчивым; если, не поднимаясь и не опускаясь, остается в середине, в сердце, человек заболевает.

— Но существуют ли тогда духи? — спросил царь.

— Существуют, — ответил Хуан-цзы. — У озера есть Соломенный Башмак, у очага — Высокая Прическа, в куче сора во дворе обитает Гром, в низине на северо-востоке на берегу реки прыгает Лягушка, в низине на северо-западе обитает Домовой; в реке есть Водяной; на холмах — Разноцветная Собака, в горах — Одноногий, в степях — Двуглавый Змей, на болотах — Извивающийся Змей.

— Разрешить узнать, как выглядит Извивающийся Змей? — задал вопрос царь.

— Извивающийся Змей, — ответил Хуан-цзы, — толщиной со ступицу, а длиной с оглоблю, одет в фиолетовое платье и пурпурную шапку. По природе он злой. Как заслышит грохот колесницы, встает стоймя, охватив голову. Тот, кто его увидит, станет царем царей.

— Вот его-то я, единственный, и увидел, — сказал царь и захохотал. Тут он оправил на себе одежду и шапку и уселся рядом с Хуан-цзы. День еще не кончился, а болезнь незаметно прошла.

СУДЬБА

Великая Чистота спросила у Бесконечности:

— Знаешь ли ты, что такое путь?

— Я не знаю, — ответила Бесконечность.

Великая Чистота спросила о том же у Недеяния:

— Я знаю, — ответило Недеяние.

— Если ты знаешь путь, то скажи владеет ли он судьбами?

— Владеет.

— Какие же у него судьбы?

— Из тех, что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:

— Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием, или Недеяние со своим знанием?

— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное. — Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:

— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?

— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — если слышим, значит, не путь. Путь невидим: если видим, значит, не путь. Путь не выразить в словах; если выражен, значит, не путь. Кто познал формирующую формы бесформенное, понимает, что путь нельзя назвать.

— Те, кто спрашивают о пути и отвечают о нем, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы о нем нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним знанием. Тот, кто, не обладая внутренним знанием, ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает Вселенную, во внутреннем не знает первоначала. Вот почему таким не взойти на гору Союз Старших Братьев, не странствовать в великой пустоте.

О пути

ОНИ

Носильщик и Учитель с Тутового Двора были друзьями. Однажды, когда дождь лил целых десять дней, Носильщик сам себе сказал:

— Как бы с Учителем с Тутового Двора не случилась беда!

Он захватил с собой еду и отправился кормить друга. У самых ворот дома Учителя Носильщику послышался то ли плач, то ли пение. За ударом по струнам циня последовали слова:

«О отец! О мать! О природа! О люди!..»

Слабевший голос спешил допеть строфу.

— Почему пел ты такую песню? — войдя к нему, спросил Носильщик.

— Я искал того, — ответил Учитель, — кто довел меня до такой крайности, но не знаю — кто. Неужели отец и мать желали мне такой бедности? Небо ведь беспристрастно все покрывает, а земля беспристрастно все поддерживает. Неужели небо и земля были пристрастны ко мне, сделав меня бедным? Я искал, кто это сделал, но не мог никого найти. Значит, то, что довело меня до такой крайности, — судьба.

Пожелания

Страж Границы Цветущего сказал Высочайшему:

— Ах, мудрый человек! Разреши мне, мудрый человек, пожелать тебе долгой жизни!

— Отказываюсь! — ответил Высочайший.

— Пожелаю тебе, мудрому человеку, богатства!

— Отказываюсь!

— Пожелаю тебе, мудрому человеку, много сыновей!

— Отказываюсь!

— Долголетия, богатства, многих сыновей жаждет каждый. Почему же только ты один не жаждешь? — спросил Страж.

— Много сыновей — много тревог, — ответил Высочайший. От богатства много хлопот, а от старости — поношение. С помощью этих трех благ не взрастить добродетели, поэтому и отказываюсь.

— Сначала я принял тебя за мудрого человека, — сказал Страж, — а теперь вижу, ты благородный муж. При-

рода породила тьму людей, им необходимо дать занятие. Если иметь много сыновей и каждому дать занятие, откуда возьмутся тревоги? Если имеешь богатство, пусть люди его поделят, какие же будут хлопоты? Ведь мудрый человек живет, точно перепел, питается, словно птенец, передвигается, подобно птице, не оставляя следов. Когда в Поднебесной нет пути, мудрый в праздности укрепляет добродетель. Если за тысячу лет ему жить надоест, он улетает к бессмертным, оседлав белое облако. Туда, в обитель предков, нет доступа трем бедам. Но если телу ничто не причинит вреда, откуда же возьмется поношение?

И Страж пошел прочь.

— Дозвольте спросить, — начал, следуя за ним, Высочайший.

— Изыди! — ответил ему Страж.

Корысть

Цзэн-цзы дважды служил, и чувства его дважды менялись. Он сказал:

— Я служил при жизни родителей, получал лишь три фу, а сердце радовалось. Потом получал три тысячи чжуннов, но не посылал родителям, и сердце мое печалилось.

Ученики спросили у Конфуция:

— Можно ли такого, как Цзэн-цзы, считать невиновным в корысти?

— Была корысть. Разве свободный от корысти предавался бы печали? Такой смотрел бы на три фу или на три тысячи чжуанов, как птичка на пролетающего перед ней комара.

Представление о пути

Царевич Моу из Средних гор спросил у Чжань-цзы:

— Как мне быть? Телом скитаюсь по рекам и морям, а сердцем пребываю у дворцовых ворот в Вэй.

— Цени жизнь, — ответил Чжань-цзы. — Кто ценит жизнь, презирает выгоду.

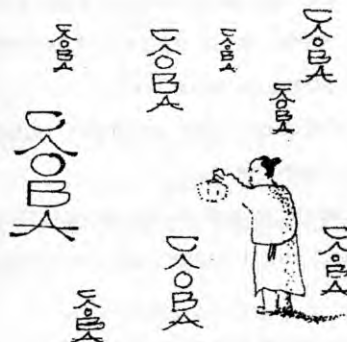
— Знаю это, — ответил царский сын Моу, — да еще не могу с собой совладать.

— Не можешь с собой совладать, — сказал Чжань-цзы, — тогда следуй за своими страстями. Разума не повредишь. Помешать следовать за своими страстями тому, кто не может с собой совладать, — значит нанести ему двой-

ную рану. Человеку же с двойной раной не войти в число долголетних.

Моу был сыном вэйского царя, владевшего тьмой колесниц. Ему было труднее скрыться в пещере на высокой скале, чем мужу в холщовой одежде. Хотя он не достиг пути, но, можно сказать, имел о нем представление.

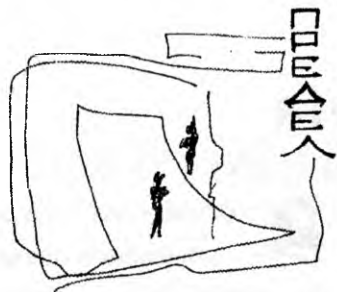
Слова

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова.

Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

Предел

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоса.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет москита.

Перед тем как притупиться ощущение вкуса, язык отличит воду из реки Цзы от воды из реки Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева от запаха гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, человек бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность.

Пользоваться силой

Гуньби Бо прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нем чжоускому царю Сюиньвану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гуньби Бо явился. При виде его немощной фигуры в сердце Сюиньвана закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы моей, вашего слуги, хватит лишь, чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы, чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов, — в гневе воскликнул государь, — а я еще огорчен их слабостью! Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гуньби Бо. — На вопрос царя я, ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил меня, вашего слугу, Наставник с Шангоры. Равного

ему по силе не найдется во всей Поднебесной. Но никто из шести родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал. Я, ваш слуга, услужил ему, рискуя жизнью, и тогда он поведал мне, вашему слуге: «Все хотят узреть невиданное — смотри на то, на что другие не смотрят; все хотят овладеть недоступным — займись тем, чем никто не занимается. Поэтому тот, кто учится видеть, начинает с повозки с хворостом; тот, кто учится слышать, — с удара колокола. Ведь то, что легко внутри тебя, не трудно и вне тебя».

Слава моя, вашего слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как ею пользоваться. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?

Четыре слуги

Цзы-Си спросил Учителя:

— Что за человек Йен-Ю?

— По доброте своей он лучше меня.

— А Цзы-Кун?

— По красноречию он лучше меня.

— Цзы-Лу?

— По смелости он лучше меня.

— Цзы-Чан?

— По достоинству он лучше меня.

Цзы-Си поднялся со своего коврика и спросил:

— Тогда почему эти четверо служат вам?

— Садись, и я скажу тебе. Йен-Ю добр, но он не может сдерживать побуждение, когда оно не ведет к добру. Цзы-Кун красноречив, но не может удержать свой язык. Цзы-Лу храбр, но не может быть осторожным. Цзы-Чан держит себя с достоинством, но не может отбросить чопорность в компании. Даже если бы я смог собрать добродетели этих четырех людей вместе, я бы не хотел поменять их на свои собственные. Вот почему они служат мне с чистым сердцем.

Великая тыква

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы:

— Правитель Вэй подарил мне семена большой тыквы. Я посадил их в землю, и у меня выросла тыква весом в целых двести пудов. Нальешь в нее воду — и она треснет под собственной

тяжестью. А если разрубить ее и сделать из нее чан, то

мне его даже поставить будет некуда. Выходит, тыква моя слишком велика, и нет от нее никакого проку.

Чжуан-цзы ответил:

— Да ты, я вижу, не знаешь, как обращаться с великим! Один человек из Сун знал секрет приготовления мази, от которой в холодной воде не трескаются руки. А знал он это потому, что в его семье из поколения в поколение занимались вымачиванием пряжи. Какой-то чужеземный купец прослышал про эту мазь и предложил тому человеку продать ее за сотню золотых. Сунец собрал родню и так рассудил: «Вот уже много поколений подряд мы вымачиваем пряжу, а скопили всего-навсего несколько золотых, давайте продадим нашу мазь». Купец, получив мазь, преподнес ее правителю царства У. Тут как раз в земли У вторглись войска Юэ, и уский царь послал свою армию воевать с вражеской ратью. Дело было зимой, сражались воины на воде. И вышло так, что воины У наголову разбили юэсцев, и уский царь в награду за мазь пожаловал тому купцу целый удел. Вот так благодаря одной и той же мази, смягчавшей кожу, один приобрел целый удел, а другой всю жизнь вымачивал пряжу. Получилось же так оттого, что эти люди по-разному пользовались тем, чем обладали.

А у тебя, уважаемый, есть тыква весом в двести пудов. Так почему бы тебе ни сделать из нее великий челн и не пуститься в нем в великое странствие по рекам-озерам? А ты все печалишься о том, что тебе некуда ее деть. Видно, в сознании у тебя такая чаша, что сквозь нее и не проде-решься!

Каждый на своем месте

Когда-то царь Яо, уступая Поднебесный мир отшельнику Сюй Ю, говорил:

— Коль на небе светят солнце и луна, может ли огонь лучины сравниться с их сиянием? И не напрасный ли

труд поливать всходы, когда идет дождь? Займите, уважаемый, мое место, и в Поднебесной воцарится покой. Я же, как сам вижу, в государи не гожусь. Так соблаговолите же принять от меня во владение сей мир.

На это Сюй Ю ответил:

— Под вашей властью Поднебесная благоденствует, для чего же мне менять вас на троне? Ради громкого имени? Но имя перед сутью вещей — все равно что гость перед хозяином. Так неужели мне следует занять место гостя? Птица, выющая гнездо в лесу, довольствуется одной веткой. Полевая мышь, пришедшая на водопой к реке, выпьет воды ровно столько, сколько вместит ее брюхо. Возвращайтесь же, уважаемый, туда, откуда пришли, и будьте покойны. А мне Поднебесный мир ни к чему. И потом: даже если у повара на кухне нет порядка, хозяин дома и распорядитель церемоний не встанут вместо него к кухонному столу.

Искусство ремесленника

Столяр Цин был лучшим в своем ремесле.

Однажды ему заказали сделать раму для колокола для правителя Лу, и когда работа была закончена, рама оказалась столь прекрасна, что казалось, будто это дело рук богов или духов. Правитель Лу пришел посмотреть и спросил у столяра, в чем секрет его искусства.

— Я простой ремесленник, — ответил Цин. — О каком искусстве ты говоришь? У меня есть только небольшие секреты ремесла, и я расскажу о них. Когда я решил сделать раму для колокола, мне не захотелось тратить попусту Ци — энергию жизни, поэтому я постился, чтобы сосредотчиться и успокоить сердце.

После трех дней поста я уже больше не думал ни о награде, ни о похвалах, ни о чине или деньгах, которые мог бы получить за хорошую работу. На пятый день я уже забыл, что за работу меня могут возвеличить или унижить, будут хвалить или бранить, я перестал предаваться мыслям о том, что одним мой труд может показаться искусным, а другим — грубым. К концу седьмого дня поста я достиг такой сосредоточенности духа, что забылся совершенно: не чувство-

вал ни рук, ни ног своих. Мое ремесло захватило меня всего, а все остальное перестало для меня существовать.

Тогда я пошел в лес и через некоторое время увидел дерево, форма которого как раз подходила для рамы. Вот так мой дух, освобожденный от суетных забот, нашел совершенное дерево. Может быть, именно поэтому люди говорят, что раму сделали боги или духи.

Крестьянин и вор

Один крестьянин заметил исчезновение своего кошелька с деньгами. Обыскав весь дом, он не нашел кошелёк и пришел к выводу, что его украла. Перебирая в памяти всех, кто приходил к нему в дом в последнее время, крестьянин решил, что знает вора: это был соседский сын. Мальчик заходил к

нему как раз накануне исчезновения кошелька, и никто другой не мог бы совершить кражу.

Встретив мальчика в следующий раз, крестьянин заметил в его поведении много подтверждений своим подозрениям. Соседский сын явно смущался его, прятал глаза и вообще имел вид нашкодившего кота. Словом, каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но у крестьянина не было никаких прямых улик, и он не знал, что делать. Каждый раз, когда он встречался с мальчиком, тот выглядел все более виноватым, а крестьянин злился все сильнее. Наконец он так разгневался, что решил пойти к отцу воришки и предъявить ему формальное обвинение. И тут жена позвала его:

— Посмотри, что я нашла за кроватью, — сказала она и подала ему пропавший кошелек с деньгами.

На другой день крестьянин снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил он на вора.

Ми-цзы и государь

Ми-цзы был любимцем государя. А в его царстве был закон: тому, кто самовольно запряжет царскую колесницу, отрубали ноги.

И вот однажды у Ми-цзы захворала мать. Он смело взял царскую колесницу и поехал к матери. Государь

же, услышав о том, пришел в восхищение и сказал так:

— До чего же он почтителен! Ради матери забыл, что ему могли отрубить ноги!

А еще как-то раз, прогуливаясь с государем в саду, Ми-цзы сорвал персик. И до того был он сладок, что любимец, съев половину, предложил остатки государю. И государь сказал:

— Как же он меня любит! О себе забывает — лишь бы меня попотчевать!

Когда же юность Ми-цзы увяла, государь к нему охладел, и впал он в немилость. И теперь уже государь говорил:

— Каков! Ведь он пошел на обман, дабы воспользоваться моей колесницей. Да еще угощал меня надкусанным персиком!

Путь, постоянство и счастье

Не имеющее начала, но постоянно рождающее — это путь.

Когда рожденный живым не гибнет преждевременно, хотя и смертен, — это постоянство.

Когда рожденный живым гибнет преждевременно — это несчастье.

То, что обладающий началом неизменно умирает, — это закон пути.

Когда смертный умирает по своей вине, хотя срок его жизни еще не закончился, — это постоянство.

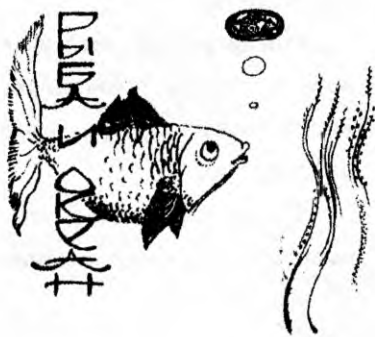
Когда смертный живет — это счастье.

Поэтому жизнь, не обладающая назначением, называется путем, и конец жизни, обретенный с помощью пути, называется постоянством.

Смерть, обладающая назначением также называется путем, и смерть преждевременная, обретенная с помощью пути, также называется постоянством.

Когда умер Цзи Лян, Ян Чжу пел, глядя на ворота его дома; когда умер Суй У, Ян Чжу рыдал, глядя на его тело. Когда же родится раб, толпа поет; когда умирает раб, толпа плачет.

РЫБА И ОКЕАН

В океане жила-была рыба, обычная рыба. Только однажды она слишком много слышала об Океане, и решила, что должна потратить все силы своей жизни, но попасть туда.

Рыба начала обращаться к разным мудрецам, и хотя многим из них нечего было сказать, они говорили всякую чепуху, чтобы поддержать свой авторитет «гуру».

Так, одна мудрая рыба сказала, что достичь Океана очень и очень непросто. Для этого сначала нужно практиковать определенные позы и движения первой ступени восьмеричного пути безупречно двигающих плавниками рыб.

Другая рыба-гуру учила, что путь в Океан лежит через изучение основ миров просветленных рыб.

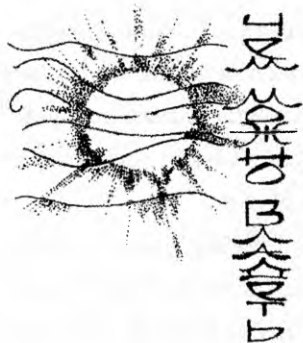
Третья учила, что постижение Океана очень и очень сложно, и только очень немногие рыбы когда-либо достигали этого. Единственный путь — это повторять все время мантру «Рам-рам-рам...» и только тогда откроется путь к Океану.

И как-то раз вконец уставшая от разнообразных поучений рыба поплыла в заросли водорослей. И там она встретила совершенно обыкновенную неприметную рыбу (наверно, она была похожа на Лао-цзы).

Услышав о нелегких исканиях, она так учила рыбу-искателя:

— Океан, который ты ищешь, всегда был, есть и будет рядом с тобой. Он всегда кормит, оберегает, окружает своих обитателей. И ты тоже являешься частью Океана, только ты этого не замечаешь. Океан и внутри тебя, и снаружи тебя, и ты — его любимая часть. А все рыбы — это волны этого великого Океана!

Чем можно владеть

О граждающий спросил у своих помощников:

— Могу ли обрести путь и им владеть?

— Собственным телом не владеешь, как же можешь обрести путь и им владеть? — ответили ему.

— Если я не владею собственным телом, то кто им владеет?

— Это скопление формы во вселенной. Жизнью своей ты не владеешь, ибо она — соединение частей неба и земли. Своими качествами и жизнью ты не владеешь, ибо это — случайное скопление во вселенной; своими сыновьями и внуками ты не владеешь, ибо они — скопление сброшенной, как у змеи кожи во вселенной. Поэтому ты идешь, не зная куда, стоишь, не зная на чем, ешь, не зная почему. Во вселенной сильнее всего воздух и сила тепла. Как же можешь ты обрести их и ими владеть?

Как бы можете сузить

Жил в одной деревне старик. Был он очень беден, но все императоры завидовали ему, потому что у него был прекрасный белый конь. Никто никогда не видел подобного коня, отличавшегося красотой, статью, силой... Ах, что за чудо

был этот конь! И императоры предлагали хозяину за коня все, что только бы он пожелал! Но старик говорил: «Этот конь для меня не конь, он — личность, а как можно продать, скажите на милость, личность? Он — друг мне, а не собственность. Как же можно продать друга?! — Невозможно!» И хотя бедность его не знала пределов, а соблазнов продать коня было немыслимое количество, он не делал этого.

И вот однажды утром, зайдя в стойло, он не обнаружил там коня. И собралась вся деревня, и все сказали хором: «Ты — глупец! Да мы все заранее знали, что в один прекрасный день этого коня украдут! При твоей-то бедности хранить такую драгоценность!.. Да лучше бы ты продал его! Да ты бы получил любые деньги, какие бы ни зап-

росил — на то и императоры, чтобы платить любую цену! А где теперь твой конь? Какое несчастье!»

Старик же сказал: «Ну-ну, не увлекайтесь! Скажите просто, что коня нет в стойле. Это — факт, все же остальное — суждения. Счастье, несчастье... Откуда вам это знать? Как вы можете судить?»

Люди сказали: «Не обманывай! Мы, конечно, не философы. Но и не настолько дураки, чтобы не видеть очевидного. Конь твой украден, что, конечно же, несчастье!»

Старик ответил: «Вы — как хотите, а я буду придерживаться такого факта, что раз стойло пусто, то коня там нет. Другого же я ничего не знаю — счастье это или несчастье, потому что это всего лишь маленький эпизод. А кто знает, что будет потом?»

Люди смеялись. Они решили, что старик от несчастья просто рехнулся. Они всегда подозревали, что у него не все дома: другой бы давно продал коня и зажил, как царь. А он и в старости оставался дровосеком: ходил в лес, рубил дрова, собирал хворост, продавал его и еле-еле сводил концы с концами, живя в бедности и нищете. Ну а теперь стало очевидным, что он — сумасшедший.

Но через пятнадцать дней конь неожиданно вернулся. Он не был украден, он сбежал в лес. И вернулся не один, но привел с собой дюжину диких лошадей. И снова собрались люди и сказали: «Да, старик, ты был прав! Это мы — глупцы! Да он и впрямь счастье! Прости нашу глупость милосердно!»

Старик ответил: «Да что вы, ей-богу! Ну вернулся конь. Ну лошадей привел — так что ж? Не судите! Счастье, несчастье — кто знает?! И это лишь маленький эпизод. Вы же не знаете всей истории, зачем судить. Вы прочли лишь одну страницу книги, разве можно судить о всей книге? Прочитав одно только предложение на странице, как знать, что еще написано на ней? Да даже и одного слова нету у вас! Жизнь — океан безбрежный! — буква из слова, да! А вы судите обо всем целом. Счастье, несчастье — зачем судить, никто этого не знает. И счастлив я в моем неосуждении. А теперь идите и не мешайте мне, ради Бога!»

И на сей раз не смогли люди возразить старику: вдруг старик и на этот раз прав? Поэтому они хранили молчание, хотя в глубине души прекрасно понимали, что это же самое прекрасное и сказочное счастье — двенадцать лошадей пришли с конем! Да стоит только захотеть, и все они превратятся в немыслимые богатства!

У старика был единственный молодой сын. Он начал объезжать диких лошадей. Не прошло и недели, как он упал с лошади и сломал себе ногу. И снова собрались люди, а люди везде одинаковы, и снова начали судить. Они сказали: «Да, старик, ты снова прав оказался. Это — несчастье. Единственный сын — и ногу сломал! Хотя одна была бы опора тебе в старости, а теперь?! Ты же еще больше обеднеешь!»

А старик ответил: «Ну вот! Опять суждения! Зачем вы так торопитесь? Скажите просто: сын сломал ногу! Сча-

стье, несчастье — кто знает?! Жизнь идет отрывочно, а судить можно о целом».

И так случилось, что спустя всего несколько дней на страну напал враг, началась война, и все молодые люди деревни были призваны в армию. И только сын старика был оставлен: он не мог ходить, бедный калека. И снова собрались люди, они кричали и плакали: из каждого дома ушел сын или несколько сыновей, и надежды на то, что они вернутся, не было никакой, потому что напавшая страна была огромной и битва заранее была проигранной, — они не вернутся в дома свои!

... Вся деревня стонала и плакала. И пришли люди к старику и сказали ему: «Прости нас, старик! Бог видит, что ты прав — благословением было падение твоего сына с лошади. Хоть и калека, да с тобой сын твой! Наши же дети ушли навсегда! Он-то жив, да, может, еще и ходить начнет понемногу. Лучше быть хромым, да живым!»

И ответил старик: «Нет, с вами невозможно! Люди! Что вы?! Вы ведь продолжаете опять и опять — судите, судите, судите! Да кто знает?! Ваши дети насильно были забраны в армию, а мой сын остался со мной. Но никто не знает — благословение это или несчастье. И никто никогда не будет в состоянии узнать. Один Бог ведает!»

Послушайте нашу курицу

В
ДОЛЬ
ВЕСЬ
ПТИЧНИК

Вдоль всего плетня, окружавшего птичий двор, расселись ласточки, беспокойно щебеча друг с другом, говоря о многом, но думая только о лете и юге, потому что осень стояла уже у порога — ожидался северный ветер.

Однажды они улетели, и все заговорили о ласточках и о юге. «Пожалуй, на следующий год я сама летаю на юг», — сказала курица. И вот минул год, ласточки вернулись. Минул год, и они снова расселись на плетне, а весь птичник обсуждал предстоящее отбытие курицы.

Ранним утром подул северный ветер, ласточки разом взлетели и, паря в небе, почувствовали, как ветер наполняет их крылья. К ним прилила сила, странное древнее знание и нечто большее, чем человеческая вера. Высоко взлетев, они оставили дым наших городов.

— Ветер, пожалуй, подходящий, — сказала курица, расправила крылья и выбежала из птичника. Хлопая крыльями, она выскочила на дорогу, сбежала вниз с насыпи и попала в сад.

К вечеру, тяжело дыша, она вернулась обратно и рассказала обитателям птичника, как летала на юг до самого шоссе и видела величайший в мире поток машин, мчащихся мимо. Она была в землях, где растет картофель, и видела питающие людей злаки. И наконец, она попала в сад. В нем были розы, прекрасные розы, и там был сам садовник.

— Потрясающе, — сказал весь птичий двор. — И как живописно рассказано!

Прошла зима, прошли тяжелые месяцы, началась весна нового года, и опять вернулись ласточки. Но птичий двор ни за что не соглашался, что на юге — море. «Послушайте нашу курицу!» — говорили они.

Курица теперь стала знатоком. Она-то знала, как там — на юге, хотя даже не ушла из городка, а просто перешла через дорогу.

МАНДАРИН И ЗАМОРСКАЯ ПТИЦА

Мандарин провинции Лю отправился встречать заморскую птицу, появившуюся в окрестностях, и препроводил ее в парадные покои.

По этому поводу были зарезаны вол, овца и поросенок, и в честь заморской птицы был устроен пир, на котором прекрасные музыканты играли музыку, сочиненную под наблюдением императора Шуень. Но птичка глядела на все это рассеянно, была понура и печальна, не попробовала ни кусочка мяса, не пригубила ни из одного бокала. И через три дня она умерла.

Мандарин кормил птичку так, как он кормил бы себя, он не понял что с ней надо обращаться как с птицей, а не как с императором. Музыка мало что значит для птицы, а вол, овца и поросенок не годятся ей в пищу. Мандарин убил птицу.

ЩЕЛУХА ЗУЩ СРЕБНИК ЛЮДЕЙ

Царь Хуань-гунь читал книгу в своем дворце, а у входа во дворец обтесывал колесо колесник Бянь. Отложив молоток и долото, колесник вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь полюбопытствовать, что читает государь?

— Слова мудрецов, — ответил Хуань-гунь.

— А эти мудрецы еще живы? — спросил колесник.

— Нет, давно умерли.

— Значит, то, что читает государь, — это всего лишь шелуха душ древних людей.

— Да как смеешь ты, ничтожный колесник, рассуждать о книге, которую читаю я — единственный из людей? Если тебе есть что сказать, то говори, а нет — так мигом простишься с жизнью!

— Ваш слуга судит об этом по своей работе, — ответил колесник. — Если я работаю без спешки, трудностей у меня не бывает, но колесо получается непрочным. Если я слишком спешу, то мне приходится трудно, и колесо не прилаживается. Если же я не спешу, но и не медлю, то руки словно сами все делают, а сердце им откликается. Об этом не могу сказать словами. Тут есть какой-то секрет, и я не могу передать его даже собственному сыну, да и сын не смог бы перенять его у меня. Вот почему, проработав семь десятков лет и дожив до глубокой старости, я все еще мастерю колеса. Вот и древние люди, должно быть, умерли, не раскрыв своего секрета. Выходит, читаемое государем — это шелуха душ древних мудрецов!

Бедно, но не плохо

ИДИ
ТВО
ДО

Чжуан-цзы, одетый в залатанный полотняный халат, обутый в сандалии, подвязанные веревками, проходил мимо правителя царства Вэй.

— Как плохо вам живется, уважаемый! — воскликнул царь.

— Я живу бедно, но не плохо, — ответил Чжуан-цзы. — Иметь Путь и его силу и не претворять их в жизнь — вот что значит жить плохо. Одеваться в залатанный халат и носить дырявые сандалии — это значит жить бедно, но не плохо. Это называется «родиться в недобрый час». Не приходилось ли вам видеть, ваше величество, как лазает по деревьям большая обезьяна? Она без труда взлезает на кедр или камфарное дерево, проворно прыгает с ветки на ветку так, что лучник не успевает и прицелиться в нее. Попад же в заросли мелкого и колючего кустарника, она ступает боком, неуклюже и озирается по сторонам, то и дело оступаясь и теряя равновесие. И не в том дело, что ей приходится прилагать больше усилий или мускулы ее ослабели. Просто она попала в неподходящую для нее обстановку и не имеет возможности показать, на что она способна. Так и человек: стоит ему оказаться в обществе дурного государя и чинов-

ников-плутов, то даже если он хочет жить по-доброму, сможет ли он добиться желаемого?

Много радостей

Бродя по склонам горы Тэй, Конфуций увидел Юнг-чи, идущего в одном халате, подпоясанном веревкой, по вересковому полю, поющего и играющего на лютне.

— В чем причина твоей радости, Учитель? — спросил Конфуций.

— У меня много радостей. Из мириад созданий человек — самое благородное, а мне выпало счастье родиться человеком. Это первая моя радость. Многие, рождаясь, не проживают дня или месяца, не вырастают из пеленок, а я уже прожил до девяноста лет. Это тоже радость. Для всех нищета является нормой, а концом — смерть. Придерживаясь нормы и дожидаясь конца, о чем еще здесь тревожиться?

— Прекрасно, — сказал Конфуций. — Вот человек, знающий, как себя утешить.

Он нашел

Когда Лин-лею было около ста лет, однажды весной он надел халат и пошел подбирать зерна, оброненные жнецами. Продвигаясь по полю, он пел.

Конфуций, шедший тогда в Вэй, увидел его издали. Обернувшись к ученикам, он сказал: «С этим стариком, видимо, стоит поговорить. Кому-нибудь надо пойти узнать, что он может сказать».

Пойти вызвался Цзы-гун. На краю межи он дождался Лин-лея. Глядя ему в лицо, вздохнул: «Неужели ты ни о чем не жалеешь? И все же ты поешь, подбирая зерна». Лин-лей не остановился и не прервал песни. Цзы-гун все не отставал. Наконец Лин-лей взглянул на него и ответил:

«О чем я должен жалеть?»

— Учитель, какое счастье позволяет тебе петь, подбирая зерна?

— Основания для этого счастья есть у всех, — ответил Лин-лей, улыбаясь, — но, вместо этого, о нем горюют. Оттого, что я не изведал боли в молодости, учась себя вести, а выросши, никогда не пытался оставить след в жизни,

мне удалось прожить так долго. Оттого, что в старости у меня нет ни жены, ни сыновей и близится время моей смерти, я могу быть таким счастливым.

— Но ведь человеку свойственно желать прожить долго и бояться смерти, отчего же ты счастлив умереть?

— Смерть — это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Так откуда мне знать, что, умирая здесь, я не рождаюсь где-то еще? Откуда мне знать, не стоят ли жизнь и смерть друг друга? Откуда мне знать, не заблуждение ли — так испуганно беспокоиться о жизни? Откуда мне знать, не будет ли близкая смерть лучше, чем моя прошедшая жизнь?

Благородный муж через небом

Трое мужей — Цзы-Санху, Мэн Цзы-фань и Цзы-Цинчжун — говорили друг другу: «Кто из нас способен быть вместе, не будучи вместе, и способен действовать заодно, не действуя заодно? Кто из нас может взлететь в небеса и странствовать с туманами, погружаться в Беспредельное и вовеки жить, забыв обо всем?»

Все трое посмотрели друг на друга и рассмеялись. Ни у кого из них в сердце не возникло возражений, и они стали друзьями.

Они дружно прожили вместе некоторое время, а потом Цзы-Санху умер. Прежде чем тело Цзы-Санху было предано земле, Конфуций узнал о его смерти и послал Цзы-Гуна участвовать в траурной церемонии. Но оказалось, что один из друзей покойного напевал мелодию, другой подыгрывал ему на лютне, и вдвоем они пели песню.

Цзы-гун поспешно вышел вперед и сказал:

— Осмелюсь спросить, прилично ли вот так петь над телом покойного?

Друзья взглянули друг на друга и рассмеялись:

— Да, что он знает об истинном ритуале? Цзы-Гун вернулся и сказал Конфуцию:

— Что они за люди? Правила поведения не блюдут, даже от собственного тела отрешились и преспокойно распевают песни над телом мертвого друга, уж не знаю, как все это назвать. Что они за люди?

— Эти люди странствуют душой за пределами света, — ответил Конфуций. — А такие, как я живут в свете. Жизнь вне света и жизнь в свете друг с другом не соприкасаются, и я, конечно, сделал глупость, послав тебя принести соболезнования. Ведь эти люди дружны с Творцом всего сущего и пребывают в едином дыхании Неба и Земли. Для них жизнь все равно что гнойник или чирей, а смерть — как выдавливание гноя или разрезание чирея. Разве могут такие люди отличать смерть от жизни, предшествующее от

последующего? Они подделываются под любые образы мира, но находят опору в Едином Теле Вселенной. Они забывают о себе до самых печенок, отбрасывают зрение и слух, возвращаются к ушедшему и заканчивают началом и не ведают ни предела, ни меры. Безмятежные, скитаются они за пределами мира и грязи, весело странствуют в царстве недеяния. Ужели станут они печься о мирских ритуалах и угождать толпе?

— В таком случае, учитель, зачем соблюдать приличия самим? — спросил Цзы-Гун.

— И я — один из тех, на ком лежит кара Небес, — ответил Конфуций.

— Осмелюсь спросить, что это значит?

— Рыбы устраивают свою жизнь в воде, а люди устраивают свою жизнь в Пути. Для тех, кто устраивает свою жизнь в воде, достаточно вырыть пруд. А для тех, кто устраивает свою жизнь в Пути, достаточно отрешиться от дел. Вот почему говорят: «Рыбы забывают друг о друге в воде, люди забывают друг о друге в искусстве Пути».

— Осмелюсь спросить, что такое необыкновенный человек? — спросил Цзы-Гун.

— Необыкновенный человек необычен для обыкновенных людей, но ничем не примечателен перед Небом, — ответил Конфуций. — Поэтому говорят: «Маленький человек перед Небом — благородный муж среди людей. Благородный муж перед Небом — маленький человек среди людей».

МОМЕНТ ЗАБЫТИЯ

В зрелом возрасте Хуа-цзы из рода Ян ли государства Сун потерял свою память. Он мог получить подарок утром и забыть об этом вечером; он мог дать подарок вечером и забыть об этом к утру. На улице он мог забыть идти,

дома он мог забыть сесть. Сегодня он не мог вспомнить, что было вчера; завтра — что было сегодня.

Его семья беспокоилась и пригласила прорицателя, чтобы он рассказал будущее Хуа-цзы, но безуспешно. Они пригласили шамана, чтобы совершить благоприятствующий обряд, но это ни к чему не привело. Они пригласили доктора, чтобы вылечить его, но и это не принесло улучшения.

Был один конфуцианец из Лу, который, предлагая свои услуги, объявил, что он может поправить дело. Жена и дети Хуа-цзы обещали ему в награду половину своего состояния.

Конфуцианец сказал им:

— Ясно, что это — заболевание, которое не может быть предсказано гексаграммами и предзнаменованиями, не может быть заколдовано благоприятствующими молитвами, не может быть излечено лекарствами и иглами. Я буду

пытаться преобразовать его ум, изменить его мысли. Есть надежда, что это восстановит его.

После этого конфуцианец пытался раздеть Хуа-цзы, и тот искал свои одежды; пытался морить его голодом, и тот искал пищу; попытался закрыть его в темноте, и тот искал выход к свету.

Конфуцианец остался доволен и сказал его сыновьям:

— Болезнь излечима, но мое искусство пронесено тайным через поколения и не рассказывается посторонним. Поэтому я запру его слух и останусь с ним наедине в его комнате на семь дней.

Они согласились — и никто не узнал, какие методы применял конфуцианец, но многолетняя болезнь рассеялась в одно утро.

Когда Хуа-цзы проснулся, он был очень зол. Он прогнал свою жену, наказал сыновей, погнался с копьем за конфуцианцем.

Власти Сун арестовали его и пожелали узнать причину.

— Раньше, когда я забывал, — сказал Хуа-цзы, — я был без границ, я не замечал, существуют ли небо и земля. Теперь внезапно я вспомнил — и все бедствия и их преодоление, приобретения и потери, радости и печали, любви и ненависти двадцати-тридцати прожитых лет поднялись тысячью перепутанных нитей. Я боюсь, что все эти бедствия и преодоление их, приобретения и потери, радости и печали, любви и ненависти придут и сильно поразят мое сердце. Найду ли я снова момент забытья?

Среди людей

Плотник-Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги, у алтаря Земли, увидел дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли укрыться много тысяч быков высотой с гору. В восьмидесяти локтях от земли возвышалась его крона с десятком

таких толстых ветвей, что каждой хватило бы на лодку. Зеваки толпились, точно на ярмарке, а Плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо дерева.

Ученики, вдоволь насмотревшись на дуб, догнали Плотника и спросили:

— Почему вы, Пржеждерожденный, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? Нам еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за вами, учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил Плотник. — От него нет проку. Лодка, сделанная из него, потонет; гроб и саркофаг быстро сгниют, посуда расколется. Сделаешь ворота или двери — из них будет литься сок, колонну источат черви. Это дерево нестроевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

Когда Плотник-Кремень вернулся домой, во сне ему приснился дуб у алтаря.

— С какими деревьями ты хочешь меня сравнить? — спросил дуб. — С теми, что идут на украшения, или с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и омела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того, что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми с тех пор, как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего. И это принесло мне огромную пользу! Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба — и ты, и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе — смертному, бесполезному человеку понять бесполезное дерево!

Очнувшись, Плотник-Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— Если дуб у алтаря стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил Плотник. — Он вырос там затем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отделимся ли мы от истины, измеряя его обычной меркой?

Солнце

Конфуций, странствуя по Востоку, заметил двух спорящих мальчиков и спросил, о чем они спорят.

— Я считаю, что солнце ближе к людям, когда только восходит, и дальше от них, когда достигает зенита, — сказал первый мальчик. — А он считает, что солнце дальше, когда только восходит, и ближе, когда достигает зенита.

И добавил:

— Когда солнце восходит, оно велико, словно балдахин над колесницей, а в зените мало, словно тарелка. Разве предмет не кажется маленьким издали и большим вблизи?!

— Когда солнце восходит, оно прохладное, а в зените — жжет, словно кипяток, — сказал второй мальчик. — Разве предмет не кажется горячим вблизи и холодным издали?

Конфуций не мог решить вопроса, и оба мальчика посмеялись над ним: «Кто же считает тебя многознающим?!»

ЗАЧЕМ МНЕ ГОРЕВАТЬ

Близ восточных ворот
Вэй жил некий У.

Когда у него умер сын,
он не горевал. Домоправи-
тель спросил его:

— Почему вы не горю-
ете ныне о смерти сына?
Ведь вы, господин, любили
сына, как никто другой в
Поднебесной!

— Зачем же мне горевать? — ответил У, что жил близ
восточных ворот. — Прежде у меня не было сына. Когда
не было сына, я не горевал. Ныне сын умер, и его нет так
же, как и не было прежде.

НЕТ НИЧЕГО ЛУЧШЕ ПУСТОТЫ

Некто спросил у учите-
ля Ле-цзы:

— Почему ты ценишь
пустоту?

— В пустоте нет ничего
ценного, — ответил Ле-цзы
и продолжил. — Дело не в
названии. Нет ничего лучше
покоя, нет ничего лучше пу-
стоты. В покое, в пустоте об-

ретаешь свое жилище, в стремлении взять теряешь свое жи-
лище. Когда дела пошли плохо, прежнего не вернешь игрой
в «милосердие» и «справедливость».

Чем я лучше других

Цзянь У спросил Суньшу Гордого:

— Что вы делаете со своим сердцем? Вы трижды были советником чуского царя, но не кичились; трижды были смещены с этого поста, но не печалились. Сначала я опасался за вас, а нынче вижу — лицо у вас веселое.

— Чем же я лучше других? — ответил Суньшу Гордый. — Когда этот пост мне дали, я не смог отказаться; когда его отняли, не смог удержать. Я считаю, что приобретения и утраты зависят не от меня, и остается лишь не печалиться. Чем же я лучше других? И притом, не знаю, ценность в той службе или во мне самом? Если в ней, то не во мне; если во мне, то не в ней. Тут и колеблюсь, тут и оглядываюсь, откуда же найдется досуг, чтобы постичь, ценят меня люди или презирают?

Обезьяний царь

В царстве Сун жил Обезьяний царь, который любил обезьян и кормил целую стаю. Он умел угадывать их желания, обезьяны также его понимали. Чтобы ублажить обезьян, он меньше кормил свою семью.

Но вдруг он обеднел, и пришлось ему уменьшить корм обезьянам. Боясь, что вся стая выйдет из повиновения, сначала он их обманул:

— А что, если стану давать вам утром по три банана, а вечером по четыре?

Но тут все обезьяны поднялись в гнев.

— А что, если стану давать вам утром по четыре банана, а вечером по три? — сразу же переспросил он. И все обезьяны обрадовано легли на землю.

Истинно мудрый человек, рассматривая обе стороны проблемы без пристрастия, видит обе их в свете Дао. Это называется следовать в двух направлениях одновременно.

Так мудрый объединяет их в правде и неправде и отдыхает в равновесии природы. Это и называется двумя рядами, удовлетворением и «я» и «не-я».

Смерть Лао-цзы

Когда умер Лао-цзы, оплакивать его явился Цинь И, трижды возопил он и вышел.

— Разве вы не были другом нашего учителя? — спросил ученик.

— Был, — ответил Цинь И.

— И так мало плакали?

— Да. Сначала я думал, что там — его ученики, а теперь понял, что нет. Когда я вошел попрощаться, там были старые, вопившие над ним, словно над родным сыном, были молодые, плакавшие над ним, словно над родной матерью. Все они собрались для того, чтобы говорить там, где не нужно слов, плакать там, где не нужно слез. Это означает бегство от природы, насилие над чувствами, забвение доставшегося от природы. В старину это называли карой за отступление от природы.

Когда наступило время, Учитель родился; пришло время уйти — Учитель покорился. К тому, кто спокойно следует за временем и обстоятельствами, нет доступа ни печали, ни радости. В старину это называли независимостью от природы.

Для рук, заготавливающих хворост, наступает предел. Но огонь продолжает разгораться, и есть ли ему предел — неведомо.

Смена одежды

Младший брат Ян Чжу по имени Бу отправился гулять, надев белое платье. Пошел дождь, он снял белое и сменил его на черное.

Когда же вернулся домой, собака его не узнала и встретила лаем. Ян Бу рассердился и хотел побить собаку.

— Не бей! — сказал ему Ян Чжу. — Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а вернулась черной? Ты поступил бы так же, как она.

Естественный процесс развития

Некый сунец (житель царства Сун) за три года вырезал для своего государства из нефрита лист дерева чу, такой совершенный — в зубчиках и со стебельком, в жилах и волосках, такой сложный и блестящий, что его нельзя было отличить от настоящих листьев дерева чу, даже смешав с ними. Этого че-

ловека за его мастерство стало кормить царство Сун.

Услышав об этом, учитель Ле-цзы сказал:

— Если бы Небо и Земля, порождая вещи, создавали за три года один лист, то растений с листьями было бы очень мало. Поэтому мудрый человек полагается не на знания и мастерство, а на естественный процесс развития.

Смех над соседом

Цзинский царь выступил для соединения с союзниками, чтобы напасть на царство Вэй. Царевич Чу поглядел на небо и рассмеялся.

— Отчего смеешься? — спросил царь.

— Я, ваш слуга, смеюсь над соседом, — ответил царевич. — Он проводил жену к ее родителям, а по дороге заметил женщину, собиравшую листья шелковицы. Она ему понравилась, и он стал с ней заигрывать. Но тут обернулся и поглядел вслед своей жене: ее тоже кто-то манил. Над ним ваш слуга и смеется.

Царь понял намек, остановил войско и повел обратно. Не успел он дойти до дома, как напали на северную окраину его царства.

Настоящий художник

ТЮНУЭТХМОЖТЮ

У некий царь Юань захотел иметь у себя картину. К нему пришли все придворные писцы и встали у трона, держа в руках ритуальные таблички, облизывая кисти и растирая тушь. Еще столько же стояли за дверью зала. Один писец пришел с опозданием, поспешно вошел в зал,

взял табличку, но не встал в ряд с другими, а тут же прошёл в свои покои. Царь послал человека посмотреть за ним, и тот увидел, что писец снял одежды и голый сидел, раскинув ноги, на полу.

— Вот настоящий художник! — воскликнул царь. — Ему можно поручить дело.

Маленькие не-побезы

ЖУНУЭТХМОЖТЮ

Одноногий Куй завидовал Сороконожке, Сороконожка завидовала Змее, Змея завидовала Ветру, Ветер завидовал Глазу, а глаз завидовал Сердцу.

Куй сказал Сороконожке:

— Я передвигаюсь, подпрыгивая на одной ноге, и нет ничего проще на свете. Тебе же приходится передвигать десять тысяч ног, как же ты с ними управляешься?

— А чему тут удивляться? — ответила Сороконожка. — Разве не видел ты плюющего человека? Когда он плюет, у него изо рта вылетают разные капли, большие, как жемчуг, или совсем маленькие, словно капельки тумана. Вперемешку падают они на землю, и сосчитать их невозможно. Мною же движет Небесная Пружина во мне, а как я передвигаюсь, мне и самой неведомо.

Сороконожка сказала Змее:

— Я передвигаюсь с помощью множества ног, но не могу двигаться так же быстро, как ты, хотя у тебя ног вовсе нет. Почему так?

— Мною движет Небесная Пружина во мне, — ответила Змея. — Как могу я это изменить? Для чего же мне ноги?

Змея говорила Ветру:

— Я передвигаюсь, сгибая и распрямляя позвоночник, ибо у меня есть тело. Ты же с воем поднимаешься в Северном Океане и, все так же завывая, несешься в Южный Океан, хотя тела у тебя нет. Как это у тебя получается?

— Да, я с воем поднимаюсь в Северном Океане и лечу в Южный Океан. Но если кто-нибудь тронет меня пальцем, то одолеет меня, а станет топтать ногами — и сомнет меня. Пусть так — но ведь только я могу ломать могучие деревья и разрушать огромные дома. Вот так я превращаю множество маленьких не-побед в одну большую победу. Только истинный мудрец способен быть великим победителем!

МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬСЯ УПРАВЛЯТЬ ЛОДКОЙ

Янь Хой сказал Конфуцию:

— Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик управлял лодкой, словно всемогущий Бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?»

— Можно, — ответил он. — Это легко может сделать хороший пловец, а если он к тому же ныряльщик, то может научиться управлять лодкой, даже в глаза ее не видя.

Я спросил его еще, но он не захотел говорить со мной. Позвольте спросить, что это значит?

— Когда перевозчик сказал, что его искусству легко может научиться хороший пловец, он имел в виду, что такой пловец забывает про воду, — ответил Конфуций. — А когда он сказал, что ныряльщик может научиться его искусству, даже не видя лодки, он говорил о том, что для такого человека водная пучина — все равно что суша и перевернуться в лодке — все равно что упасть с повозки. Пусть перед ним опрокидывается и перевертывается все, что угод-

но, — это не поколеблет его спокойствия. Что бы с ним не случилось, он будет безмятежен!

В игре, где ставят на черепицу, ты будешь ловок. В игре, где ставят на золото, ты потеряешь голову. Искусство во всех случаях будет одним и тем же, а вот внимание твое перейдет на внешние вещи. Тот, кто внимателен ко внешнему, неискусен во внутреннем.

Не иметь помех

Плотник Чуй чертил от руки точнее, чем с помощью циркуля и угольника, его пальцы следовали превращениям вещей и не зависели от его мыслей и желаний. Поэтому его сознание всегда было цельным и не знало никаких преград. Мы забываем о

ноге, когда сандалии нам впору. Мы забываем о пояснице, когда пояс халата не жмет. Мы забываем о «правильном» и «неправильном», когда наш ум нам не мешает. И мы не меняемся внутри и не увлекаемся внешними вещами, когда нам не мешают наши дела. Не иметь помех с самого начала и никогда не иметь их потом — значит не создавать себе помех даже забвением помех.

Древо Небес

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы:

— У меня во дворе есть большое дерево, люди зовут его Древом Небес. Его ствол такой кривой, что к нему не приставишь отвес. Его ветви так извилисты, что к ним не прила-

дишь угольник. Поставь его у дороги — и ни один плотник даже не взглянет на него. Так и слова ваши: велики они, да нет от них проку, оттого люди не прислушиваются к ним.

Чжуан-цзы сказал:

— Не доводилось ли вам видеть, как выслеживает добычу дикая кошка? Она ползет, готовая каждый миг броситься направо и налево, вверх и вниз, но вдруг попадает в ловушку и гибнет в силках. А вот як — огромен, как заволакивающая небо туча, но при своих размерах не может поймать даже мышь. Вы говорите, что от вашего дерева пользы нет. Ну так посадите его в Деревне, которой нет нигде, водрузите его в пустыне Беспредельного и гуляйте, не думая о делах, отдыхайте под ним, предаваясь приятным мечтаниям. Там его не срубят топор, и ничто не причинит ему урона. Когда не находят пользы, откуда взяться заботам?

Настоящее забвение

Урод Безгубый со скрюченными ногами служил советником при вэйском правителе Лин-гуне. Государю так нравился этот советник, что, когда он смотрел на обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинные ноги.

Горбун с огромной шишкой на шее служил советником при Хуань-гуне, правителе царства Ци. Хуань-гуну так нравился его советник, что, когда он видел перед собой обыкновенных людей, ему казалось, что у них слишком длинная шея.

Насколько в людях проступает полнота свойств, настолько же забывается их телесный облик. Когда люди не забывают то, что обычно забывается, и забывают то, что обычно не забывается, это называется настоящим забвением. Вот почему, где бы ни пребывал мудрец, для него знание — это беда, обещание — клей, добродетель — как раздача милостыни, ремесло — как рыночный торг. Коль скоро мудрый не строит планов, зачем ему знание? Коль скоро он не делает заметок, зачем ему склеивать расписки? Коль скоро он ничего не лишается, зачем ему требовать уплаты долга? Коль скоро он ничего не продает, зачем ему доходы?

Источник несчастий

Когда Иляо из Шинаня повстречался с правителем Лу, тот выглядел очень утомленным.

— Отчего у вас такой утомленный вид? — спросил Шинаньский учитель.

— Я изучил путь прежних царей и готовился продолжать дело моих предков, — ответил правитель Лу. — Я чту духов и оказываю уважение достойным мужам. Я все делаю сам и не имею ни мгновения отдыха, однако так и не могу избавиться от забот. Вот почему я выгляжу таким утомленным.

— Ваш способ избавления от забот, мой господин, никуда не годится, — сказал Шинаньский учитель. — Лиса с ее пышным мехом и леопард с его пятнистой шкурой скрываются в лесах и горных пещерах, чтобы иметь покой. Они выходят наружу по ночам и отдыхают днем — настолько они осторожны. Даже когда им приходится терпеть голод и жажду, они позволяют себе лишь единожды выйти за добычей или на водопой — настолько они сдержанны. И если даже при их осторожности и сдержанности им порой не удается избежать капкана или сети, то разве это их вина? Их

мех и шкура — вот источник их несчастий. А разве царство Лу не является для вас такой же шкурой? Я бы посоветовал вам, мой господин, содрать с себя шкуру, очистить сердце, прогнать прочь желания и странствовать привольно в Безлюдном Просторе.

За это муравьям такое предношение

Чжуан-цзы лежал на смертном одре, и ученики собирались устроить ему пышные похороны. Чжуан-цзы сказал:

— Небо и Земля будут мне внутренним и внешним гробом, солнце и луна — парой нефритовых дисков,

звезды — жемчужинами, а вся тьма вещей — посмертными подношениями. Разве чего-то не хватает для моих похорон? Что можно к этому добавить?

— Но мы боимся, — ответили ученики, — что вас, учитель, склюют вороны и коршуны. Чжуан-цзы сказал:

— На земле я достанусь воронам и коршунам, под землей пойду на корм муравьям. За что же муравьям такое предношение?

Искусство похищения

В царстве Ци жил Богач из рода Владеющих, а в царстве Сун — Бедняк из рода Откликающихся. Бедняк пришел из Сун в Ци выпросить секрет богатства. Богач сказал:

— Я овладел искусством похищения. С тех пор

как начал похищать, за первый год сумел прокормиться, за второй год добился достатка, за третий год — полного изобилия. И с тех пор раздаю милости в селениях области.

Бедняк очень обрадовался, но понял он лишь слово «похищение», а не способ кражи. И тут он принялся перелезать через ограды, взламывать ворота и тащить все, что попадалось под руку, что бросалось в глаза. В скором времени, осудив его в рабство за кражу, конфисковали то имущество, что было у него прежде.

Подумав, что Богач его обманул, Бедняк отправился его упрекать.

— Как же ты грабил? — спросил Богач из рода Владеющих.

И Бедняк из рода Откликающихся рассказал, как было дело.

— Ох! — воскликнул Богач. — Как ошибся ты в способе воровства! Но теперь я тебе о нем поведаю.

Я узнал, что небо дает времена года, а земля — прирост. Я и стал грабить у неба погоду, а у земли — прирост; влагу у туч и дождя, недра у гор и равнин, чтобы посеять для себя семена, вырастить себе зерно, возвести себе ограду и построить себе дом. У суши я отбирал диких зверей и птиц, из воды крал рыб и черепах. Разве это мне принадлежало? Все это было мною награблено. Ведь семена и зерна, земля и деревья, звери и птицы, рыбы и черепахи порождены природой. Я грабил природу и остался невредим. Но разве природой дарованы золото и нефрит, жемчуг и драгоценности, хлеб и шелк, имущество и товары? Они собраны человеком! Как же упрекать осудивших тебя, если ты украл?

Решив в смятении, что Богач снова его обманул, Бедняк отправился к Пржеджерожденному из Восточного Предместья и спросил у него совета.

Пржеджерожденный из Восточного Предместья ответил:

— Разве не похищено уже само твое тело? Ведь, чтобы создать тебе жизнь и тело, обокрали соединение сил жара и холода. Тем более не обойтись без похищения внешних вещей! Небо, земля и тьма вещей воистину неотделимы друг от друга. Тот, кто думает, что ими владеет, — заблуждается. Грабеж рода Владеющих — это общий путь, поэтому Богач и остался невредим; твой грабеж — это личное желание, поэтому ты и навлек на себя кару. Захват общего и частного такой же грабеж, как и утрата общего и частного.

Общее в общем и частное в частном — таково свойство природы неба и земли. Разве познавший свойства природы сочтет кого-то вором, а кого-то не вором?

Равновесие

Равновесие — высший закон Поднебесной — относится к вещам, обладающим формой. Когда к волосу подвешены вещи, равные по весу, и волос рвется, значит, равновесия нет. При равновесии и разрывающие силы не разорвут.

Люди считают это неверным, но, конечно, есть и понимающие, что это верно.

Чжань Хэ, удививший рыбу с леской из одной шелковой нити кокона, с крючком из ости колоса, с удочкой из цзиньского бамбука, с приманкой из разрезанного зерна, вытащил рыбу величиной с целую повозку. Даже в пучине сто жэнь глубиной, в стремительном потоке леска не рвалась, крючок не выпрямлялся, удочка не сгибалась.

Услышал об этом чуский царь, удивился, призвал его к себе и спросил, какая тому причина.

— Я, ваш слуга, слышал от Пржеджерожденного старшего мужа рассказ о том, как Пу Цзюйцзы стрелял при-

вязной стрелой. Лук был слабый, привязная стрела — тонкая. Он пускал ее при попутном ветре, сразу в пару черных журавлей на краю темной тучи. Предавался этому всем сердцем, равномерно действовал руками. Я, ваш слуга, подражая ему, учился удить рыбу. За пять лет постиг его искусство. Когда я, ваш слуга, с удочкой приближаюсь к реке, в сердце нет никаких забот, оно полно только одной мыслью — о рыбе. Закидываю леску, погружаю крючок, в руке же нет веса ни легкого, ни тяжелого, ничто не способно меня отвлечь. Рыба смотрит на приманку, как на затонувшую пылинку, на пену и глотает ее без колебаний. Вот так я способен тяжелое одолеть легким, силу — слабостью. Если бы так же мог править царством великий государь, то Поднебесную поистине можно было бы привести в движение одной рукой. Разве это было бы трудным делом?

— Прекрасно! — сказал чуский царь.

Различия

Обитатель Северного дома спросил Живущего у Западных ворот:

— Не думаешь ли ты, что превосходишь меня в добродетели? Ведь мы с тобой одного поколения, а люди помогают тебе; одного рода, а люди уважают

тебя; одинаковой внешности, а люди любят тебя; говорим те же речи, а люди слушают тебя; поступаем одинаково, а люди доверяют тебе; служим одинаково, а люди возвышают тебя; одинаково занимаемся земледелием, а люди обогащают тебя; вместе торгуем, а выгода достается тебе. Я ношу грубую куртку, ем необрушенное просо, живу в хижине, крытой полыньей, хожу пешком. Ты же носишь узорчатую парчу, ешь чистое просо и мясо, живешь в доме под многими стропилами, едешь в запряженном четверкой экипаже. В своем доме на пиру пренебрегаешь мною; при царском дворе открыто бросаешь на меня надменный взгляд. Уже много лет, как мы друг друга не приглашаем и на прогулки вместе не выезжаем.

— Я и сам не знаю, в чем дело, — ответил Живущий у Западных ворот. — Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу; что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не

говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И с твоей стороны равнять себя со мной — это бесстыдство!

Обитателю Северного дома нечего было ответить, и он пошел к себе, как потерянный. По дороге встретился с Пржеджерожденным из Восточного Предместья, и Пржеджерожденный его спросил:

— Куда ты ходил и откуда возвращаешься? Почему идешь, согнувшись, и выглядишь таким пристыженным?

Обитатель Северного дома обо всем ему поведал.

— Пойдем со мной к нему снова, и я избавлю тебя от стыда.

— Скажи мне, зачем ты так жестоко оскорбил Обитателя Северного дома? — спросил Пржеджерожденный Живущего у Западных ворот.

— Обитатель Северного дома сказал, что одинаков со мной поколением и родом, возрастом и внешностью, речами и поступками, но отличается от меня, знатного и богатого, низким положением и бедностью. Я сказал ему, что сам не знаю, в чем дело. Что бы ты ни предпринял, терпишь неудачу, что бы я ни предпринял, добиваюсь успеха. Не говорит ли это о счастливой и несчастливой судьбе? И с его стороны равнять себя со мной — это бесстыдство!

— Когда ты толкуешь о различии в судьбе, то думаешь лишь о различии в таланте и добродетели. Я же говорю о различии в другом отношении. Ведь Обитатель Северного дома одарен добродетелью, но обделен судьбой; ты же одарен судьбой, но обделен добродетелью. Твои удачи добыты не умом, неудачи Обитателя Северного дома — это

не ошибки глупости. Все это зависит от природы, а не от человека. Твоя же гордость тем, что ты щедро одарен судьбой, как и стыд Обитателя Северного дома оттого, что он щедро одарен добродетелью, означает, что оба вы не знаете естественного закона.

— Остановись, Пржеджерожденный! — воскликнул Живущий у Западных ворот. — Я больше не осмелюсь так говорить!

Вернувшись домой, Обитатель Северного дома стал носить свою грубую куртку, словно она такая же теплая, как мех лисицы или енота; есть бобы, будто у них вкус чистого зерна; располагаться в своей хижине, крытой польню, словно под сенью большого дома; ездить в своей плетеной повозке, точно на украшенной резьбой колеснице. И до конца дней своих оставался удовлетворенным, не ведая, кого прославляют, а кого позорят.

Услышав об этом, Пржеджерожденный из Восточного Предместья сказал:

— Обитатель Северного дома долго спал, но при первом же слове сумел очнуться и излечиться от скорби.

Как заботиться о жизни

Янь Пинчжун спросил у Гуань Чжуна о том, как заботиться о своей жизни. Гуань Чжун ответил: — Не мешать себе, не останавливать себя. Жить свободно, и только.

— А подробнее?

— Позволить ушам слушать то, что хочется;

позволить глазам смотреть на то, на что хочется; позволить носу обонять то, что хочется; позволить устам говорить то, что хочется; позволить телу покоиться так, как хочется; позволить сердцу мыслить так, как хочется. Ведь ушам хочется слушать музыку, и мешать им — означает притуплять слух; глазам хочется смотреть на красоту и краски, и мешать им — означает притуплять зрение; носу хочется вдыхать аромат перца и орхидеи, и мешать ему — означает притуплять обоняние; устам хочется говорить об истинном и ложном, и мешать им — означает притуплять ум; телу хочется найти покой в прекрасном и приятном, и мешать ему — значит лишать его хорошего самочувствия; мысли хочется свободы, и мешать ей — значит не давать ей идти вперед. Все эти препятствия — жестокие деспоты. Устранишь этих жестоких деспотов — и проживешь радостно

вплоть до смерти — и день, и луну, и год, и десять лет. Это я и называю заботиться о своей жизни. Свяжешь себя этими жестокими деспотами, станешь неотступно обуздывать себя и жить в скорби и заботах во имя долголетия, так проживи пусть даже сто лет, тысячу лет, тьму лет, — это не то, что я называю заботиться о своей жизни. Я объяснил тебе, как заботиться о жизни, — заключил Гуань Чжун, — а ты скажи, как провожать мертвых?

— Что же объяснять? Похоронным обрядом я пренебрегаю.

— Я хотел бы тебя выслушать.

— Когда умру, разве обряд от меня зависит? Тело можно сжечь, можно утопить, можно зарыть, можно оставить под открытым небом, можно укрыть хворостом и бросить в канаву, можно облачить в расшитые шелковые одежды и поместить в каменный саркофаг. Как случится.

— Мы оба до конца познали учение о жизни и смерти, — сказал Гуань Чжун, обернувшись к Баошу и Хуанцзы.

Порядок в царстве Чжэн

Цзычань стал помогать управлять царством Чжэн, и за три года его единовластного управления добрые покорились его реформам, недобрые устрашились его запретов. Наступил порядок в царстве Чжэн, и все правители стали его опасаться.

У Цзычаня был старший брат по имени Гунсунь Зореван и младший брат по имени Гунсунь Полуночник. Зореван любил вино, а Полуночник — женщин.

В доме Зоревана вина готовили до тысячи котлов, закваски — целые горы, дух от барды бил в нос за сотни шагов от ворот. Предаваясь пьянству, он не ведал, царит ли мир или угрожает беда; не ведал ни сожаления о порядках среди людей, ни недовольства ими, не тревожился ни о доходах и расходах в собственном доме; ни о сближении или отчуждении между всеми девятью коленами своего рода; не ощущал ни радости жизни, ни печали смерти; не знал даже, когда рядом с ним случались наводнение, пожар или сражение.

У Полуночника же на женской половине тянулись рядами десятки покоев для избранниц, самых юных пре-

лестниц. Когда он увлекался красавицей, то прятался от родных, порывал с друзьями и скрывался в женских покоях, добавляя к ночам и дни. Он был недоволен, даже если покидал их раз в три месяца. Когда в общине подрастала миловидная девушка, он добивался ее непременно — либо заманивая подарками, либо увозя с помощью свахи.

Печалась за братьев денно и нощно, Цзычань тайно отправился к Дэн Си посоветоваться.

— Я, Цяо, слышал, что умение управлять самим собой влияет на семью, что умение управлять семьей влияет на царство, — сказал Цзычань. — Это изречение начинается с близких и кончается далекими. Я же, Цяо, царство привел в порядок, а в семье у меня беспорядки. Это противоречит учению. Как спасти братьев? Не поможешь ли ты?

— Я давно уже удивлялся тебе, — ответил Дэн Си. — Но не смел заговорить первым. Почему ты не упрямишься с братьями немедленно? Не расскажешь им притчу о важности жизни, не призовешь их к почитанию обрядов и долга?

Как только нашелся досуг, Цзычань навестил своих братьев и, воспользовавшись советом Дэн Си, сказал им:

— Именно благодаря разуму человек ценнее птиц и зверей. Разумом же управляют обряды и долг. Тот, кто безупречен в обрядах и долге, добивается славы и постов. Возбуждать же свои чувства и искать наслаждений в пороке и разврате — опасно для жизни. Внемлите моим, Цяо, словам, с утра раскайтесь, а уже вечером станете кормиться жалованьем.

— Неужели мы ждали, пока ты об этом заговоришь? Мы давно уже поняли и давно сделали свой выбор, — ответили Зореван и Полуночник. — Жизнь — такая редкая удача, а смерть так легко достижима. Кто же это придумал — проводить с таким трудом доставшуюся жизнь в ожидании столь легко приходящей смерти? Стремиться починать обычаи и долг ради хвастовства? Насиловать свои чувства и природу, чтобы заманить славу? Это для нас хуже смерти! Желая исчерпать до дна все наслаждения своей единственной жизни, испытать все радости этих лет, тревожимся лишь о том, чтобы переполненный желудок не помешал вволю пить; чтобы утрата силы не помешала предаваться вволю плотским удовольствиям. Не печалит нас ни дурная слава, ни опасность для жизни.

Но как жалок, как презрен ты, который превзошел всех в умении управлять царством! Вознамерился смутить наши мысли поучительной речью? Завлечь наши сердца славой и жалованьем? Мы также хотим с тобой поспорить!

Ведь тот, кто умеет управлять внешним миром, вряд ли наведет порядок среди людей, сам же он обречен на муки. Вряд ли из-за того, кто умеет управлять своим внутренним миром, наступит смута, жизнь же его будет беззаботной. Законы, с помощью которых ты управляешь внешним миром, отвечая или не отвечая желаниям людей, могут на время распространиться в одном царстве. Если бы наш способ управлять внутренним миром распространился на всю Поднебесную, то учению о государе и слугах пришел бы конец. Мы давно хотели объяснить тебе этот способ, а ты, напротив, вдруг стал учить нас своему.

Цзычань встревожился и ничего не сумел им ответить, а на другой день обо всем рассказал Дэн Си.

— Кто назвал тебя умным? — спросил Дэн Си. — Ты даже не знаешь о том, что живешь рядом с настоящими людьми. Порядок в царстве Чжэн — дело случая, а не твоя заслуга.

Сходство вещей

СХОДСТВО ВЕЩЕЙ

Беззубый спросил у Наставника Юных:

— Знаете ли вы, в чем одинаковы все вещи?

— Как я могу это знать? — ответил Наставник Юных.

— Знаете ли, чего вы не знаете?

— Как я могу это знать?

— Тогда ни у кого нет знаний?

— Как я могу это знать? Хотя попытаюсь кое-что сказать. Как постичь, не является ли незнанием то, что я называю знанием? Как постичь, не является ли знанием то, что я называю незнанием?

Попытаюсь тебя спросить: чьи знания о жилье истинны? Угря или человека, который станет спать в сыром месте и у него заболит поясница, отнимется половина тела?

Обезьяны или человека, который на дереве дрожит от страха? Чьи знания о пище истинны? Человека, который питается мясом травоядных и хлебоядных животных? Оленя, который ест траву? Сороконожки, которая лакомится змеей? Совы и вороны, которые предпочитают мышей? Чьи знания о красоте в Поднебесной истинны? Обезьяны-самца, который ищет себе обезьяну-самку; оленя, спаривающегося с оленихой; рыбы, плавающей с рыбой? Ведь Мао Цян и Цзи из Ли красавицами считает лишь человек, а рыба, завидя их, уходит в глубину, птица — улетает ввысь, олень — убегает без оглядки. По моим наблюдениям понятия об истинном и неистинном, о справедливости и милосердии слишком перепутались. Как мне узнать различие между ними?

— Если вы не знаете, в чем различие между полезным и вредным, то знает ли его настоящий человек? — спросил Беззубый Наставника Юных.

— Настоящий человек прозорлив, — ответил Наставник Юных. — Что для него полезное и вредное? Ведь ему не жарко, даже когда горят большие болота; не холодно, даже когда замерзают Река и Хань; не страшно, когда удары грома раскалывают горы, а буря вздымает морские валы. Управляя облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, такой человек странствует за пределами четырех морей. Ни жизнь, ни смерть, он не считает для себя переменой.

Спор с Высоким Платаном

Зоркий Взгляд спросил у Высокого Платана: — Что вы думаете о том, что я слышал от учителя? Я узнал, что мудрый не посвящает себя делам управления, не ищет выгоды, не избегает вреда. Он ничего не домогается, не

привержен к пути. Он молчит, когда говорят, и говорит, когда молчат. Он странствует за пределами мирской пыли. В этом я увидел проявление сокровенного пути, а учитель увидел в этом безрассудные слова.

— Услышав подобное, усомнился бы даже Желтый Предок, разве мог это понять Конфуций? Да и вы судите слишком быстро, — ответил Высокий Платан. — Завидя яйцо, уже ждете в полночь петушиного крика; завидя самострел, уже ищите жареного голубя. Я вам скажу бездумно, а вы также бездумно воспримете, будто кто-то рядом с солнцем и луной держит в руках вселенную. Сомкнув уста, мудрый не обращает внимания на хаос, почитает равно и раба и сановника. Дюжинные хлопочут, суетятся, а мудрый прост, как нежный росток. Мудрый соединяет вместе тьму

лет, и единство образуется в своей чистоте. То же и со всей тьмой вещей, и в таком единстве они собираются. Как мне знать, не заблуждение ли любовь к жизни? Как мне знать, не подобен ли страх смерти чувству человека, утратившего в детстве отчий дом и не знающего радости возвращения?

Вот Цзи из Ли, дочь стража границы в Аи. Как только ее захватили цзиньцы, она так рыдала, что от слез промокло платье. Но она раскаялась в том, что плакала, когда предстала перед царем, разделила с ним ложе, стала питаться мясом травоядных и хлебоядных. Как мне знать, не раскаивается ли мертвый в том, что цеплялся за жизнь? Тот, кто видел во сне, что пьет вино, наяву плачет: тот, кто во сне плакал, наяву едет на охоту. Когда спят, не сознают, что это сон; во сне даже отгадывают сны и, только пробудившись, понимают, что то был сон. Но бывает великое пробуждение, после которого сознают, что то был глубокий сон. А глупцы считают, что они бодрствуют и, вникая во все, познают, кто царь, а кто пастух. Как они невежественны! Вы оба, и Конфуций и ты, видите сны. Я, говорящий, что ты спишь, также сплю. Такие слова называют невероятными, но если пройдет тьма поколений и найдется великий мудрец, который сумеет дать им объяснение, то покажется, что до встречи с ним прошли сутки.

Предположим, что мы с тобой вступили в спор. Если ты переспорил меня, а не я тебя, значит ли это, что ты действительно прав, а я неправ? Если я переспорил тебя, а не ты меня, значит ли это, что я действительно прав, а ты неправ? Действительно ли один из нас прав, а другой неправ?

Оба мы правы или неправы? Если мы с тобой не можем понять друг друга, то и другие останутся во мраке неведения. Кого же мне послать их вразумить? Если пошлю согласного с тобой, то разве согласный с тобой сумеет их вразумить? Если пошлю согласного со мной, то разве согласный со мною сумеет их вразумить? Если пошлю несогласного ни с тобою, ни со мною, то разве несогласный ни с тобою, ни со мною сумеет их вразумить? Если пошлю согласного и с тобой, и со мной, то разве согласный и с тобой, и со мной сумеет их вразумить? Но в таком случае ни ты, ни я, ни другие не сможем понять друг друга. Кого же еще нам ждать?

Соответствуют ли изменения названий изменениям вещей, или не соответствуют, объединим их в пределах природы и, предоставив им развиваться, доживем свой срок. Что означает «объединим их в пределах природы»? Означает приведем к гармонии истинное и неистинное, правду и ложь. Если истинное действительно истинно, то нечего спорить о том, насколько истинное отличается от неистинного. Если правда действительно правда, то также нечего спорить о том, насколько правда отличается от лжи. Забудем о времени, забудем о суждениях, найдем радость в бесконечном и поселимся в бесконечном!

Наставления послам

Н
А
С
Т
А
В
Л
Е
Н
И
Я
П
О
С
Л
А
М

Янь Юань явился к Конфуцию и попросил разрешения уйти.

— Куда? — спросил Конфуций.

— В Вэй, — ответил Янь Юань.

— Зачем?

— Я, Хой, слышал, что вэйский царь, находясь в расцвете сил, вершит дела самовластно, бездумно расходует силу страны и не видит собственных ошибок. Он легко посылает людей на смерть, убитых в царстве — точно хвоста на болоте, народу не к кому обратиться. Ведь я, Хой, слышал от вас, учитель: «покинь то царство, где порядок, иди в то царство, где смута». Ведь больные стекаются к воротам лекаря. Мое желание — с помощью услышанного от вас, учитель, придумать для них какой-то выход. Может быть и удастся излечить это царство.

— Ах! — воскликнул Конфуций. — Боюсь, что там тебя казнят. Ведь учение не допускает объединения разнородного. Разнородное ведет ко множеству, множество — к беспорядку, беспорядок — к скорби, а от скорби нет спасения. Совершенный человек древности берег учение сначала в самом себе, а затем в других. Пока сберегаемое еще не утвердилось в тебе самом, разве можно идти действо-

вать к деспоту? А понимаешь ли ты, отчего расточается добродетель, откуда появляются знания? Добродетель расточается из-за славы, знания появляются из-за соперничества. Ради славы друг друга вытесняют; знание же — орудие соперничества. Это — зло, и прибегать к этому нельзя. Даже обладая великой добродетелью и твердой верностью, ты еще не умеешь распознать характер человека; даже не споря из-за славы, ты еще не умеешь распознать намерения человека. Если станешь настойчиво выступать перед деспотом с прямой, точно линия отвеса, речью о милосердии и справедливости, то твои достоинства возненавидят и тебя назовут недобрым человеком. На недоброго человека люди и обрушивают беду. Боюсь, что тебя загубят.

Если же царь Вэй притворится, что любит добродетельных и ненавидит порочных, то как его излечить? Тебе останется лишь молчать, и государь воспользуется своим преимуществом, чтобы одержать победу в споре. Слепит твои глаза и покорит твое лицо. Станешь подделываться к нему в речах, приспосабливаться к нему в поведении, утверждаться в его мыслях? Ведь это то же, что спасать огнем от пожара, водой — от наводнения, значит, лишь увеличивать беду. Стоит лишь начать с уступок и не будет конца.

Боюсь, что с искренним советом обратишься к тому, кто тебе не поверит, и примешь смерть от руки деспота. Так в старину Разрывающий на Части казнил Гуаня Встреченного Драконом, а Бесчеловечный — царевича Щита. Встреченный Драконом и Щит совершенствовались, любили и жалели народ, ради низших противились высшим.

За это правители их и погубили, ведь они пали жертвой доброго имени. Разве ты не слышал о том, как в старину Высочайший ходил походом на племена Ветви Терновника и Сюйао, а Молодой Дракон — на Владеющих домами. От селений остались развалины, людей же казнили. Бросая воинов в бой без конца, ненасытно стремясь к грабежу, все они домогались и славы и поживы. Жажда славы и поживы погубила и мудрых, где же справиться тебе! И все же попытайся рассказать мне, что ты задумал.

— Можно ли действовать со всей прямоотой, но скромно; прилагать все усилия, но остаться верным себе?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Ведь царь полон энергии и щедро ее тратит. Настроение у него переменчивое, и обычно ему никто не перечит. Подавляя чувства других, он наслаждается собственным произволом. Одним словом, ему не овладеть и обычной добродетелью, а тем более — высшей. Он не изменится и будет стоять на своем. Даже если внешне согласится, то внутренне не раскается. Нет, так действовать нельзя!

— Тогда внутренне я буду прямым, а внешне — согбенным. Совершенное стану сравнивать с древним. Во внутренней прямооте явлюсь последователем природы. Тот, кто следует за природой, знает, что и Сын Неба и он сам — сыновья природы. Буду говорить свое, не заботясь, одобряют другие или нет. Про такого люди говорят — ребенок. Вот это и называю стать последователем природы. Быть согбенным внешне, значит стать последователем людей. Стоять на коленях, подняв «дошечку для записи», сгибать-

ся в поклонах — таков обряд слуги. Осмелюсь ли я не поступать так, как поступают все! Если делать то, что делают все, не сочтут порочным. Это и называю стать последователем людей. Сравнить совершенное с древним, значит стать последователем древних, хотя в таких словах поучение, по существу же порицание, но идущее от древних, не от меня. Таким образом, я не пострадаю, даже будучи прямым. Это и называю стать последователем древних. Можно ли так действовать?

— Нет, нельзя! — ответил Конфуций. — Слишком много замыслов. Пусть, обладая собственным мерилот, не заискивая, останешься твердым и избежешь осуждения. Все же, оставь это дело. Разве можно таким способом оказать на царя влияние, равносильное его собственному желанию учиться?

— Больше мне нечего предложить. Осмелюсь ли попросить совета? — спросил Янь Юань.

— Разве легко осуществить то желание, которым ты обладаешь? Того, кто считает это легким, не одобрит Высокое Небо, — сказал Конфуций. — Постись, и я тебе поведаю.

— Семья у меня, Хоя, бедная, — заметил Янь Юань, — Уже несколько лун я не пил вина, не ел мяса и скоромных овощей. Можно ли считать, что постился?

— Таково воздержание перед принесением жертв, а не перед размышлением.

— Дозвольте спросить, что такое воздержание перед размышлением?

— Это значит, — ответил Конфуций, — сосредоточить свою волю на одном, слушать не ушами, а сердцем, не сердцем, а душой. Когда перестанешь слышать ушами и откликаться сердцем, душа очистится до пустоты и будет готова воспринимать вещи. Только путь будет стекаться в пустоту. Достижение пустоты и есть воздержание перед размышлением.

— Пока я, Хой, не воспринял этого наставления, существовал только как я, Хой. Лишь начал его применять, меня, Хоя, не стало. Можно ли считать, что я достиг пустоты? — спросил Янь Юань.

— Да, полностью — ответил учитель. — Теперь я тебе поведаю: ты можешь войти в клетку царя и в ней разгуливать, оставаясь равнодушным к царской славе. Станет слушать — пой, не станет — умолкни. Без покровителей и без ненавистников, как бы вынужденно, поселись в том же доме. Это почти то, что нужно. Легко не ходить, но невозможно ходить, не оставляя следов. Действуя, как человек, легко лицемерить; но действуя, как природа, невозможно лицемерить. Ведь все слышаны, что летает тот, кто обладает крыльями; но слыханное ли дело, чтобы летал тот, кто не обладает крыльями. Ведь все слышаны, что мудр тот, кто обладает знаниями; но слыханное ли дело, чтобы был мудр тот, кто не обладает знаниями. Посмотри на то отверстие в двери. Через его пустоту в доме появляется свет. Остановится доброе знамение, остановись и ты. Если же не остановится, то, можно сказать, будешь мчаться, даже сидя на месте. Если слухом и зрением обратишься к внутренне-

му, а разумом и сердцем — к внешнему, то придут к тебе не только люди, но даже души предков и боги. Таково будет влияние на всю тьму вещей. Это служило основой для Молодого Дракона и Ограждающего; того же до конца жизни придерживались Готовящий Жертвенное Мясо и Опирающийся о Стол, тем более это необходимо человеку, не состоящему на службе!

Царский сын Высокий, готовясь ехать Послом в Ци, спросил Конфуция:

— Не посоветуете ли, как мне быть? Царь посылает меня, Чжуляна, с весьма важным поручением. В Ци же, вероятно, примут с большим почетом, но с делом спешить не станут. Я тревожусь. Ведь и простого человека нельзя торопить, не то что царя. Вы говорили мне, Чжу-ляну, что без учения любое дело — и большое и малое — редко удастся благополучно завершить. Если дело не увенчается успехом, меня покарает человек; если же увенчается, меня постигнут силы жара и холода. Избежать беды в том и в другом случае способен лишь добродетельный.

Пищу я ем простую, не изысканную; в жару не ищу прохлады. Но вот сегодня утром я получил приказ, а к вечеру — пил ледяную воду, у меня поднялся жар. Еще не доехал до места, а уже страдаю от лихорадки. Если дела не завершу, покарают и люди. Обе эти беды мне, слуге, не вынести.

— В Поднебесной существуют две великие заповеди, — ответил Конфуций. — Одну дает судьба, другую — долг. Судьбою дана сыну любовь к родителям, от нее не

освободить сердца. Долг велит слуге служить государю. Государь всюду, куда бы ты ни пришел; нигде в Поднебесной от него не укроешься. Таковы эти великие заповеди. Вот почему совершенная сыновняя почтительность в том, чтобы служить родителям и поконить их в любых условиях; а полная преданность государю — в том, чтобы служить ему и поконить его при любых условиях. Служить всеми помыслами, не изменяясь, радость ли перед тобой или горе, и даже в безвыходном положении принимать все спокойно как судьбу — это высшая добродетель.

Бывает, конечно, что слуга или сын вынуждены, выполняя поручение, забыть о самом себе. У него не найдется досуга для наслаждения жизнью или для страха перед смертью. Поэтому-то вы и можете отпавляться.

Дозвольте мне повторить то, что я когда-то слышал. С соседними царствами следует поддерживать взаимную дружбу, основанную на верности в делах; далеким царствам следует высказывать преданность в речах. Речи должен кто-то передавать, а самое трудное на свете — передавать слова радости или гнева одной стороны другой стороне. В радости изливают друг другу слишком много приятных слов, в гневе обрушивают друг на друга слишком много злых слов. Но все чрезмерное безрассудно, безрассудное же не внушает доверия. Подозрения и губят того, кто передает речь. Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «передавай неизменной сущность дела, опускай лишние слова». Соблюдай это правило и, возможно, останешься цел.

Помни, кроме того: искусные борцы начинают мериться силами открыто, а кончают тайным приемом — в напряженный момент прибегают ко многим хитростям; вино пьют согласно церемониям, соблюдая вначале порядок, кончают же беспорядком — большое возбуждение ведет к чрезмерным наслаждениям. И так во всем. Начинают с извинений, а кончают грубостями. Ничтожное вначале становится огромным к концу. В словах — и ветер и волны, в делах — победа или поражение. Ветер и волны вызвать нетрудно, но к опасности легко приводят и победа и поражение. Поэтому без особых оснований и высказываются гневные суждения, полные резких, пристрастных слов. Рычат, не выбирая выражений, словно дикие звери с kloкочущим дыханием в предсмертной агонии. И злоба растет. Когда злоба доходит до высшего предела, с другой стороны в ответ почему-то также непременно появляется негодование. Если никто не сознает, отчего все началось, то кто может знать, чем все кончится?! Поэтому в «Образцовых речах» и говорится: «не отклоняйся от порученного, не настаивай на решении, превысишь меру — доведешь до крайностей». Ибо отклоняться от порученного, настаивать на решении — опасно. Ведь благоприятное решение приходит не скоро, а неблагоприятного уже не исправить. Не следует ли быть осторожным?

Для тебя же лучше всего пользоваться каждой возможностью, чтобы отдохнуть сердцем и, веряясь неизбежному, укреплять свои чувства. Как добиться ответа от Ци? Самое лучшее — ввериться судьбе, но это и самое трудное.

Предостережение

СДЖКОНДДЖУТД

Янь Врата Бытия, готовясь занять пост наставника наследника вэйского царя Чудотворного, спросил у Цюй Боюя: — Как мне поступить в данном случае? У здешнего царя природная склонность к убийствам. Если его не удерживать, опасность будет гро-

зить всему нашему царству; если же его удерживать, опасность будет грозить мне. Знаний у него хватает, чтобы понять чужие ошибки; но не хватает, чтобы понять собственные.

— Какой замечательный вопрос! — воскликнул Цюй Боюй. — Остерегайся его! Будь с ним осторожен! Будь точен в своем поведении! Лучше всего внешне с ним сближаться, а в сердце хранить гармонию. Однако и в том и в другом — опасность. Сближение не должно стать глубоким, а внутренняя гармония не должна стать явной. Если сблизишься глубоко, упадешь и погибнешь; если внутренняя гармония будет явной, составит доброе имя и славу, то она же обернется бедой, злом. Станет он вести себя, как ребенок, и ты ве́ди себя с ним, как ребенок; не станет соблюдать ранга, и ты с ним не соблюдай ранга; будет переходить все грани-

цы, и ты с ним переходи все границы. Достигнешь этого, сможешь с ним тесно сблизиться и освободить его от ошибок.

Видел ли ты, как кузнецик богомол в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке? Не сознавая, что ему ее не одолеть, он переоценивает свои силы. Остерегайся! Будь осторожен! Если, кичась заслугами, станешь их переоценивать, совершишь ту же ошибку.

Знаешь ли ты, как человек кормит тигра? Не решится давать тигру живого зверя, ибо убивая его, тигр придет в ярость; не решится дать целую тушу, ибо разрывая ее, тигр придет в ярость. Своевременно кормит голодного, постигая, что приводит его в ярость. Тигр и человек принадлежат к различным видам. Человек потакает тигру, и тигр к нему ластится; перечит — и тигр его убивает.

Вот тот, кто холил лошадей, уносил навоз в корзинах, а мочу — в кувшинах. Но вот налетели комары и оводы, он внезапно хлопнул коня — а тот, порвав удила, проломил ему голову и разбил грудь. Разве не нужна осторожность? Чрезмерная забота и любовь могут привести к гибели.

Вопрос гести

ДВЕНЬ

Наставник Счастли-
вый, которому отру-
били ногу в наказание за
преступление, учился вме-
сте с чжэнским Цзычанем
у Темнеющего Ока.

Однажды Цзычань
сказал Счастливому:

— Когда я выхожу
первым, ты задерживайся; когда же ты выходишь первым,
я буду задерживаться.

На другой день они снова сидели на той же циновке в
том же зале, и Цзычань повторил:

— Когда я выхожу первым, ты задерживайся; когда
же ты выходишь первым, я буду задерживаться. Сейчас я
пойду, удержишься ли ты? Кроме того, не считаешь ли
себя равным мне, облеченному властью? Видишь меня, об-
леченного властью, а дороги не уступаешь!

— Поистине ли облеченный властью остается им и в
доме учителя? — спросил Счастливый. — Ты любишь
собою, облеченным властью, и хочешь, чтобы все оставались
позади. А я слышал, что к чистому зеркалу не пристанет ни
пыль, ни грязь; если же пристает, значит зеркало нечистое.
Тот, кто долго прожил вместе с человеком достойным, не

совершает ошибок. Ты же выбрал великого, Пржеджеро-
жденного, а сказал такое. Не ошибаешься ли?

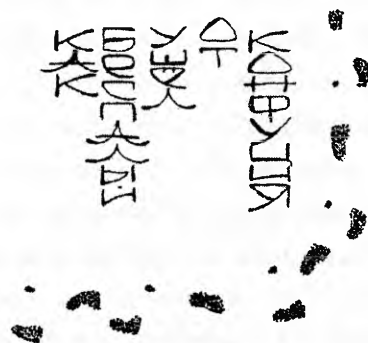
— Такой, как ты, а еще споришь о добродетели с Вы-
сочайшим? — возразил Цзычань. — Подсчитай-ка свои
достоинства! Не хватит ли тебе, чтобы раскаяться?

— Многие рассказывают о себе так, будто лишились
ноги незаслуженно; редко кто признается, что лишился ноги
заслуженно. Лишь достойные способны понять неизбежное
и спокойно покориться своей судьбе. А если кто-либо бро-
дит перед натянутым луком Охотника в центре мишени и в
него стрела не попадет, это также судьба! Многие, сохра-
нившие обе ноги, смеялись надо мной, одноногим, и меня
охватывал гнев. Только попав к Пржеджерожденному, я ос-
вободился от позора и вернулся к обычному состоянию.
Пржеджерожденный незаметно очистил меня добротой. Уже
девятнадцать лет странствую с учителем, не сознавая, что я
— подвергшийся наказанию. Ныне мы с тобой изучаем
внутреннюю жизнь, а ты выискиваешь что-то в моем внеш-
нем. Не ошибаешься ли ты?

Цзычань от волнения изменился в лице и сказал:

— Тебе не придется больше так говорить.

Как Беспалый ушел от Конфуция

В Лу жил изувеченный в наказание за преступление по прозвищу Беспалый с Дяди-горы. Ступая на пятках, он пришел повидаться с Конфуцием, но тот сказал:

— Раньше ты был неосторожен и навлек на себя такую беду. Зачем же теперь ко мне пришел?

— Ведь я всего-навсего не разбирался в делах, вот и лишился пальцев на ногах — отнесся легкомысленно к собственному телу, — ответил Беспалый. — Ныне же я принес вам, учитель, нечто более ценное, чем ноги, что стараюсь сохранить в целости. На вас, учитель, я смотрел, как на небо и на землю. Ведь небо все покрывает, а земля все поддерживает. Разве ждал от вас, учитель, такого приема?

— Я, Цю, был невежлив, — извинился Конфуций. — Дозвольте рассказать вам, чему я научился. Почему же вы не входите?

Но Беспалый ушел.

— Старайтесь, ученики, — сказал Конфуций. — Если даже Беспалый, изувеченный в наказание, еще стремится к

учению, чтобы возместить содеянное в прошлом зло, тем более должен стремиться тот, чья добродетель в целости.

Беспалый же поведал обо всем Лаоцзы:

— Конфуций еще не сумел стать настоящим человеком. Почему он без конца тебе подражает? Он стремится прославиться как человек удивительный и чудесный. Ему неведомо, что для настоящего человека это лишь путы, связывающие по рукам и по ногам.

— Нельзя ли освободить его от этих пут? — спросил Лаоцзы. — Почему бы не показать ему прямо единство жизни и смерти, возможного и невозможного?

— Как его освободишь? Ведь это кара, наложенная на него природой.

Путь одинокой

Подсолнечник из Южного предместья спросил у Женщины Одинокой:

— Почему у тебя в такой старости цвет лица, словно у ребенка?

— Я слушаю о пути, — ответила Одинокая.

— Могу ли изучить путь?

— Нет, не можешь! Ты не такой человек. Вот Бу-Опора Балки. У него способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого. Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня он сумел бы познать отчужденность от Поднебесной. После того как он познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней он сумел бы познать отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней он сумел бы познать отчужденность от жизни. Познав же отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить туда, где нет ни жизни, ни смерти. Ведь то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается. Это то, что каждую вещь сопровождает, встречает, разрушает, создает. Имя этому — покой в столкновениях. Покой в столкновениях означает, что создание происходит лишь после столкновения.

— От кого ты об этом слышала? — спросил Подсолнечник из Южного Предместья.

— Я слышала от сына Гадателя на Черепашьем Панцире, а сын Гадателя слышал от внука Повторяющего, а внук Повторяющего слышал от Ясного Взора, а Ясный Взор

слышал от Шепчущего на Ухо, а Шепчущий на Ухо слышал от Неотложного Труда, а Неотложный Труд слышал от Поющего, а Поющий слышал от Изначального Эфира, а Изначальный Эфир слышал от Пустоты, а Пустота слышала от Безначального.

Неверие Нестесняющего

ТЫ-НИКТО-НЕ-СТЕСНЯЮЩИЙ

Сын Ласточки встретился с Никого не Стесняющим, и тот его спросил:

— Что посоветовал тебе Высочайший?

— Высочайший сказал, что мне следует, склонясь, подчиниться милосер-

дию и справедливости и тогда я стану верно судить об истинном и ложном, — ответил Сын Ласточки.

— И зачем только ты пришел ко мне? — задал ему вопрос Никого Не Стесняющий. — Если Высочайший наложил на тебя клеймо своего милосердия и справедливости, отрезал тебе нос своим суждением об истинном и ложном, разве сумеешь ты странствовать в области безграничного наслаждения, необузданной свободы и бесконечного развития?

— И несмотря на это, я хочу вступить за ее ограду, — ответил Сын Ласточки.

— Это невозможно! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Незрячему незачем толковать о красоте глаз, бровей, лица; слепому не познать ни темное и желтое, ни красоты орнамента расшитых царских одежд.

— Но, — возразил Сын Ласточки, — ведь Пренебрегшая Украшениями утратила свою красоту, Схвативший Балку утратил свою силу, а Желтый Предок забыл о своих знаниях, — все они попали под молот на наковальне. Как знать, быть может, то, что творит вещи, снимет с меня клеймо, восстановит мне нос, чтобы я снова, целый, смог последовать за вами, Пржеджерожденный?

— Ах! Заранее этого не узнаешь! — воскликнул Никого не Стесняющий. — Я расскажу тебе лишь об основном. О, мой учитель! О, мой учитель! Крошишь всю тьму вещей, но не вершишь справедливости. Вращиваешь тьму поколений, а не милосерден. Ты старше самой отдаленной древности, а не стар. Покрывая и поддерживая и небо и землю, отливаешь и высекаешь тьму форм, а не проявляешь мастерства. Вот в чем я и странствую.

Сердца людей и порязок Поднебесной

Высоченный Боязливый спросил Лао-цзы:

— Если не навести порядок в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лао-цзы. —

Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек унижится, стоит возвысить — человек возгордится. Так он и превращается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — и тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым, словно резец и гранить драгоценный камень. Оно то вспыхнет, словно пламя, то станет холодным как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успевает дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменится благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно пучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное, гордое, его не обуздать. Вот каково человеческое сердце!

В старину Желтый Предок встревожил сердца милосердием и справедливостью. А Высочайший и Ограждаю-

щий, чтобы воспитать всех в Поднебесной, так трудились, что у них стерлись волоски на голених и пушок на бедрах. Они надрывали все свои пять внутренних органов ради милосердия и справедливости, отдавали кровь и дыхание, чтобы установить законы и порядок, и все же не справились. И тогда Высочайший сослал людей с Лошадью на Шишаке на Почитаемую гору, переселил Трех Мяо на гору Трехглавую, изгнал Ведающего Разливами в Обитель мрака. Но и этим не справился с Поднебесной.

Когда же пришло время царей трех династий, Поднебесную объял ужас. Появились презираемые: Разрывающий на Части и разбойник Чжи; появились почитаемые: Цзэн цзы и Хронист Ю, а еще появились конфуцианцы и монеты. И тогда стали подозревать друг друга и в радости и в гневе, обманывать друг друга и умные и глупые, порицать друг друга и добрые и недобрые, высмеивать друг друга и лживые и правдивые, и Поднебесная стала приходить в упадок. В свойствах появились различия, в человеческой природе наступило гниение и разложение. В Поднебесной пристрастились к знаниям, и в поисках знаний весь народ дошел до крайности. И тут пустили в ход топоры и пилы, стали казнить по плотничьим отвесу и правилу, приговаривать с долотом и шилом, ввергли Поднебесную в страшную смуту, и преступления стали тревожить людские сердца. Поэтому-то достойные и скрылись под утесами великих гор, а государи, владевшие тьмой колесниц, дрожали от страха в храмах предков.

Ныне же обезглавленные лежат друг на друге, закованные в шейные и ножные колодки толкаются друг о друга, приговоренные ожидают своей очереди у плахи. А между закованными в наручники и колодки стали появляться конфуцианцы и монеты, расхаживающие на цыпочках, размахивающие руками. О ужас! О позор! О бесстыдство! А нам и неведомо было, что их мудрость, их знания служат наручникам и колодкам; их милосердие, их справедливость служат долоту и ошейнику. Как знать, не явились ли Цзэн цзы и Хронист Ю гремучей стрелой для Разрывающего на Части и разбойника Чжи? Поэтому-то и говорится: «Забудьте о мудрости, отбросьте знания, и Поднебесная обретет мир».

Истинный путь

Уже девятнадцать лет стоял на престоле Желтый Предок как Сын Неба; его приказы выполнялись по всей Поднебесной. Однажды он услышал, что на вершине горы Единения Пустоты обитает Всеобъемлющий Совершенный, и отправился с ним повидаться.

— Я слышал, — сказал Желтый Предок, — что вы, мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, какова его сущность? Я стремлюсь воспользоваться сущностью неба и земли, чтобы помочь созреванию всех пяти злаков для прокормления народа. А еще я стремлюсь направить силы жара и холода на благо всего живого.

— То, о чем ты хочешь спросить, это — сущность вещей; а то, как ты хочешь управлять, это — пагуба для вещей, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — С тех пор как ты правишь Поднебесной, дождь идет прежде, чем пары превратятся в облака; листья и травы опадают, не успев пожелтеть; лучи солнца и луны все более угасают. В сердце твоём склонность к мелочам, точно у краснобая. Разве достоин ты беседы об истинном пути?

Желтый Предок удалился, сложил с себя управление Поднебесной, построил себе отдельную хижину с циновкой из белого пырея. Здесь он провел в праздности три луны, а затем снова навестил учителя.

Всеобъемлющий Совершенный лежал головой к югу. Полный покорности, Желтый Предок подполз к нему на коленях, дважды поклонился до земли и спросил:

— Я слышал, что вы, мой учитель, постигли истинный путь. Дозвольте задать вопрос, как управлять самим собой, как добиться долголетия?

Всеобъемлющий Совершенный поспешно поднялся и ответил:

— Вопрос ты задал прекрасный! Подойди, я поведаю тебе об истинном пути.

Мельчайшее истинного пути глубоко и темно, величайшее истинного пути сумрачно и безмолвно. Не смотри, не слушай, покойся, храня свой разум, и тело само собой выправится. Будь покоен, чист, не утруждай свое тело, не тревожь свое семя и проживешь долго. Если глазам нечего будет видеть, ушам нечего слышать, сердцу нечего познавать, твоя душа сохранит твое тело, и тело проживет долго. Чем больше будет у тебя знаний, тем скорее потерпишь поражение. Береги в себе внутреннее, замкнись от внешнего.

А тогда я с тобой поднимусь к великой ясности вплоть до истоков высшей силы жара; войду в ворота мрака, и мы достигнем истоков высшей силы холода. Небо ведаёт своим, земля — своим; у каждой из сил жара и холода — свое вместилище. Береги и храни самого, себя, а вещи созреют сами по себе. Я храню силы жара и холода в единстве, чтобы удержать их в гармонии, поэтому тысячу двести лет соблюдаю себя, а тело мое до сих пор не одряхлело.

Желтый Предок дважды поклонился до земли и попросил:

— Расскажите о природе, Всеобъемлющий Совершенный.

— Подойди, я тебе поведаю, — ответил Всеобъемлющий Совершенный. — Она в своих вещах неисчерпаема, а все люди думают, что она конечна. Она в своих вещах неизмерима, а все люди думают, что она предельна. Из тех, кто обрел мой путь, лучшие стали предками, а худшие — царями. Из тех, кто утратил мой путь, лучшие увидели свет, а худшие обратились к земле. Ведь все, что ныне процвета-

ет, родилось из земли и вернется в землю. Поэтому я покину тебя и пройду во врата бесконечности, чтобы странствовать в беспредельных просторах. Я сольюсь с лучами солнца и луны, соединюсь в вечности с небом и землей. Когда я уйду, даже далекие от меня опечалются. Все люди умрут, и только я один буду существовать.

БЕЗНАЧАЛЬНЫЙ ХАОС

Поддерживаемый вихрем, Полководец Облаков странствовал на востоке и встретился с Безначальным Хаосом. Безначальный Хаос прогуливался, подпрыгивая по птичьим и похлопывая себя по бедрам. Завидев его, Полководец Облаков в

смущении остановился и почтительно спросил:

— Кто вы, старец? Что, старец, делаете?

— Прогуливаюсь, — ответил ему Безначальный Хаос, продолжая похлопывать себя и прыгать.

— Я хочу задать вопрос, — сказал Полководец Облаков.

— Фу! — посмотрев на него, воскликнул Безначальный Хаос.

— В эфире неба нет гармонии, — начал Полководец Облаков, — в эфире земли застой, в шести явлениях природы нет согласия, в смене времен года нет порядка. Что мне делать, если я собираюсь ныне привести в гармонию сущность шести явлений, чтобы прокормить все живое?

— Не знаю, не знаю, — ответил Безначальный Хаос, похлопывая себя, прыгая и покачивая головой.

Полководец Облаков не решился снова спросить.

Прошло три года. Странствуя на Востоке, Полководец Облаков миновал равнину Владеющих Жилищем. Он снова заметил Безначального Хаоса, в большой радости поспешил к нему и заговорил:

— Вы не забыли меня, Равный Небу? Вы не забыли меня, Равный Небу? — дважды поклонился до земли и хотел было задать ему вопрос, как Безначальный Хаос произнес:

— Что я могу знать? Парю, не ведая зачем. Несусь, не ведая куда. Странствующий утруждается, чтобы наблюдать, как все идет своим путем.

— Я сам также считаю, что несусь, не ведая куда. Но народ следует за мной повсюду, и я с ним ничего не могу поделать. Ныне же, подражая людям, хочу услышать от вас хоть одно слово.

И тут Безначальный Хаос заговорил:

— В том, что основа природы распатывается, характер всех вещей извращается, изначальная природа остается незавершенной, стада разбегаются, птицы поют по ночам, засуха сжигает деревья и травы, беда настигает даже пре-

смыкающихся и насекомых, — вина тех, кто наводит порядки среди людей.

— Но что же мне делать? — спросил Полководец Облаков.

— Ах! Все это один вред! — воскликнул Безначальный Хаос, — возвращайся к себе потихонечку.

— С вами, Равный Небу, так трудно встретиться. Хотелось бы услышать хотя бы еще одно слово, — попросил Полководец Облаков.

— Ах! — ответил Безначальный Хаос. — Укрепляй свое сердце. Если только ты предашься недеянию, вещи будут сами собой развиваться. Оставь свое тело, свою форму, откажись от зрения, от слуха, забудь о людских порядках, о вещах, слейся в великом единении с самосушим эфиром. Освободи сердце и разум, стань покойным, будто неодушевленное тело, и тогда каждый из тьмы существ станет самим собой, каждый вернется к своему корню. Каждый вернется к своему корню неосознанно, смешиваясь в общем хаосе, и не оставит его до конца своей жизни. Если же осознают это, то его корень покинут. Не выпрашивай его названия, не испытывай его свойств, и все вещи будут сами собой рождаться.

— Теперь я обрел то, что искал, — сказал Полководец Облаков. — Вы, Равный Небу, ниспослали мне свои свойства, просветили меня безмолвием, — он дважды поклонился до земли, попрощался и удалился.

О правлении Познебесной

Цзянлюй Уговаривающий увиделся с Цзи Уразумевшим и сказал:

— Луский правитель просил меня, Уговаривающего, разрешить ему воспринять от меня учение. Я отказывался, но безуспешно. По-

ведал ему, но не знаю, попал ли в цель. Разрешите попытаться представить вас царю. Я же сказал лускому царю: «необходимо покорять почтительных и бережливых, выдвигать преданных общему и верных царю, не лстивых и не корыстных. И тогда никто в народе не посмеет нарушать согласие».

Цзи Уразумевший рассмеялся и ответил:

— Вам, учитель, речами о добродетелях предков и прежних царей не справиться с задачей так же, как кузнечику богомолу, что в гневе топорщит крылья, преграждая дорогу повозке. Ведь таким образом царь сам только подвергся бы опасности: у него в башне много сокровищ: куда бы он ни отравился, по его следам бросается толпа.

Цзянлюй Уговаривающий задрожал от страха и сказал:

— Мне, Уговаривающему, неясны ваши слова, учитель. И все же хочу, чтобы вы, Преждерожденный, рассказали мне об этом главное.

Цзи Уразумевший ответил:

— Великий мудрец, правя Поднебесной, воодушевляет сердца людей, чтобы они завершали обучение, улучшали обычаи, отказывались от разбойничьих страстей. Он ведет всех своей единой волей, но происходит это подобно само-движению природного характера каждого, причину этого народ не сознает. Разве такой человек беспредельный и необъятный, в обучении народа может считаться младшим братом Высочайшего и Ограждающего, а не старшим их братом? Он стремится к тождеству с изначальными свойствами и к покою сердца.

Ответы Изначального Тумана

Изначальный Туман отправился на восток к Великой пучине и на берегу Восточного моря повстречался с Легким Ветерком. Легкий Ветерок спросил:

— Куда вы направляетесь?

— К великому океану.

— Зачем же?

— Хочу там побродить. Ведь великий океан — это то, что не наполняется, сколько бы в него ни вливалось, и не иссякает, сколько бы из него ни выливалось.

— Нет ли, у вас, учитель, мыслей о народе с глазами впереди? Хотелось бы услышать о мудром правлении.

— При мудром правлении, — ответил Изначальный Туман, — начальники в раздачах не упускают необходимого каждому, выдвигают людей, не упуская способностей каждого; видят все дела в целом и творят должное. Дела сами собой совершаются, слова сами собой произносятся, и Поднебесная развивается. Один взгляд, взмах руки — и со всех четырех сторон народ прибывает. Вот это и называется мудрым правлением.

— Хотелось бы услышать о добродетельном человеке.

— Человек, обладающий изначальными свойствами, в покое не знает тоски, в действиях не знает опасений. Он не следует учению об истине и лжи, о красоте и безобразии. Когда все среди четырех морей наслаждаются общими благами — считает это своей радостью; получают общие дары — считает это своим покоем. Без него народ огорчается, как младенец, потерявший мать; отчаивается, как пешеход, сбившийся с дороги. Вещей у всех в изобилии, а откуда, неведомо; еды и питья вдоволь, а от кого, неизвестно. Таков облик человека, которого называют обладающим изначальными свойствами.

— Хотелось бы услышать о человеке, обладающем разумом.

— Человек, обладающий высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч и исчезает вместе со своим телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив тяготы всей тьмы дел, наслаждается радостью неба и земли, и вся тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

Тупик

Когда Конфуций странствовал на Западе в Вэй, Янь Юань задал вопрос наставнику Золотому: — Что думаете вы о поступках учителя?

— Твой учитель зашел в тупик. Как жаль! — воскликнул наставник Золотой.

— Почему? — спросил Янь Юань.

— Пока при обряде соломенное чучело собаки еще не показывали, — ответил наставник Золотой, — ее укладывают в корзину, покрывают узорчатым платком, а Покойник и жрец, чтоб приблизиться к ней, соблюдают пост. А после обряда, когда это чучело выбросят, прохожие топчут ему голову и спину, солому же просто сжигают, готовя пищу. Если кто-нибудь снова подберет чучело собаки, уложит в корзину, покроет узорчатым платком и, странствуя, будет под ней спать, ему приснится кошмар или он засорит себе глаза. Ныне же твой учитель опять подбирает залежалые чучела собак времен древних царей, сзывает учеников, с ними странствует и спит под чучелом. Поэтому-то на него свалили дерево в Сун, он заметал следы при бегстве из Вэй, терпел бедствие в Шан и Чжоу — разве это не было кош-

марным сном? Он был осажден между Чэнь и Цай, семь дней оставался без горячей пищи, на грани смерти — разве это не было засорением глаз? Ведь по воде лучше всего передвигаться в лодке, а по суше — в повозке. В лодке можно передвигаться по воде, но толкать лодку по суше не значит ли за всю жизнь не сделать ни шага? Разве древность не отличается от нашего времени, как вода от суши? Разве чжоуские порядки не отличаются от луских, как лодка от повозки? Применять ныне в Лу чжоуские порядки — не то же ли, что толкать лодку посуху? Утомительно и бесполезно, да и для здоровья вредно. Конфуций не ведает, что движение безгранично, что, соответствуя вещам все развитие бесконечно. Разве ты не видел колодезного журавля? Черпаешь воду — нагибается, отпустишь — поднимается. Ведь человек его нагибает, а не он нагибает человека. Поэтому его поклоны не могут обидеть людей. Так же и обряды и долг, законы и меры времен трех владык и пяти предков уважали не за то, что они были одинаковыми, а за то, что отвечали порядку. Поэтому сравнивать обряды и долг, законы и меры времен трех владык и пяти предков то же, что уподоблять друг другу резань и грушу, мандарин и помелон: хотя все они съедобны, но вкус у всех различный. Так же и обряды, долг, законы, меры изменяются в соответствии с временем. Если же ныне оденем обезьяну в платье Чжоугуна, она непременно станет кусать, грызть, тащить, рвать платье и не успокоится, пока его с себя не стащит. Изучая различия между древностью и современностью, видим, что они подобны различию между обезьяной и Чжо-

угуном. В старину красавица Си Ши из-за боли в сердце хмурилась при всех в селении. На нее залюбовалась некая Уродина и, вернувшись к себе домой, также стала хвататься за сердце и хмуриться при всех в своем селении. Однако богачи, завидя ее, запирали накрепко ворота и не показывались, а бедняки, завидя ее, уходили прочь, уводя с собой жен и сыновей. Уродина поняла лишь, что хмуриться красиво, но не поняла, почему красиво. Жаль! И твой учитель оказался в таком же тупике!

Океан и повелитель реки

С осенними разливами сотни потоков переполнили Реку. Она разлилась так широко, что с одного берега и даже с островка не отличишь на другом берегу буйвола от коня. И тут Дядя Реки возрадовался, считая, что у него теперь вся красота Поднебесной.

Он по течению двинулся к востоку и достиг Северного Океана. Взглянул на восток и не увидел воде конца. Тут Дядя Реки повертел головой, глядя на водный простор, вздохнул и обратился к Северному Океану Жо:

— Простая поговорка гласит: «О пути узнал одну час-
тицу и мнит, что с ним никто уж не сравнится», — это
сказано обо мне. Я слышал к тому же, как мало ценили
знания Конфуция, как презирали Старшего Ровного за при-
верженность долгу. Раньше я этому не верил, ныне же убе-
дился, узрев, как ты неисчерпаем. Не дойди я до твоих во-
рот, мне грозила бы опасность еще долго терпеть насмешки
тех, кто изучает великий путь. Северный Океан Жо сказал:

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море — ее пре-
дел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — она
знает лишь свое время года. С ограниченным человеком не
толкуй о пути, он связан тем, чему его обучили. Ныне, по-
кинув свои берега, ты полюбовался великим океаном и по-
нял свое ничтожество, значит, с тобой можно поговорить о
великом законе. В Поднебесной нет большего водного про-
странства, чем океан. В него устремляется тьма потоков —
неведомо, когда остановятся, — а он не переполняется. Из
него вытекает пучина Задние Ворота — неведомо, когда
иссякнет, а он не осушается. Океан не меняется ни весной,
ни осенью, не знает ни наводнений, ни засухи. Даже изме-
рить нельзя, насколько он превосходит реки и потоки. Но
все равно я никогда не считал себя огромным.

Сам я сравнивал себя с небом и землей, с силами жара и
холода, от которых получал эфир, и рядом с небом и землей
я оказался подобным камешку или деревцу на огромной горе.
Увидев себя малым среди существующего, как мог я счи-
тать себя большим? Четыре моря в пространстве между
небом и землей не походят ли на впадины от камней посре-

ди большого болота? А Срединные царства в центре четы-
рех морей не походят ли на зернышко в большом амбаре?
Называя вещи, говорили: их тьма, к человеку же относили
одно название. Людей всего девять областей, но куда бы ни
проникали корабли и повозки, среди тех, кто питается зер-
ном, человек был лишь одной частью.

В сравнении с тьмой вещей не подобен ли человек кон-
чику волоска на конской шкуре? Вот к чему сводится все
значение деяний пяти предков, борьбы царей трех династий,
забот милосердных и хлопот служилых мужей. Вот
почему лишь хвастовством можно считать и славу Старше-
го Ровного, отказавшегося от престола, и много-знание
Конфуция, толковавшего обо всем в речах. Не так ли и ты
недавно хвастался массой своих вод?

— В таком случае, — спросил Дядя Реки, — можно
ли считать небо и землю самым большим, а кончик волоска
самым малым?

— Нет! — ответил Северный Океан Жо. — Ведь
время бесконечно, качества вещей безграничны, в их участи
нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и
того же. Поэтому-то обладающие глубокими познаниями
наблюдает и за близким и за далеким; маленькое для них
— не мало, большое — не велико; так узнают, что качества
бесконечны. Доказательств ищут и в современности, и в
древности; древними не тяготеют, хотя они и отдаленные;
современные собирают, не становясь на цыпочки, так узна-
ют, что время бесконечно. Изучают пустое и полное; обре-
тая, не радуются; утратив, не печалются; так узнают, что в

участи нет постоянства. Видя жизнь как ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; так узнают, что ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человеком меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. Если с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает: «Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить»? — спросил повелитель Реки.

— Ведь тот, кто, исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, — его не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо, — тот, кто, исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, его не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить их легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению для счета: то, что нельзя охватить, не исчерпаешь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от величины крупной или мелкой. Поэтому-то большой человек не стремится причинить вреда людям, но и не проявляет излишней своей

благосклонности и милосердия. Не действует ради выгоды и не презирает раба у ворот. Не сутяжничает из-за имущества и товаров, но и не кичится, уступая или от них отказываясь. В делах не прибегает к чужой помощи, и не кичится тем, что кормится собственными силами, не презирает жадных и алчных. В своих поступках отличается от людей пошлых и не кичится таким отличием. Следуя за толпой, не презирает говорунов и льстецов. Ранги и жалованье в мире не считает достойным поощрением; казни и позор не считает постыдными. Знает, что нельзя точно разделить правильное от неправильного, нельзя точно отличить малое от большого. Я слышал, что человек, постигший путь, остается неизвестным; что обладающий высшими свойствами ничего не обретает; что у великого человека нет самого себя — таков высший предел в ограничении своей доли.

— Если не различать вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых? — спросил повелитель Реки.

— Если судить исходя из пути, — ответил Северный Океан Жо, — нет вещей благородных, нет презренных. Если судить исходя из вещей, то они самих себя ценят, а других презирают. Если судить исходя из людских обычаев, то от самого человека не зависит, быть ему благородным или презренным. Если судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то вся тьма вещей окажется большой; если называть малыми тех, кого считают малыми, то вся тьма вещей окажется ма-

лой. Так узнаешь, что небо и земля — зернышко; так узнаешь, что кончик волоска — холм или гора. Так сравнивают по относительной величине. Если судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у всей тьмы вещей окажутся заслуги; если отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у всей тьмы вещей заслуг не окажется. Так, узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, можно определить роль каждого как части. Если судить исходя из интересов каждого и одобрять тех, кого одобряют, то всю тьму вещей придется одобрить; если осуждать тех, кого осуждают, то всю тьму вещей придется осудить. Так, узнав, что Высочайший и Разрывающий на Части каждый себя одобрял, но один другого порицал, можно увидеть, как властвовали собственные интересы. В старину Высочайший и Ограждающий уступили трон и остались предками, а Куай уступил трон и погиб. Испытующий и Воинственный боролись и стали царями, а Бэйгун боролся и погиб. Отсюда видно, что обычай — уступать трон или бороться за него, поведение Высочайшего или Разрывающего на Части нельзя принимать за нечто постоянное, они бывали то благородными, то презренными. Балкой можно протаранить городскую стену, но нельзя заткнуть нору — таково различие в орудиях. Рыжий Быстроногий и Рыжий Черногривый пробегали в день по тысячи ли, но мышей ловили бы хуже, чем дикая кошка, — таково различие в способностях. Сова и филин по ночам ловят блох, различают кончик волоска, а днем таращат глаза и не замечают даже гору, — таково

различие в природных характерах. Поэтому и говорится: «Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, природного характера всей тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать силу холода и отрицать силу жара, — ясно, что это не годится. И все же об этом толкуют, не переставая, если не дураки, так лгуны. Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от своих современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости. Помолчал бы ты, Дядя Реки! Откуда тебе знать, где ворота благородного, а где — презренного, где дома малых, а где — великих!

— Что же мне в таком случае делать, а чего не делать? — спросил Дядя Реки. — Принимать или отказываться? Добиваться или отступать? Как же мне, в конце концов, быть?

— Что такое благородный? Что такое презренный? Если судить исходя из пути, назову это лишь развитием противоположностей, — ответил Северный Океан Жо. — Не упрямясь в своих мыслях, они большое препятствие для пути. Что такое малые? Что такое великие? Это назову лишь благодарностью за дары природы. Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем. Будь суров подобно такому государю в царстве, который не знает личного пристрастия. Будь удовлетворен подобно богу Земли во время жертвоп-

риношения — для него нет личного счастья. Будь широк подобно бесконечности всех четырех сторон, которой нет пределов. Охвати всю тьму вещей, не вникая кто кому помогает, кто кого поддерживает, — это назову беспристрастием. Станешь относиться ко всей тьме вещей беспристрастно, разве окажутся одна хуже, другая лучше? У пути нет ни конца, ни начала, у вещей есть смерть и рождение, их совершенство ненадежно; то пустые, то полные, не навечно обретают свою форму. Годы нельзя повторить, время нельзя остановить. Увядание и рост, полнота и пустота, конец и начало — вот почему называем великой справедливостью, судим о естественном законе тьмы вещей. Жизнь вещи подобна стремительному бегу, она развивается с каждым движением, изменяется с каждым моментом. Ты спрашиваешь, что тебе делать? Чего не делать? Ведь в будущем, конечно, сам по себе изменишься.

— Но что же тогда ценного в пути? — спросил Дядя Реки.

— Познавший путь, — ответил Северный Океан Жо, — непременно постигнет естественный закон; постигший естественный закон непременно поймет, что такое власть; понявший, что такое власть, не станет вредить себе из-за вещей. Человека настоящих свойств огонь не обожжет, вода не утопит, ни холод, ни жар не причинят ему вреда, ни хищные птицы, ни дикие звери его не погубят. Это не значит, что они к нему отнесутся безразлично. Это значит, что он изучает опасное и безопасное, спокоен в счастье и в беде, осторожен, и приближаясь и удаляясь, и ничто ему не вре-

дит. Поэтому и говорится: «Естественное — внутри, человеческое — вовне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, обретишь корень в природном и твердость в свойствах. Чем топтаться на месте, то вытягиваясь, то сжимаясь, лучше вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое? — спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги, — ответил Северный Океан Жо, — это называют естественным. Конь в узде, буйвол с продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческого, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняй природное, не теряй его — это назову возвращением к своему истинному.

Лягушка и черепаха

ЖЕЛТЫЕ
КИРПИЧ

Гунсунь Лун сказал царевичу Моу:

— Я, Лун, с юности изучал путь древних государей, когда вырос, понял поведение милосердного и справедливого. Я объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, утвердил истинное

и неистинное, возможное и невозможное. Я утомился, постигая знания всей сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуан-цзы и удивился, так они неясны. В чем я отстал от него — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепахе из Восточного моря? «Почему бы, вам, учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? Я выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаясь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зай-

ду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем и стопа и голень. Никто кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, распоряжаться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не успела еще Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут она потопталась и, пятась, стала рассказывать Лягушке о море: «Ведь так оно широко, что тысячи ли не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи жней не хватит достать до дна. Во времена Молодого Дракона за десять лет девять раз случалось наводнение, а воды в море не прибавилось; во времена Испытующего за восемь лет семь раз случалась засуха, а берега его не понизились. Много ли пройдет времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, море не переменится. Вот какое огромное наслаждение жить в Восточном море». Тут, само собою разумеется, Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала, как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с твоими знаниями, недостаточными, чтобы понять тончайшие речи учения, со стремлением каждый раз показаться острословом своего времени?

Да притом тебе, — продолжал царевич, — со знаниями, недостаточными, чтобы отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуан-цзы, как комару снести гору, а стоножке перегнуть реку. Чжуан-цзы же в своем мастерстве попирает Желтые истинники; взмывает к дальним небесам, для него нет ни юга,

ни севера. Беспрепятственно проникая во все четыре стороны, погружается в неизмеримое, для него нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению эфира. Ты же с трепетом просишь рассказать о нем для изучения, ищешь его, чтоб отточить свое красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как делиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина учились ходьбе в Хань-дане? Еще не приобретя в этом царстве нового мастерства, утратили прежнюю сноровку в ходьбе, вернулись же ползком. Если ты теперь не уйдешь, забудешь прежнее искусство, потеряешь свое ремесло.

Гунсунь Лун удался так стремительно, что не успел ни остановить языка, ни закрыть разинутого рта.

Действительно много

Чжуан-цзы увиделся с лусским царем, и тот ему сказал:

— В Лу много конфуцианцев, но мало ваших последователей.

— В Лу мало конфуцианцев, — возразил Чжуан-цзы.

— Как же можно говорить, что их мало, когда по всему царству ходят люди в конфуцианских одеждах?

— Я слышал, будто конфуцианцы носят круглую шапку в знак того, что они познали бремя Небес, — сказал Чжуан-цзы. — Я слышал, будто они ходят в квадратной обуви в знак того, что познали форму Земли; подвешивают к поясу на разноцветном шнуре нефритовое наперстие для стрельбы в знак того, что решают дела немедленно. Благородные мужи, обладающие этим учением, вряд ли носят такую одежду, а те, кто носит, вряд ли знают это учение. Вы, государь, конечно, думаете иначе. Но почему бы вам не объявить по всему царству: «Те, кто носят такую одежду, не зная этого учения, будут приговорены к смерти!»

И тогда царь велел оглашать указ пять дней, и в Лу не посмели больше носить конфуцианскую одежду.

Лишь один муж в конфуцианской одежде остановился перед царскими воротами. Царь сразу же призвал его, задал вопрос о государственных делах, и тот, отвечая, оказался неистощимым в тысяче вариантов и тьме оттенков.

— Во всем царстве Лу — лишь один конфуцианец? — удивленно воскликнул царь.

— Вот это действительно много! — сказал Чжуан-цзы.

Проводник

В старину жил один проповедник, учивший, как познать путь к бессмертию. Царь послал за ним, но посланец не спешил, и тот проповедник умер. Царь сильно разгневался и собрался было казнить посланца, когда любимый слуга подал царю совет:

— Люди более всего боятся смерти и более всего ценят жизнь. Если сам проповедник утратил жизнь, то как же он мог сделать бессмертным царя?

И посланца пощадили.

Некий бедняк хотел научиться бессмертию и, услышав, что проповедник умер, стал бить себя в грудь от досады. Услышал об этом богач и принялся над ним смеяться:

— Сам не знает, чему собрался учиться. Ведь тот, у кого хотели научиться бессмертию, умер. Что же он огорчается?

— Богач говорит неправду, — сказал Ху-цзы. — Бывает, что человек, обладающий средством, не способен его применить. Бывает также, что способный применить средство им не обладает. Некий вэец прекрасно умел счи-

тать. Перед смертью он передал сыну свой секрет в виде притчи. Сын слова эти запомнил, а применить их не сумел. Он передал слова отца другому человеку, который у него об этом спросил. И тот человек применил секрет не хуже, чем это делал покойный.

Вот так и с бессмертием! Разве умерший не мог рассказать о том, как познать путь к бессмертию?

Зачем тревожиться

Некий писец не мог ни есть, ни спать: он опасался, что Небо обрушится, а Земля развалится — и ему негде будет жить. Опасения эти опечалили другого человека, который отправился к нему и стал объяснять:

— Почему ты опасешься, что обрушится Небо? Ведь Небо — это скопление воздуха. Ты живешь, дышишь и действуешь в этом небе.

— Но если Небо — действительно скопление воздуха, то разве не должны тогда упасть солнце, луна, планеты и звезды? — спросил писец.

— Солнце, луна, планеты и звезды — это та часть скопления воздуха, которая просто блестит. И если бы они даже упали, то никому бы не причинили вреда.

— А если Земля развалится?

— А почему ты опасаясь, что Земля развалится? Ведь Земля — это скопление твердого тела, которое заполняет все четыре пустоты. И нет места без твердого тела. Ты стоишь, ходишь и действуешь на Земле.

Услышав это, писец успокоился и очень обрадовался. Объяснявший ему тоже успокоился и тоже обрадовался.

Услышав об этом, учитель Мо усмехнулся и сказал:

— Радуга простая и двойная, облака и туман, ветер и дождь, времена года — эти скопления воздуха образуют Небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево — эти скопления твердого тела образуют Землю. Разве познавший, что Небо — это скопление воздуха, и познавший, что Земля — это скопление твердого тела, скажет, что они не разрушаются? Ведь в пространстве Небо и Земля — вещи мелкие, самое крупное из них — бесконечно и неисчерпаемо. И это очевидно, что опасность их разрушения относится к слишком далекому будущему, но слова о том, что они никогда не разрушатся, также неверны. Поскольку Небо и Земля не могут не разрушиться, они обязательно разрушатся. И разве не возникнет опасность когда придет время их разрушения?

Услышав об этом, Ле-цзы усмехнулся и сказал:

— Те, кто говорит, что Небо и Земля разрушатся, ошибаются. Те, кто говорит, что Небо и Земля не разру-

шатся, тоже ошибаются. Разрушатся или не разрушатся — я не могу этого знать. Ведь не дело живых знать, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые. Приходящие не знают уходящих, а уходящие не знают приходящих. Так зачем тревожиться и думать о том, разрушится Небо или не разрушится?

СОДЕРЖАНИЕ

Конфуций и Лао-цзы	3
Встреча Учителя и Мастера	5
Верховный судья	10
Дао Дэ Цзин	12
Утренняя прогулка	13
Ключи Дао	14
Будьте живыми	15
Станьте бесполезными	16
Легкое есть верное	18
Наставления Лао-цзы	18
Высшее	20
Филигранщик	27
Мудрый царь	28
Спесь	29
Милосердие и справедливость	31
Справедливость	34
Первоначало	37
Ловец уикад	40
Водопад	41
Прежде неба и земли	42
Ничтожный для природы	43
Не будьте самодовольными	46
Совершенство - это полнота свойств	47
Поставить ум в тупик	48
Недеяние	50
Бабочка	51
Птица	51

Настоящее мастерство	53
Дядя дракона	54
Свет и небытие	55
Младенец	56
Волос	56
Хой	58
Три меча	59
Скакун	62
Основа жизни	64
Нож	64
Искусство стрельбы	66
Сон	68
Чжуан-цзы	70
Без страстей	71
Полезное и бесполезное	72
Меч сына неба	73
Повсюду	78
Слова Конфуция	80
Милосердие	81
Кончина жены	83
Череп	84
Что мы знаем о радости других	85
Творящий благо	86
Полный веры	87
Лекари	90
Знание и недеяние	92
Дружба четырех	95
Путь	98
Возничий	99
Обучение Ле-цзы	101

Учитель Ле-цзы	102
Странствия	104
Дары	105
Опасения Ле-цзы	106
Взгляни на тень	108
Страж Границ	109
Попасть в цель	110
Ле-цзы сказал	111
Колдун	112
Выгода	115
Безумные речи	116
Овладеть путем	117
Чайки	118
В камне	119
Беззубый	121
Жердочка для птиц	122
Свирели	124
Тени	126
Не имеющее начала	127
Мелодия	128
Срединное небо	131
Извивающийся змей	135
Судьба	137
О пути	139
Пожелания	140
Корысть	141
Представление о пути	142
Слова	143
Предел	144
Пользоваться силой	145

Четыре слуги	146
Великая тыква	147
Каждый на своем месте	149
Искусство ремесленника	150
Крестьянин и вор	151
Ми-цзы и государь	152
Путь, постоянство и счастье	153
Рыба и Океан	154
Чем можно владеть	156
Как вы можете судить	157
Послушайте нашу курицу	161
Мандарин и заморская птица	162
Шелуха душ древних людей	163
Бедно, но не плохо	165
Много радостей	166
Он нашел	167
Благородный муж перед небом	168
Момент забытья	171
Среди людей	173
Солнце	175
Зачем мне горевать	176
Нет ничего лучше пустоты	177
Чем я лучше других	178
Обезьяний царь	179
Смерть Лао-цзы	180
Смена одежды	181
Естественный процесс развития	182
Смех над соседом	183
Настоящий художник	184
Маленькие не-победы	185

Можно ли научиться управлять лодкой	187
Не иметь помех	188
Древо Небес	189
Настоящее забвение	190
Источник несчастий	191
За что муравьям такое предпочтение	192
Искусство похищения	193
Равновесие	195
Различия	197
Как заботиться о жизни	200
Порядок в царстве Чжэн	202
Сходство вещей	205
Спор с высоким Платаном	207
Наставления послам	210
Предостережение	218
Вопрос чести	220
Как Беспалый ушел от Конфуция	222
Путь одинокой	223
Неверие Нестесняющего	225
Сердца людей и порядок Поднебесной	227
Истинный путь	229
Безначальный хаос	232
О правлении Поднебесной	235
Ответы Изначального Тумана	237
Тупик	239
Океан и повелитель реки	241
Лягушка и черепаха	250
Действительно много	252
Проводник	254
Зачем тревожиться	255

КНИГА-ПОЧТОЙ

Уважаемые читатели. Книги издательства
вы можете заказать по почте наложенным платежом.

440018, г. Пенза, ул. Карпинского, 34-23,

E-mail: penza_izd@list.ru, тел.: (8412) 42-25-66, 42-67-48

Ниже приводится стоимость книг без учета почтовых расходов.

При заказе одновременно нескольких книг почтовые расходы снижаются.

Наименование книг	Цена
Заветы Майтрейи	30 р.
Серия «Радуга». Школа Майтрейи	
1. Слово Учителя; 2. Радуга Майтрейи; 3. Путь России	
4. Сад Майтрейи; 5. Психология Духа; 6. Чаша Огня	
7. Цит Мир.	по 30 р.
8. Духовное Целительство	35 р.
Павлов В.И. Скорая помощь организму человека	70 р.
Павлов В.И. Гармония и Здоровье.	90 р.
13 врат эзотерики. История эзотерических учений.	60 р.
Е. Сорокин. Енох	55 р.
Буддийские притчи	35 р.
Дзенские притчи	35 р.
Даосские притчи (доп. издание 2007 г.)	60 р.
Суфийские притчи	60 р.
Индуистские притчи	55 р.
Христианские притчи	55 р.
Притчи о Молле Насреддине	60 р.
Притчи от ОШО	60 р.
Притчи от ОШО. Книга вторая	60 р.
Притчи от ОШО. Книга третья	60 р.
Притчи от ОШО. Книга четвертая	60 р.
Притчи от ОШО. Книга пятая	60 р.
В. Рыбников. Тайны дольменов	35 р.
В. Рыбников. Ведическая культура Руси	55 р.
В. Рыбников. Загадка Праматей	45 р.
Р. Южная. Учение в трех общинах или Закваска в трех мерах муки	30 р.
Т. Бейджара. Многомерное счастье	50 р.
А. Кроули. Книга Закона. Книга Лжей	70 р.
А. Кроули. Лунное дитя	75 р.
Шри Ауробиндо. Основы Йоги	30 р.
Н.Б. Энкельманн. Жить с радостью	30 р.
Н.Б. Энкельманн. Преуспевать с радостью	35 р.
Млечный путь во Вселенной	30 р.
Аоурана. Основы Универсального Учения Новой Эпохи,	30 р.

Издательство "Золотое сечение" приглашает
к сотрудничеству авторов, переводчиков литературы
по эзотерике, психологии, нетрадиционной медицине и т.п.

Свои предложения присылайте:

E-mail: penza_izd@list.ru

тел.: (8412) 42-25-66

художник

Никорук А. И.

Давосские Притчи

Издательство "Золотое сечение"

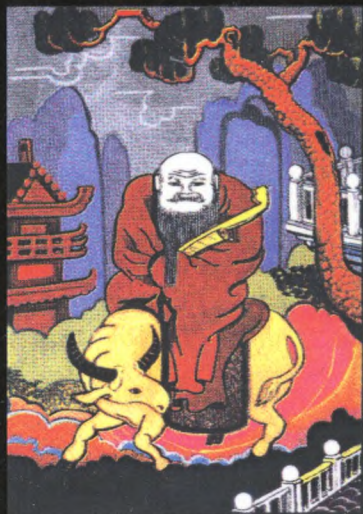
E-mail: penza_izd@list.ru

Подписано в печать 10.01.2007 г.

Формат 60х90/16 Бумага офсетная.

Усл. печ л. 43 Тираж 1000. Заказ 101

ДАОССКИЕ ПРИТЧИ

Одна из самых замечательных традиций - традиция передачи духовных знаний в притчах.

С помощью притч каждая традиция раскрывает для самых простых умов глубочайшие тайны своего учения.

Каждая притча - выражение духовного опыта множества жизней, она - шифр духа.

ЗОЛОТОЕ

сечение